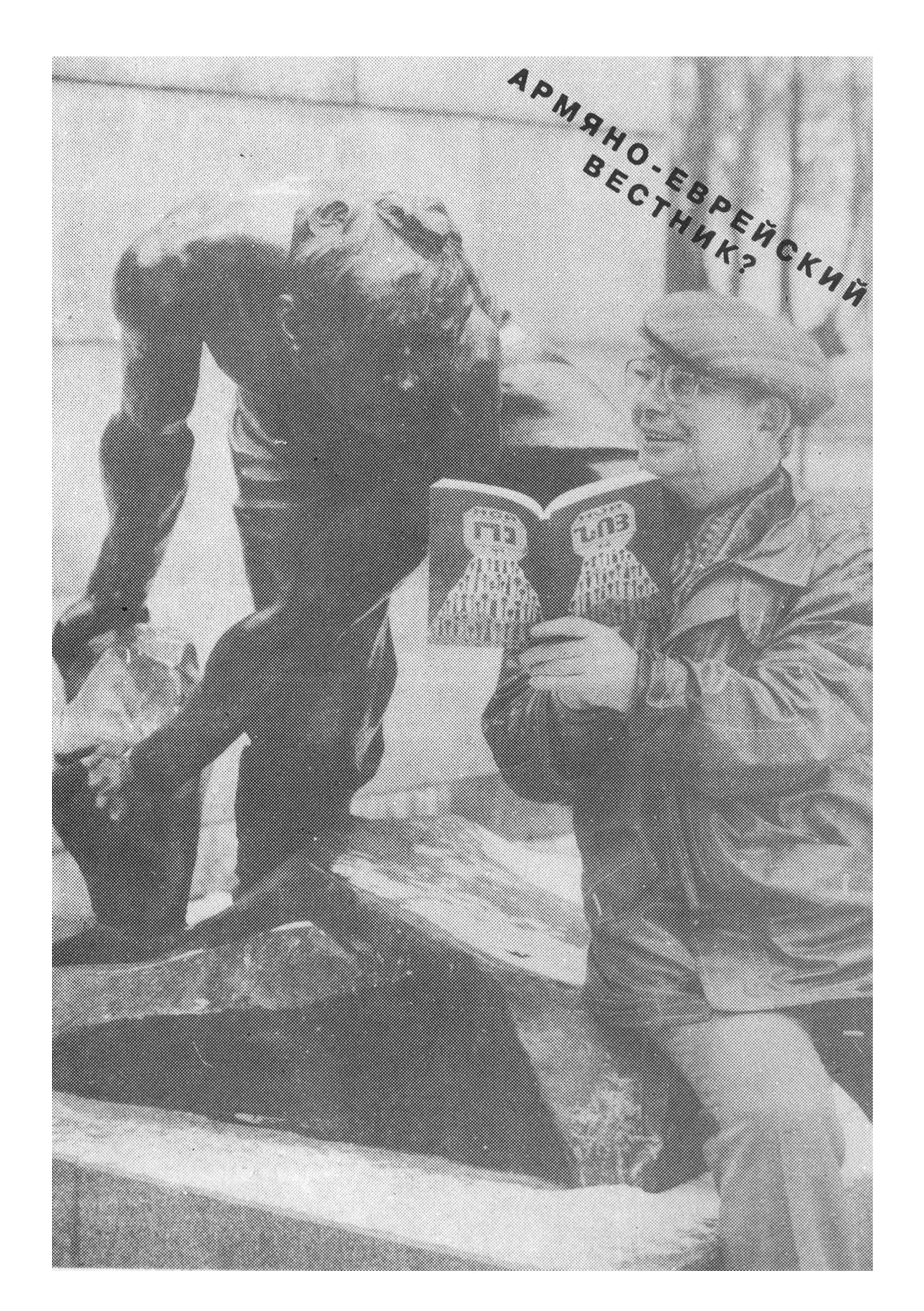
НОЙ

ՆՈՅ

15

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК?

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯН

МОСКВА
1995

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК «НОЙ» — ЕДИНСТВЕННЫЙ В ДВУХ ПОЛУШАРИЯХ ЗЕМЛИ!

Подписка и продажа в России:
113534 Москва а/я 11
тел. (095) 386-25-63

Подписка и продажа в Израиле:
Книжный магазин «МАДРИХ»
Иерусалим ул. Иегудит, 4
тел (02) 384-075

Подписка и продажа в Германии:
фирма «КУБОН УНД ЗАГНЕР»
Kubon & Sagner
Heβstraße 39/41• 80798 München
тел. (089) 54218-110
факс (089) 54218-218

ISBN 5-7270-0012-2

СПАСИБО.
ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ «НОЙ»!

Юрий АВАКЯН
Александр АЛАВЕРДЯН
Борис АЛЬТШУЛЕР
Евгений БАЧУРИН
Лариса БЕЛАЯ
Анаида БЕСТАВАШВИЛИ
Кнут БРИНХИЛЬДСВОЛЛ
Арнольд БЯЛИК
Анна ВАРЖАПЕТЯН
Рубен ВАРЖАПЕТЯН
Михаил ВЕЛЛЕР
Владимир ГИРШОВИЧ
Вениамин ГОРОДЕЦКИЙ
Абрахам ГРИНБАУМ
Сильвия ДАЯН
Даниил ДОМБРОВСКИЙ
Виктория ДУБНОВА
Лев ДУГИН
Игорь ДУЭЛЬ
Ирина ИСАГУЛИЕВА
Игорь ЗОЛОТУССКИЙ
Леонид ЗАВАЛЬНЮК
Татьяна КАЛЕЦКАЯ
Татьяна КОНОНЕНКО
Юрий КОНОНЕНКО
Анна КОРОТКОВА
Патриция МАЗИ
Изабелла МИЗРАХИ
Самуил МИРИМСКИЙ
Люда МОЛДАВСКАЯ
Галина НУЙКИНА
Булат ОКУДЖАВА
Михаил ПОЛАДЯН
Лилия ПОПОВА
Михаил РУМЕР
Владимир РУТЧЕНКО
Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ
Валерий СУББОТИН
Роза СУББОТИНА
Сергей СУМИН
Владимир ТОЛЬЦ
Кари УЕККЕР
Хайко УЕККЕР
Ефим ФАВЕЛЮКИС
Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН
Борис ХАЗАНОВ
Борис ШАПИРО
Николай ЭСТИС

Лев ФРУХТМАН (Иерусалим)

АРАРАТСКАЯ ДОЛИНА

Полдень. Жарко. Не дышу,
А вдыхаю воздух тминный.
Я, пожалуй, опишу
Только дымку над долиной.
А библейская гора,
Будто символ всеармянства,
Только дивная игра
Светотени и пространства.
Надо с этого начать,
Сверху, с этого сиянья,
Чтобы слов не расточать
Попусту. Гора — армянья.
Арарат в крови, в законе,
И в преданьях, и в стихах,
И в гербе, и в медальоне,
В песне, в праведных трудах.
В эпос был он вписан клином
Как оплот, как жизни свет.
А придется — может, клином
Здесь опять сойдется свет.

Айгерлич, 1972

Манук ЖАЖАЯН (Париж)

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Моим дочерям

Не осталось во мне ни следа от тропической неги,
Забываю, как солнце душисто и камень горяч,
Ничего, кроме темного льда и соленого снега.
Из которого дочь моя лепит — кулич иль калач?

Мне любая разлука, любая разлука посильна
(Оттого что надеюсь на более пестрые сны)
Даже с братом родным, даже с именем колким — Россия,
Даже с тем, что в цене, даже с тем, чему нету цены.
Что там ни говори, а гнездовье всегда есть гнездовье,

На своей ли земле, на чужой ли — не все ли равно?
Но покрытая телом твоим и политая кровью,
Возвратится к тебе через годы как хлеб и вино.

Ах, я знаю тебя, я, почти что на треть обрусевший,
Да, я вижу тебя, удалая империя зла,
Ты, пекарня и бойня, где кровь не бывает несвежей,
От ножа отвела и от черного глада спасла.

«**Русская мысль»,** Париж, 29 июля-4 августа 1993

Наталия ГЕНИНА (Москва)

* * *

Везде чужбина. Отрывая
глаза от будничных щедрот,
пойми: ни ада нет, ни рая,
а только медленный исход.

Ступай и ты, куда придется,
ступай, кочевник и изгой.
Тяжелый камень инородства
кати легко перед собой.

И ты поймешь, глотая слезы
и обращаясь в пыль и прах,
какие грозные колоссы
брели на глиняных ногах,

какая сладкая отрава
поила души и тела,
какая рухнула держава
и нас едва не погребла.

Лети — с чужбины на чужбину, —
ключи от дома передай
тому, кто долго глядя в спину,
тебе сулит дорогу в рай.

* * *

Памяти моего деда И. Шпинеля

Когда мясистым знойным днем беззвучно тлеет воздух
и вспыхивает ветошь лет под солнцем молодым,
я слышу твой упрямый шаг и твой горячий возглас,
и подступает седина к глазам моим седым.

Я, жизнь прожившая в тебе, — в земле твоей отныне.
Ты тоже был моим отцом, ты тоже дал мне власть —
искусства вечную тщету искать среди пустыни —
и находить воды глоток, и пить ее, и клясть.

Бог знает, в чем моя вина. Я поздно повзрослела.
Я оглянулась на бегу, да повернуть нельзя.
И ты вдогонку мне кричишь: мол, в этом все и дело.
А где-то бродит ветерок, меж лицами сквозя...

Как можно гору разделить? Как появиться дважды
на свет, кричащим и немым, с младенческим лицом?
Июль в разгаре. Мы живем. Мы высохли от жажды.
Я о глотке воды прошу перед твоим крыльцом.

* * *

Еще растет сознание вины
и от дорог непройденных усталость...
Мне родиною стало полстраны,
мне полстраны чужбиною осталось.

Любимых лип замкнувшаяся цепь
легка своею тяжестью привычной.
Леса густеют. Золотится степь.
Живет земля в тоске многоязычной.

Как хочет все вокруг заговорить,
быть понятым... Но мир во мне расколот.
И невозможно словом примирить
пустыни жар и океана холод.

Лев ДУГИН (Москва)

ПАССАКАЛЬЯ

О чем это? Подступает вечер, устало стихает воздух, отчетлив отсчет мигов жизни.

Так о чем это? Да ни о чем.

Душа отвращается от мимолетностей.

Легким шагом на цыпочках подкрадывается давнее - рассказать шопотом незамысловатую историю.

Из ушедшего, из давнего, из почти позабытого — проглядывают лица, простираются руки, прорываются речи.

Это ты? Твоя душа в добрых, грустно-усталых, блестких, подернувшихся влагой глазах.

Это ты? Твоя улыбка добрых, будто припухших, стыдливо вздернувшихся губ.

Душа отвращается от мимолетностей.

Так о чем это? Не о тебе. Не обо мне. Просто о грусти.

Вечер. Синие тени растягиваются до непомерности.

Вечер. Краски неба сгущаются до невозможности.

Вечер. Круговерть судеб. Вечер. Перелом времен. Вечер. Поворотный час.

О чем же все это, боже? Неужто ни о чем, господи?

Из далекого, из давнего, из ушедшего рождается звук —
трепетно, робко, громче, звонче, гремяще, гремуче —
боль человека! быль человека! вздох человека!

Так хрупко былое.

Так хрустко распадается сердце.

Так много в излившейся крови дымится утерянного, утраченного, ушедшего, унесенного.

Так о чем все это? Неужто же ни о чем?

Ни о чем. Просто грусть. Просто вечер.

ЭТЮД ФА МИНОР И СОЛЬ МАЖОР

Как грустно, когда сновидения смывает монотонный нескончаемый дождь —
за окнами опустевшие улицы
— от сна витают живые тени —
за окнами полегшее, поникшее, притихшее
— от сна отголоски и отзвуки.
Как грустно — отзвуки — сновидения — дождь — за окнами —
что-то колышится, но уже тает,

что-то мелькает,но уже удаляется,
что-то будто звучит, но уже глохнет, уже гаснет, уже меркнет.
А за окнами дождь, за окнами сетка мелких, летящих, стучащих, бегущих, струящихся капель —
снилось что-то прозрачное, тонкое, легкое,
снилось что-то радостно-невесомое, красочно-невозможное —
недавно, когда на часах за углом, недавно, когда шелест шагов и шумящее платье —
дождь за окнами! неужто нет больше солнца? —
недавно, когда звонкий голос и яркая краска губ —
Дождь за окнами! неужто неодолима дождевая завеса?
дождь за окнами! одинокие фонари за окнами! провода в одиночестве за окнами! улицы бегущие в никуда за окнами!
Дождь. Капля за каплей, капля за каплей, по нервам, по каплям, по кончикам нервов — неутомимый, неутолимый, неугомонный — по стенам, по окнам, по каплям, по нервам — мельтешит, струится, стекает, бьет — капля за каплей, по нервам, по кончикам нервов —
дом на улице, в котором ты, те, то — его уже нет?
сад за углом, в котором тогда, так, о том — его уже нет?
Снилось голубое, прозрачное, тонкое, легкое.
Снилось радостно-невесомое, красочно-невозможное.
Я тело предам прометеевым мукам! — неужто не пребудет надежды?Я сердце в высь вознесу как факел! — неужто не прибавится света.
Дождь перестал.
Голубеют просветы.
Фонари отряхнулись.
Провода распрямились.
Это сон, или явь?
По запотевшему под горячечным ртом стеклу медленно отяжелело стекают последние капли.

Сурен ТАВРОС (Ереван)

ИСЧИСЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Старик присел на камень напоследок —
(он умирать готовился) — и вот
из вороха воспоминаний жизни
извлек он прожитые дни свои
и отложил их в сторону одну,

непрожитые — в сторону другую...
Когда же счел, что прожил, а что нет,
вдруг удивился — не хватило лет...
И долго размышлял старик — куда
сложить недостающие года?
Но вспомнил — умирать пришла пора,
и встал он с камня и побрел...
А люди
глядели на чертеж его с улыбкой,
шли дальше — перечеркнутые числа...
И вдруг их настигала грусть...

перевод с армянского Гаянэ Ахвердян

Андрей ПАТРИКЕЕВ (Москва)

* * *

Исчез мой мир под бурой злой водой.
Разверзлись хляби, струи скрыли сушу.
Погиб народ, доселе мне родной,
А я живу, я спас зачем-то душу,
Я бросил всех, и вот Господь со мной.

Ковчег мой крепок. Звери делят тушу,
Какого-то косматого слона,
Семьи своей несчастья не нарушу.
Пусть думают, что каждая волна
К спасенью путь. Пусть думают, что трушу,
Что я ропщу, что вера несильна —
Я никогда не превращусь в кликушу.

Минувшее мне не поднять со дна,
Но голубя я отпущу на волю
И вниз спущусь взглянуть на семена.
Их скоро ветер разнесет по полю,
И зазвучат по свету имена.

Когда-нибудь. Пока — лишь брызги соли
На языке. Но жаловаться грех.
И кто теперь иной захочет доли?
Скажу своим — вот это будет смех!
Но над собой шутить я не позволю.

Пусть гнев Господний покарает тех.
Кто посмеется над отцовской болью.

Слона доели. Нет ли где прорех?
Не разглядишь. Грязища, чьи-то спины...
Зачем ему такой роскошный мех?
А вот и он, тот самый лист маслины,
Предвестник жизни и любви для всех.

Как хорошо. Со мной мои три сына.
Но среди них любезен мне один.
Второй. Мой Хам, в нем гордость властелина...

Ким БАХШИ

В ВЕНЕЦИИ, У МХИТАРИСТОВ

К вечеру была роса, это, оказывается, и в Венеции примета хорошей погоды на завтра. И правда — утро сияет, без единого облачка, без дымки. Все, что может блестеть, — блестит. В бездонной синеве тонет взгляд и глаза наполняются слезами.

Такое небо бывает в Армении над Араратом — в недоступной дали и вышине.

И еще — хотя и редко — в моей любимой деревне в июле, в зените лета, над Окой, над тончайшими песчаными пляжами и кукурузным полем на той стороне. Я ни разу по видел, чтобы с него убирали початки. А небо, действительно, — мреет, сгущается почти до грозовой синевы.

Накануне такого ясного дня роса накрывает всю землю, листья, траву. Каждая искореженная железина на обочине поля — в слезах. Невозможно пройти по лугу — с ромашек, с метелок щавеля на ноги сыплется дождь. А на восходе, когда все внутри дрожит от озноба и ожидания, в круглых зеленых ладонях манжетника — есть такая незаметная травка — серебрятся крупные бриллианты чистой воды. Как сорвать манжетник и не расплескать на руку, донести до губ бегучие, как ртуть, тяжелые, вкусные капли?..

Когда мы выходим из нашего палаццо Ка'Зенобио, крупная роса лежит на чугунных ограждениях канала, на перевернутых пластиковых стульях соседнего ресторанчика «Аль Спортиве». На крутых перилах мостов. На лакированных бортах причаленной барки под голубым парусом, опять полной фруктов и овощей.

Кажется, роса долила чистейшей влаги в каналы, они стали полноводней, и под синим небосводом омытая Венеция сверкает, лучится, парит в зыбких отражениях.

На площади Сан Марко к солнцу добавляется полет птиц и свист крыл. В ладонь насыпаны кукурузные зерна, и на пальцы опускается голубь, остро ухватывается когтями, гонит крыльями ветер, постепенно обретает тяжесть.

Как обычно, мы идем мимо Дворца дожей. Его огромную светлую, слабо-розовую массу поддерживают приземистые восьмигранные колонны. Их капители густо населены — высовываются какие-то голуби, агнцы, фигуры людей. На нас мельком бросают взгляды цари, рыцари, модницы. Играют музыканты, работают ремесленники — куют, пилят, стучат молотками. Переписчики склонились над книгами. Все население поддерживает дожей.

Между колонн уже видна серебрящаяся гладь лагуны. Каким сегодня нам покажется Сан Лазарро — остров св.Лазаря, где вот уже три века трудятся армянские монахи?

... На втором этаже в длинном коридоре, увешанном картинами старых венецианских мастеров, хайр Саак находит тихую дверь и весьма торжественно пропускает меня в обычную комнату.

Поскольку мы в монастыре, ее можно бы назвать кельей. Но неизвестно из чего сложившийся стереотип, как именно должна выглядеть келья, отвергает это сравнение — очень уж не вяжется с нею светлый кабинет, где царствует письменный стол, книги на нем, исписанные листы бумаги. Рядом со столом — переполненный книжный шкаф. В открытом окне вольный ветер шевелит занавески. И только железная кровать в незаметном углу, узкая, «девичья», как говорили в старые годы, накрытая серым одеялом, напоминает, что здесь не только работал, но и постоянно жил человек.

— Это комната Алишана, — произносит со значением хайр Саак и глядит на меня испытующе сквозь металлические очки, заметно уменьшающие глаза. Он хочет понять, говорит ли что-нибудь это имя приезжему человеку из Москвы. И еще во взгляде хайр Саака есть какая-то беспомощность и невысказанная просьба не обидеть его своим незнанием, равнодушием...

Все известные мне армяне относятся к Алишану с величайшим почтением и любовью — и те, кто читал, знает его, и кто только слышал о нем. Ставят его чуть ли не рядом с полководцами и фольклорными богатырями. А ведь единственным оружием, которое держал в руках Алишан, было перо. Я вижу его на столе. И еще рядом — очки, длинные, узкие, в тонкой незаметной оправе с гнущимися дужками и толстыми, как лупа, стеклами.

На вопрос, за что, почему его так любят, я обычно получал весьма замечательный ответ: он никогда не был в Армении, но знал в ней каждую скалу и родник, каждую мельницу и древнюю надпись на стене храма.

И взаправду, перу Алишана принадлежат четыре больших тома, посвященных четырем историческим областям Армении. В описании их природы, растительного и животного мира, а также истории, архитектуры, этнографии — короче, всей их жизни Алишан доходит до мельчайших деталей. И впрямь до скалы и до мельницы. И каждая подробность словно бы прижата к сердцу, согрета его руками. Алишан пишет с такой любовью, так картинно, с чувством реального присутствия, что невольно поражаешься — неужели, действительно, все это он никогда не видел своими глазами?

Хайр Саак достает из нижней части шкафа огромные папки с подготовительными материалами к этой работе — конспектами всех

возможных источников, черновиками, письмами, которые Алишан рассылал по всем территориям, где жили армяне, — священникам, чиновникам, старостам, богатым грамотным крестьянам. И они подробно отвечали ему, рассказывали о своих селах, церквах, монастырях, об окрестностях, о природе. Записывали песни, легенды, сказания. Зарисовывали хачкары, исторические надписи. Алишан отдавал их рисунки художникам, граверам и помещал в свои книги. Потом на помощь ему пришла фотография.

В его томах — живая, красочная Армения XIX века — турецкая, русская, персидская. Алишан, оказывается, задумал не четыре, а двадцать две книги, чтобы охватить все исторические провинции. Это была бы невиданная энциклопедия. Но он не успел. Умер 22 ноября 1901 года в глубокой старости. Работал по обыкновению весь день и вечер. Смерть наступила во время сна.

— Можно только позавидовать! — невольно вырывается у меня.

Хайр Саак остро реагирует на эти мои слова, теплеет, губы вздрагивают. Он протягивает мне альбом с побледневшими снимками. Я так себе это представляю: кто-то крикнул, обнаружив утром неподвижно лежащего, бездыханного Алишана. Кто-то заплакал. Сбежались все. И комната, где мы сейчас стоим, стала тесной. Кто-то из монахов, аматер-фотограф, схватил свою камеру.

И вот, на снимке я вижу то ноябрьское утро 1901 года: Алишан лежит, обернувшись спиной, как будто спит...

Один из томов своей незаконченной энциклопедии Алишан посвятил Киликии — небольшому армянскому царству на берегу Средиземного моря, которое образовалось на древней библейской земле. Апостол Павел был родом из города Тарса, который оставался важным центром и в киликийской Армении.

В Тарсе, начиная с античных времен, приготовляли лучшее миро из чистого драгоценного нарда. Это горное растение семейства валериановых, из него, используя другие добавки, варили особую ароматическую жидкость. Миро употребляли и при крещении, и при коронации царей, отсюда — «миропомазанник».

В Тарсе миро разливали и запечатывали в алебастровые сосуды. Из такого-то сосуда, предварительно отбив его горлышко, Мария умастила голову Христа. А у евнгелиста Иоанна мы читаем о том, как в присутствии Лазаря Мария Магдалина миром омыла ноги Иисуса и оттерла их своими волосами.

В Киликию из коренной Армении, разоренной турками-сельджуками, бежало население. Сюда, на освобожденную землю, был перенесен престол Католикоса. И уже был официально коронован признанный Римом и Византией царь-миропомазанник Левон I. Это было в январе 1198 года.

Трогательная деталь. О восстановлении армянского царства мечтал Мхитар Гош. В далеких от Киликии лесах и горах на северо-востоке Армении он за четырнадцать лет до воцарения Левона в своем «Судебнике» предусмотрел законы и для армянского царя. (...)

Пройдут века, и в наши дни мы станем удивляться таким людям, особенно если они почти наши современники, — как, например, Алишан.

Мы по-прежнему сидим в его комнате с хайр Сааком. И все, что я вижу и что узнаю от него, укрепляет во мнении, что разносторонность Алишана — свойство редкое, она сегодня воспринимается как некий феномен.

Хайр Саак доверчиво распахивает передо мной створки шкафа с архивом Алишана — с папками, огромными конвертами. Главный хранитель знает, где лежит каждая бумажка. По всему видно, что это не просто обязанность, профессиональный долг, это привязанность души хайр Саака. Об Алишане он рассказывает, как о близком, живом человеке, который только что вышел за дверь и вот-вот вернется. И надо успеть выговорить самое главное.

«Он хочет знать все об Армении и обо всем обязательно написать...»

У Алишана мелкий почерк, стремительный, четкий, но и с заботой о красоте, которая выражается в том, что хвостики некоторых букв как бы обнимают строку то сверху, то снизу. Я беру в руки его «Арменоботанику» — растительный мир Армении. Этот трактат включает в себя характеристику трав, злаков, цветов, деревьев, произрастающих в горах, на плоскогорьях, в долинах его далекой Родины. Подобно травам и цветам, с такой же бережностью и заботой не пропустить бы чего — Алишан отыскивает и собирает памятные записи армянских манускриптов, драгоценные зерна исторических буден, заключенные в книгах. Словно мотыльки-толкунцы в смоле... Некоторые из таких записей-ишатакаранов исчезли вместе с рукописями — сгорели, украдены, уничтожены во время геноцида 1915 года. А копии, сделанные в свое время Алишаном, хранятся в Сан Лаззаро.

И к Байрону он имел прикосновение: будучи в Лондоне в 1852 году, Алишан усовершенствовался в английском языке и перевел лирику, а затем и «Чайльд Гарольда» — ту самую четвертую песнь, об Италии, которая сочинялась в Сан Лаззаро, на холме под оливами.

Да что говорить! Труды Алишана можно пересказывать и пересказывать без конца. К ним в придачу он еще всю жизнь вел дневник. Хайр Саак протягивает мне его. Вот запись, когда он двенадцатилетним мальчиком приехал в Венецию. Как раз в тот день в Константинополе умерла его мать. И навсегда семьей его стали отцы-мхитаристы. Он учился в Сан Лаззаро, потом преподавал в армянской школе Ка'Зе-

нобио, где мы живем. Потом в армянском лицее в Париже, в Севре. Последние сорок пять лет Алишан провел в Сан Лаззаро. Трудился «денно и нощно», как писали о себе гричи-писцы в армянских манускриптах.

Не успел я отложить его дневник, как хайр Саак протягивает еще одну книгу Алишана и при этом сдержанно гордится, как будто он сам автор: «Армения, перед тем, как она стала Арменией» — о доисторическом периоде страны, о зарождении народа и его языка. Тут, я смотрю, и Ассирия, и Вавилон, и конечно, первое царство вокруг озера Ван, праобраз будущей Армении.

Ах, озеро Ван, ярко-синее, огромное, как море, чуть соленое, с белой чайкой, повисшей над ним. Недоступное сегодня для армян, и, подобно Арарату, вечно манящее. Вчера мне показали его уменьшенную копию, вырытую руками Алишана.

Выглядываю из окна — не виден ли маленький алишановский Ван из ею комнаты. Но нет! Только калитка в ограде, две толстоногие пальмы, каменный парапет. За ним близкое море, постепенно переходящее в недоступную, непреодолимую даль со сверканием волн на горизонте.

Я никогда не был у озера Ван, как никогда не видели его тысячи ванцев, родившихся уже вдали от его вод.

«Мы, ванцы, отличаемся бережливостью», — говорит Сильва Капутикян, хотя никогда не видела Вана. В народе идет молва, что ванцы скуповаты. Шутят, что они лишний раз не окрасят стены комнаты, чтобы не уменьшить жилплощадь.

Жена писателя Вахтанга Ананяна тикин Зарик до сих пор готовит блюдо, которое называется «Ванский обед». Она потеряла мужа, и не так давно — сына. Но держится. Они, ванцы, кряжистые, выносливые. И в подтверждение этого тикин Зарик рассказывает, как девчушкой босиком прошла путь от Вана до Еревана. Родители спасались от турок. Ноги были в крови и гное. А по обочинам лежали мертвецы. Она кривит губы. И это подобие улыбки должно означать: вот что мы пережили...

Я понимаю, почему до сих пор народ поет ванские песни, помнит, хоть и без надежды на возвращение, о далеком синеоком озере. Его ведь, как жемчужное ожерелье, окружали города, людные поселки, монастыри. Сколько рукописных книг было создано на его берегах! В его волновом морском накате Григор Нарекаци, этот Дант X века, услышал грозные ритмы своей великой поэмы, «Книги скорбных песнопений».

Да, до сих пор очень многие армяне хранят в своем сердце образ Вана. Так сказать, копают свой маленький Ван, как это до них сделал Алишан.

Он работал, трудился, потратил много сил, чтоб создать Ван на острове Сан Лаззаро. Теперь это уже неглубокая яма, без воды, поросшая травой, накрытая плющом. То, что когда-то было точной копией исторического озера. И то, что конечно же, можно назвать символом любви и тоски Алишана! Пилигрима, которому не суждено было возвратиться в родную сторону.

«О, дай мне, Родина, хотя бы маленький кусочек земли, так как я очень люблю тебя — дай, чтоб я мог лечь туда...». Это я перелагаю своими словами стихотворение Алишана, которое мне читает хайр Саак.

Алишан был поэтом, очень известным — романтик, один из основателей армянской поэзии нового времени.

... Хайр Саак произносит стихи Алишана и не может справиться с лицом, глаза его под металлическими очками помимо воли увлажняются. И понимаешь, как много нерастраченного сердца в сдержанном главном хранителе.

Хайр Саак иногда рассказывает об Алишане такие вещи, что они могут показаться преувеличенной, какой-то неестественной эмоциональностью, даже чем-то чрезмерным. Но только вне этой комната, где тикают часы Алишана. Вне ее атмосферы, пронизанной его чистой, наивной любящей душой.

«...Приехал как-то один наш монах, возвратился из Армении. Хочет подойти к Алишану и по обычаю обняться с ним. Тот отводит руки, отстраняется: «Нет. Дай я поцелую подошвы твоих башмаков, они касались родной земли!»

Чувствую, что мои глаза мгновенно наполняются слезами. Поглядев на меня, хайр Саак тотчас достал из шкафа гравированный портрет Алишана и подал мне. Пока я беспомощно держал этот драгоценный подарок и чувствовал туманную пелену в глазах, хайр Саак покопался в укромном ящике стола и протянул мне, как знак крайней приязни, пожелтевшую визитную карточку Алишана...

Возвратившись из Венеции, я поместил портрет и карточку в одну рамку и повесил их в кабинете рядом с фотографией отца времен гражданской войны. Рука отца лежит на шашке.

Моя тогдашняя жена спросила, что за новости и кто этот старик на гравированном портрете? Почему он должен висеть среди самых близких родственников? Как объяснить ей?..

Она перевесила портрет рядом с моей кроватью. «Будешь смотреть на своего старика перед сном».

Я смотрю и думаю: Алишан прожил свою жизнь так, как я хотел бы, но как не смог.

То, что он сделал, я называю подвиг-капля. Подвиг-капля постоянно точится, стекает, кристаллизуется, затвердевает. Благодаря ей на пустом месте образуется наплывы, напоминающие каменные

сосульки — сталактиты и сталагмиты. И в результате целой жизни движение сверху и снизу замыкается, рождается колонна, еще одна, которая отныне поддерживает свод культуры.

Подвиг-капля творит свое великое дело. И сколько бы колонн не разрушили варвары, все нарастают новые. Свод не рухнул, и человечество обитает в огромной зале, в культуре. И мир попрежнему спасает труд таких людей, как Алишан, его подвиг-капля...

Мы оба устали, выходим на воздух. Хайр Саак открывает незаметную дверь и мы оказываемся на тропинке среди фруктовых деревьев. Нас встречает свора черных собак, поднимает служивый лай. Хайр Саак кричит им: «Баста, баста!» И проходит первым.

Он ведет меня к кладбищу, открывает низкую чугунную калитку. Всего одна короткая улочка, плющ пересекает дорожку, взбирается на подстриженные кусты. Хрустят мелкие камешки. Проход упирается в боковую стену церкви. Справа и слева стоят кресты немногочисленных могил. Безмолвно трубят крылатые ангелы. Мы читаем итальянские и армянские надписи. Незнакомые имена, случайность выбора, который делает смерть.

Я обратил внимание, что здесь нет могил, принадлежащих самим мхитаристам. В ответ хайр Саак в конце тропинки, у самой церкви подвел меня к строгому мемориалу, стоящему как толстая, облицованная мрамором стена. Ниши в ней были закрыты дощечками, только на редких были написаны имена. Это мне показалось странным: почти за три столетия так мало?

На мой вопрос хайр Саак, блеснув со значением глазами из-за очков, рассказал удивительную вещь. Когда умирает кто-нибудь из братьев мхитаристов, урну с его прахом ставят в безымянную нишу. Так она стоит 50 лет. И тогда смотрят: если за это время труд человека, его вклад пережил годы, имя его высекают на мраморной доске, закрывающей вход в тоннель со многими безымянными урнами. Если же нет, его удел — общая поминальная молитва. И справедливо, и достойно. И, вместе с тем, так грустно...

— А вот и наш Алишан, — хайр Саак сказал мне тоном тайного соучастия. Хотя я и сам в это время смотрел на небольшой медальон с барельефом, прикрепленной к одной из мраморных дощечек.

Ну, что ж, все правильно. Алишан выдержал испытание временем — не пятьдесят, а уж скоро сто лет. Но, мне кажется, настоящая его слава еще впереди. В Армению она придет с полным пониманием, что значили и что значат для нее мхитаристы.

Триста лет назад Мхитар Себастаци и его друзья-единомышленники задумались над тем, как вернуть народу его истоки, восстановить рвущуюся связь с родной культурой и языком. В Армении тогда не было таких сил, все бремя взяли на себя мхитаристы.

Почти в одиночку, полтора столетия они несли эту тяжесть на себе — горстка ученых-монахов. Их трудами в Сан Лаззаро напечатаны тысячи томов, переведено и опубликовано самое ценное, что содержали доступные им армянские манускрипты. Европе и всему христианскому миру возвращены утраченные духовные богатства. Кроме того были созданы фундаментальные исторические сочинения, грамматики, словари, учебники. И к этому надо прибавить, что год за годом шло воспитание юношей, обучение их на родном языке!

Трудно поверить, что все это свершило маленькое мхитарянское братство, хранящее до сего дня святую цель — служение своему народу.

Мы покинули кладбище, подошли к каменному парапету. За ним — отлив, море обнажило камни, водоросли, битый кирпич. Вокруг мелко, и это позволило несколько раз увеличивать площадь острова Хайр Саак рассказывает...

Впервые это сделали еще при жизни Мхитара Себастаци в 1740 году, доставили из Венеции мусор, строительные остатки. То, что выбрасывалось, пустили в дело. Потом возили землю, сажали дубы, оливы, фруктовые деревья. Это вполне в стиле армянского крестьянина. Он всю жизнь носил корзины с землей, укладывал ее на камни, и таким образом каждый год увеличивал свое поле. Как говорят в народе: выжимал из камня хлеб. И не только хлеб, много чего... Сотворение земли, божественное дело!

Мы проходим мимо колокольни, и хайр Саак замечает, что она была заложена уже при Мхитаре. Но он не разрешил ее строить выше фундамента. «Пусть почва уляжется...» Доходим до конца острова, до углового бастиона. В него насыпана земля и широко раскинула свои ветви — словно в застывшем порыве ветра — пиния, итальянская сосна.

Здесь хайр Саак показывает мне, как расширили остров в 1815 году. И как, много лет спустя, увеличили его площадь в третий раз — после второй мировой войны. Тогда как раз углубляли, чистили каналы, а всю грязь согласился принять Сан Лаззаро. Сначала забивали сваи, прокладывали между ними листы железа, откачивали воду и туда свозили мусор со всей Венеции.

Так происходило воскрешение, преображение острова святого Лазаря.

В результате всех приращений площадь острова увеличилась вчетверо и сейчас составляет около 29 тысяч квадратных метров.

— Многозначительная цифра, да?.. — хайр Саак останавливается посреди дорожки и смотрит на меня — вот я сейчас оценю! И озадачен моим непониманием. — Ну, как же! Сама Армения тоже двадцать девять тысяч. Только квадратных километров.

Хайр Саак вспоминает, когда он в 1951 году двенадцатилетним мальчиком приехал учиться в Сан Лаззаро, ил лежал там, где мы стоим. Сплошной ил и дурно пахло. Они сажали цветы. Находили очень много ночных горшков, их вычерпали вместе с грязью со дна каналов. А однажды нашли золотую монету 1650 года.

Пользуясь этим внезапно возникшим воспоминанием, осторожно расспрашиваю хайра Саака о нем самом. Его мама была из Кесарии, отец из Себастии, бежали от турецкой резни, встретились в Дамаске, где он родился. Учился в школе. В Сан Лаззаро приехал еще с тремя мальчиками, но остался один, через 6-7 месяцев почувствовал, что ему здесь определенно нравится, потянулся к наставникам, преподавателям. Говорит, его увлекли рассказы о старых вардапетах, которые посвятили себя народу и Богу.

Закончив учение в семинарии на острове, Саак отправился в Рим, в академию, изучал философию и теологию, получил звание вардапета. Тогда же впервые ненадолго приехал в родной дом.

Мать уже умерла. Отец, который раньше был против того, чтобы Саак стал монахом, обнял его, помолчал. А потом сказал: «Хочешь, я покажу твое первое письмо из Венеции?..»

Саак взял свое письмо и, как чужой, без воспоминаний читал строки, написанные детским, неустоявшимся почерком. «Папа, здесь есть одна большая комната, где очень много книг, и они все написаны рукой, а не напечатаны...» И тут он вспомнил свое давнишнее детское удивление. И в том удивлении, как в коконе бабочки, уже была его позже вспыхнувшая, словно выпорхнувшая любовь к манускриптам. Вот именно: не просто знание их, не только понимание, что они значат в судьбе народа или какова их научная ценность, а раньше всего — не измеренное разумом, необъяснимое чувство: любовь.

Став вардапетом, хайр Саак засел за составление нового полного каталога, стал систематизировать манускрипты, описывать их. И опять скажу: для такой работы, которая высится как неохватная гора, нужна прежде всего любовь. О каждой рукописи надо знать все, начиная с оклада или переплета, вплоть до последнего защитного листа, которым завершается манускрипт. Все — вплоть до мельчайшей заметки, до буквы на полях или надписи на миниатюрах.

Занимаясь армянскими манускриптами, я понимаю, какую помощь оказывают подробнейшие описания рукописей. Каталоги — это такая же фундаментальная вещь для книгохранилища, как свод законов для государства.

И хайр Саак выпустил с 1964 года три тома Каталога манускриптов Сан Лаззаро, печатается четвертый. А сам он тем временем работает над пятым. В него войдут исторические сочинения, которые содержатся в рукописных книгах. А если том будет не очень толстым,

то и другие науки — философия, грамматика, математика, астрономия, медицина. Тут, думается, одним томом не обойдется!...

А еще богатейшие архивы Сан Лаззаро привлекают хайр Саака, письма XVII-XVIII веков. А судьбы отцов-мхитаристов, которые разыскивали, спасали манускрипты в турецкой Армении, пополняли, формировали библиотеку армянских рукописных книг в Сан Лаззаро? Разве не интересно рассказать о них?..

Об одном таком вардапете он уже написал книгу. А еще готова книжечка об Алишане — как он ездил в Лондон.

А еще на очереди описание старинных армянских географических карт... Творческих планов очень много, только бы достало сил, хватило бы времени...

Разговаривая таким образом, мы незаметно прошли половину острова, и уже показался причал и тихие воды гавани. Мы остановились у оливкового дерева, привезенного из Иерусалима, из Святой Земли.

Перенесенная из сухого, знойного климата и каменистой почвы в благодать острова, олива зажила своей новой жизнью над морским простором. Ветер трогал ее ветви с мелкими листьями и крупными темными зернами плодов.

Боже мой, она видела Масличную гору, Гефсиманский сад, где в тоске и раздумьях Иисус провел последнюю ночь накануне ареста.

Придется ли мне когда-нибудь увидеть долину Кедрона, Гефсиманский сад, Голгофу? Иерусалим! Там где-то есть монастырь Святого Якова, с древних времен принадлежащий армянам, поверившим в Христа. В самом монастыре — богатейший матенадаран, бесценные манускрипты.

Как странно устроен, неблагодарно устроен я: вчера еще и мечтать не мог о том, чтобы приехать в Венецию, а сегодня у серебристой маслины ревниво задумываюсь об Иерусалиме. Не познав одного, бросаюсь к другому. В Сан Лаззаро, например, я еще не видел знаменитую рукопись — Адрианопольское Евангелие 1007 года. Вместе с Евангелием царицы Млке и Трапезундским оно составляет славу венецианского собрания манускриптов.

И вот передо мной — большого формата манускрипт. Его листы по краям чуть обуглились, словно обожжены временем. Красивый почерк, знакомое армянское письмо. Пергамен явно хуже качеством, чем в Евангелии царицы Млке и в Трапезундском — здесь он плотнее, разной толщины, не такой гибкий.

Я вообще отношусь к манускрипту как к человеку. Раньше, чем рассмотреть глаза, брови, губы, я стремлюсь охватить весь его облик, почувствовать его образ.

Так я беру нераскрытую книгу, оборачиваю ее обрезом к себе и чуть раздвигаю оба переплета. Сомкнутая масса листов разлепляется,

прекрасно видны края украшеных листов, бегущие строки. Несколько секунд — и становится понятен и формат, и почерк, и еще — богато ли украшена книга и где расположены миниатюры — по всей ли толщине или в начале.

Адрианопольское Евангелие очень скоро дало мне ответ: три декоративных креста размером в целую страницу расположены в конце и посреди текста. Основная же масса миниатюр сконцентрирована в первой, начальной тетради. Таковы ранние армянские Евангелия.

Но теперь еще один шаг — открыть наугад и посмотреть миниатюры. Я приоткрыл страницу, на меня глянуло лицо, глаза, появилось странное, почти мистическое чувство: присутствие живого человека. Или, вернее, души...

Тень от страниц косым веером застила греческую надпись белой краской: «феолог». Буква первая — «фита» — как подпоясанное «О». Надо было понимать, что это «богослов», портрет Иоанна-евангелиста.

Его лицо расплывалось, местами выходило из фокуса, казалось лишь тронутым кистью, теплыми, бледными тонами: неровно растущая борода, впалые щеки, повисшие усы, повторяющие скорбный изгиб губ. Тонкий хрящеватый нос с горбинкой был намечен тонким и легким — всего одним! — касанием кисти.

Было нечто аскетическое и отрешенное в облике Иоанна. Его глаза округлились, сосредоточены на одной точке. И если приглядеться внимательно — рот кривится, силится произнести слово, и морщины уже собрались на лбу. Но этому не дано разрешиться. Немота, заторможенность, исхудавшая шея, ключицы... Скорбит живая душа, но не допускает к себе.

И вся эта беззвучная духовная драма разворачивается на бледно-синем, сизом, голубином, печальном, как прощальное небо, фоне.

Я еще шире разворачиваю обе створки переплета, и открывается вдруг, словно выпадает в лотерее — совершенно другой образ листа. Будто сшили по ошибке миниатюры из разных книг. Это хоран — веселый, зеленый, простой. Что-то очень знакомое есть в нем, близкое, домашнее...

Нет, пора, видно, начинать манускрипт с первого листа. Адрианопольское Евангелие задает интересные вопросы.

Первый разворот несет на обеих сторонах традиционное Письмо Евсевия Кесарийского Карпиану о том, как пользоваться хоранами. Несмотря на глубокие складки, которые избороздили пергамен, и даже оторванный, а затем пришитый угол, и вообще неважное состояние страниц, начало манускрипта ярко звучит открытыми цветами — кирпично-красным, зеленым.

Второй разворот подтверждает свойство первого: и в нем царствуют простые несмешанные цвета — зеленый, янтарный, красный. Я уже видел мельком этот хоран: цепочки бусин нанизаны, извиваются дугой, свисают — это можно понять, как арки и колонны.. Яркая, веселая и простая декоративность, очень близкая народному искусству.

Третий разворот построен по тому же принципу арок и колонн. Но в декоративное убранство входят новые элементы, из которых состоят колонны, это какое-то подобие витой веревки из разноцветных нитей. И еще важное новшество — птицы, сидящие поверх арок.

Вот, пожалуй, птицы и послужили пусковым механизмом памяти, тоннелем в прошлое, в дни, когда я целыми днями сидел в подземной комнатке книгохранилища в Ереване.

Сопел кондиционер как согревающийся чайник. А передо мной разворачивались образы армянских рукописей XI века. Это было много лет назад. Тогда простые, декоративные миниатюры, словно нарисованные детской рукой, именовали народными. Это звучало как идеологический комплимент и противопостовлялось золоту и изысканному совершенству рукописей так называемого аристократического направления. И хотя оно было прекрасно, какая-то червоточина все же была в его придворности, вроде идеологическая тень на плетень.

Мне нравились оба направления. И в «народном» особенно — забавные птицы наверху листов. Точно такие, каких я сейчас вижу в Адрианопольском Евангелии. Вот и на следующем развороте есть они — три птицы, раскрашенные как глиняные свистульки, важно вышагивают своими спичками-лапами по воздуху, не опираясь даже на арки.

Да и хораны, что передо мной, схожи по своему стилю с рукописями, которые я видел в ереванском Матенадаране. Конечно, нет буквальных совпадений, — даже когда присмотришься, начинаешь удивляться разнообразию вариантов, выдумке художников. Но все равно, эти рукописи, как близкие родственники.

Вот черты их родового сходства — декоративность, за которой утрачивается реальность предмета. Эти яркие, чистые краски, веселая пестрота, близкая к ковру, карпету, народной игрушке.

Я разглядывал хораны Адрианопольского Евангелия и думал, почему возникли такие рукописи, когда уже существовали царственные, роскошные манускрипты, как Евангелие Млке, Трапезундское, Эчмиадзинское?

Тем временем я перевернул лист и обнаружил на его обороте на бледно-синем фоне молчаливо стоящих евангелистов, их было двое. И на листе рядом — еще двое. Последнего, Иоанна, я уже видел. Это был совсем другой уровень — и живописи, и художественного мышления: тончайшие акварели, эмоционально насыщенные, глубокие.

Что это? Значит, Адрианопольское Евангелие соединяет в себе направления армянской миниатюры?

Почему бы заказчику этой рукописи не поручить ее оформление одному какому-то художнику? Ради единства стиля. Значит, не все так просто, заказчик хотел видеть именно такой манускрипт!

Перелистываю дальше — и становлюсь свидетелем не совсем обычной композиции. Слева — во весь лист — Богоматерь с младенцем, а справа — почти такого же размера мужская фигура с книгой, протянутой к Богородице и Ииусу. Это явно заказчик Адрианопольского Евангелия. Он склонился в посвящающем жесте и даже помещен на пергаменном листе не посредине, а сдвинут влево, к Богоматери. Это хотя и нарушает равновесие на странице, но соответствует идее поклонения.

Что еще бросается в глаза на развороте? Большое число стертых, счищенных надписей — они видны и рядом с фигурой сидящей Богородицы, и особенно вокруг заказчика.

Его голова, светло-каштановые волосы и борода, расширенные глаза с темными зрачками написаны в тонкой акварельной манере, которую мы уже видели в портретах евангелистов. А вот по контрасту — надпись рядом с заказчиком — четкая, определенная и оттого даже кажется чужеродной. Упомянуто имя, звание — Фотий, консул.

А что же стерто? Что хотели скрыть?.. Обращаемся к памятным записям. Первая из них принадлежит писцу: «По милости Бога и Его соизволению я, Киракос, многогрешный священник и неумелый грич, переписал это святое Евангелие в... (тут Киракос называет год армянского летоисчисления, что соотвествует 1007 году)... в Македонии, в городе, именуемом Адрианополем, в царствование Василия, который держит трон в Константинополе».

А вот и запись заказчика: «И я, Ованнес, Протоспатор императора и Проксим Дуки, сам из семьи Фоторакан, я, раб, заказал переписать это святое Евангелие в память своей души, моих родителей, всей нации...»

Так кто же заказчик и чей портрет — консула Фотия или протоспатора и проксима Ованнеса? Здесь мне хочется опереться на разыскания — почти криминалистические — исследователя этого манускрипта М.Джанашяна. Проведя много часов, а может быть, и дней над стертыми надписями, он установил, что Фотий — более поздний владелец. Он стер имя Ованнеса и таким образом присвоил себе портрет заказчика.

Мы столкнулись с явлением очень интересным: плагиатор Средних веков. Тогда нельзя было украсть содержание манускрипта — Евангелие есть Евангелие, как его присвоишь?.. Тогда воровали имена: можно было стереть чужое, поставить свое имя и, например, стать

гричем не тобой переписанной книги и даже просить помянуть себя в молитвах за чужой труд. Наивная попытка обмануть Бога!

Но вот чтобы присвоить чужой портрет... Выдать себя за заказчика рукописи, преподносящего ее с благословением Богородице, — такого я не припомню. В этом поступке, кроме всего прочего, видна малая религиозность. Не боялся человек кары Божьей. Для него показаться заказчиком столь прекрасного манускрипта было важнее... Этим, кстати, объясняется, на мой взгляд, и то обстоятельство, что он не удосужился прочесть памятные записи, где указано имя Ованнеса, а то бы он и там уничтожил это имя, стер всякое упоминание о нем. Но такие люди и Евангелие-то берут редко в руки, не то чтобы читать памятные записи. Книга для них служит украшением дома, знаком богатства, да еще — щедрости хозяина, заказавшего такое Евангелие!

И снова я хочу прибегнуть к помощи М.Джанашяна, к его раскрытию стертых надписей. На миниатюре заказчика Ованнеса рядом с его поясом были расшифрованы начала слов — из чего можно сделать вывод, что какой-то честный человек, разобравшись в памятной записи, решил восстановить справедливость и написал правильно имя и звание заказчика. И кому-то опять надо было подлинное имя скрыть. Вот такие страсти кипели вокруг Адрианопольского Евангелия.

Кто же был на самом деле заказчик Ованнес? Начальный ответ на этот вопрос мы получим, расшифровав его византийские звания. Проксим — это помощник, в нашем случае — заместитель Дуки, командующего войсками и одновременно управителя областей, где шли военные действия. А протоспатор — это само по себе высокое воинское звание. Чтобы понять, кем бывали протоспаторы, сошлюсь на византийского историка Льва Дьякона. По его свидетельству, император Иоанн Цимисхий, в 971 году взяв приступом город Переслав в Болгарии, где обосновался до этого киевский князь Святослав со своей дружиной, назначил первым стратигом Фракии как раз протоспатора, имя для нас неважно.

Кстати, Иоанн Цимисхий, как утверждают его современники, был по национальности армянин, что в истории Византии не представлялось такой уж редкостью. «Итак, мне кажется, пора, — говорит Лев Дьякон, — описать по возможности деяния Иоанна, которого прозвали Цимисхием (это армянское слово в переводе на греческий язык означает «туфелька»: такое прозвище было дано Иоанну, потому что он был малого роста), — пусть же не исчезают в пучине забвения дела полезные и достойные памяти».

Одним из таких достойных, с точки зрения византийцев, дел было начатое при Цимисхии и продолженное последующими императорами переселение армян в Македонию для укрепления границ с Болгарией, ведения войн. Но и не только для этого. Вместе с армяна-

ми-переселенцами в новые края приходило ремесло, торговля, строительство, что было очень важно для разоренной войнами Македонии.

Естественно, множество армянских семей было перемещено и в Адрианополь, столицу Македонии, один из крупнейших городов Византийской империи. При императоре Василии II — уже в начале XI века, как раз во время создания Адрианопольского Евангелия, — город был основной базой византийских войск, ведущих войну против болгар.

Император Василий II по прозвищу Болгаробойца, тоже, кстати, армянин (его-то как раз и упоминает в своей памятной записи заказчик Ованнес), продолжал политику переселения армян. И это не была какая-то проармянская ориентация. В свою очередь, пленных болгар Василий переселил в район озера Ван, в Васпуракан, на армянские земли. Обычная имперская политика «разделяй и властвуй»...

Мы очень мало знаем о том, как жило армянское население в X-XI веках в рассеянии, в отрыве от родной почвы. В этом смысле сам факт существования Адрианопольского Евангелия говорит о многом. О том, например, что в Адрианополе были армянские церкви. Писец Киракос, — он же был, видимо, и художником хоранов — называет себя священником. Далее самим фактом своего существовавия Евангелие из Адрианополя свидетельствует, что вместе с переселенцами-армянами приехали также гричи-переписчики и художники, которые и на новом месте продолжили свое извечное дело — создавать и украшать книги. Видимо, образовался даже новый центр, художественная школа, откуда и вышло Адрианопольское Евангелие, которое я держу в руках.

По всему видно, что миниатюристы в этом центре не отрывались от окружающего армянского мира — недаром своими хоранами рукопись входит в широкий круг похожих на нее манускриптов.

И если посмотреть, где они создавались, то получится, что, например, Евангелие 1018 года, ныне хранящееся в Ереване, переписано и украшено в монастыре, расположенном в излучине реки Евфрат. А — тоже ныне ереванское — Евангелие 1033 года, по-видимому, создано в Оромайре, это уже коренная Армения — Араратская долина или район Лори, в зависимости от того, какой Оромайр. По некоторым данным, Евангелие I038 года, одна из моих любимых книг, вышла из Васпуракана, из района, примыкающего к озеру Ван.

Как видим, географический разброс огромный. Это значит, что в XI веке существовало целое направление, которое охватывало многие рукописные центры. И Адрианопольское Евангелие, созданное — в первые годы века — в I007 году — позволяет думать о том, что не с 1000 же года родилось это направление. И в X веке должны быть его представители. Что и подтверждает манускрипт 966 года, который хранится в Соединенных Штатах, в Балтиморе, в галерее Генри Уолтерса.

Конечно, Адрианопольское Евангелие несет на себе влияние не только армянское, но и византийское, что проявилось в прекрасных портретах евангелистов, Богоматери с младенцем, напоминающей икону, и в удивительном изображении заказчика — проксима и протоспатора Ованнеса. И это естественно в той греческой среде, которая окружала со всех сторон армян в Македонии.

Гляжу на одного из них, Ованнеса. Замечаю его короткую кольчугу, пурпурный мафорий с вырезом впереди и подбоем — персикового цвета. На голове — стилизованное подобие чалмы. На ногах — цветные короткие сапожки, в которые заправлены с небольшим напуском штаны из ткани оливкового цвета с восточным узором.

Специалисты говорят, что это не византийская одежда — армянская: богатого, знатного военачальника...

Но все же более, чем одежда, говорит об Ованнесе его душа, его книга. Ведь это он пожелал, чтобы Адрианопольское Евангелие было исполнено для него не в сиянии византийского золота — на это у него достало бы средств — а в голубых фонах, на которых живут скорбные и глубокие евангелисты, в скромной монашеской одежде хоранов, в простом их рисунке, может быть, напомнившем ему детство, бедную обитель его учителя где-нибудь в монастыре. Крупные черные армянские буквы, которые Ованнес разбирал одну за другой в толстом фолианте. И первые строки книги, которая вдруг заговорила с ним на родном языке...

Может, лежал тогда яркий коврик под ногами — горящий на солнце красный, звенящий синий, наполненный весенним гулом зеленый. А в узкое окошко монастырской кельи его учителя влетал ветерок, и курился в мареве, струился далекий каменистый склон. И все эти краски Ованнес пожелал увидеть в хоранах рукописи, которую он заказал на чужбине.

Сколько тоски в этой книге, если вдуматься... Сколько любви к далекой утраченной родине! Как много и как красноречиво говорят всего два слова Ованнеса, оброненные им в собственноручной записи. Не только в память своей души он заказал эту рукопись, но и «всей нации", своего рассеянного по лику земли народа. Живущего не там, где родились деды и прадеды. Бросаемого в огонь войн, раздираемого противоречиями своих и чужих владетелей.

Я склоняюсь над Адриапольским Евангелием, вглядываюсь в лицо Ованнеса, который с благоговением держит книгу в руках. В ней для него воплотилось все, что сохраняет народ: вера, материнский язык, родные письмена.

Мне, не армянину, со стороны видно это.

Да, прав был скромный путешественник XVII века Симеон Лехаци, пилигрим в Константинополе, Риме, Иерусалиме, Венеции:

ветры истории, подобно пыли, рассеяли армян. Но не пыль они мне напоминают, а легкие, беззащитные семена.

Конечно, множество их пропадает, гибнет: и почва бывает сплошной камень, и погода — где зной, где мороз. Но они прорастают на новых местах, куда их занесло. Упрямо тянутся к свету. А когда зацветут, вдруг видишь: это те же цветы, это Армения.

Писатель Ким БАХШИ (р.1931) живет в Москве, но более тридцати лет он посвятил изучению армянской культуры. Автор книг «Орел и меч», «Судьба и камень», один из создателей многосерийного телефильма «Матенадаран», лауреат Государственной премии Республики Армения и премии имени Ованеса Туманяна. Мы публикуем главы из его новой книги «Воскрешение святого Лазаря», открывающей одну из самых ярких и загадочных страниц мировой культуры — историю армянских манускриптов.

«ЭФФЕКТ БАЙРОНА»

(Беседа Инны АТАДЖАНЯН с писателем Кимом БАХШИ)

— *Ким Наумович, чем Вас очаровала Армения?*

— В Армению меня привела любовь к Осипу Мандельштаму. Самые лучшие стихи, написанные русским поэтом о стране Араратской, принадлежат ему. Мне захотелось увидеть эту землю. А, увидев, я полюбил ее. Но любовь — и к человеку, и к стране — трудно объяснить... Ведь полюбил же Армению великий Байрон: изучал язык, даже составил грамматику армянского языка для англичан, переводил древние армянские рукописи, а «Чайльд Гарольда» он писал в монастыре мхитаристов в Венеции. Армению любили многие русские писатели — Александр Грибоедов, Валерий Брюсов, Василий Гроссман. Это чувство любви и уважения неармянина к Армении я называю «эффектом Байрона».

— *А как рождался интерес к армянским манускриптам?*

— Он, как нетрудно догадаться, связан с Матенадараном в Ереване. И вот уже почти тридцать лет я изучаю древние армянские книги. Жизни не хватит, чтобы изучить этот огромный, прекрасный, загадочный мир. Поиск привел меня в крупнейшие книгохранилища — Библиотеку Британского музея, Парижскую национальную библиотеку, Венскую национальную библиотеку. Армянские манускрипты находятся

во многих странах, но главный их дом — ереванский Матенадаран. Я много лет изучал их там, а так же в хранилищах Франции, США, Англии, Ирана, Ливана. Не был лишь в матенадаране Иерусалима. Древние рукописи свидетельствуют не только об истории армян, они хранят, например, уникальную информацию о русах и хазарах, которую нельзя найти больше нигде, они сберегли драгоценные сведения о народах Ирана, Египта, Рима, Сирии, Эфиопии и других стран.

Армянская церковь рано отделилась от общего древа христианства и сберегла ценнейшие свидетельства, относящиеся к первым векам христианства. Уже тогда была проделана гигантская переводческая работа, и большинство этих трудов до сих пор неизвестно миру!

— А вы пытались обнародовать результаты своих исследований?

— Больше десяти лет назад возник замысел фильма об армянских манускриптах, эта идея воплотилась в сериал «Матенадаран». Недавно мы закончили девятнадцатую и двадцатую серии. Первые десять рассказывают о ереванском Матенадаране, причем самые первые серии как бы вводят зрителя в мир древних рукописей: кем создавалась книга, как, из чего; вторая половина сериала — это наши путешествия по миру. Это Венеция, где на островке св.Лазаря трудятся армянские монахи. Еще один монастырь мхитаристов стоит в центре Вены, он тоже располагает большим собранием рукописей. Немало их и в США. Прекрасные собрания я обнаружил в Сирии и Ливане, у католиков на Средиземном море — там хранится самое древнее сочинение армянского ученого VII в. Анании Ширакаци. В Исфагане — богатейшее собрание, которое привезли с собой изгнанные со своих земель армяне в начале XVII в.

«Матенадаран» — это киноповесть о духовных сокровищах, которые принадлежат всему человечеству. После показа первых шести серий в Париже французские газеты писали, что мы открыли им новый материк культуры. Мы делали телефильм на русском и армянском языках, чтобы расширить зрительскую аудиторию. Первые десять серий Центральное теледение показывало дважды. Но ЦТ больше нет, есть телекомпании, и мне бы очень хотелось, чтобы они проявили интерес к нашему сериалу. Здесь самое время сказать добрые слова о режиссере Овике Ахвердяне, счастливо сочетающем в своем творчестве талант и мысль.

— Ким Наумович, уже после того, как сериал «Матенадаран» увидел свет, Вы решили создать цикл передач «Неизвестные сокровища». Почему?

— Я понимал, что показать все двадцать серий по телевидению — сложнейшая и очень дорогая затея. Поэтому решил сделать сериал «Неизвестные сокровища», где хочу рассказать россиянам, и не только им, об Армении. У каждой нации должен быть хотя бы один друг в другом народе — не только, чтобы рассказать о нем своим соплеменникам, не только, чтобы защищать его от лжи и неправды, но и для того, чтобы другой народ мог лучше понять себя, сравнивая себя с другими народами. То, что русским нужна Армения, понимают, увы, не все. Армения — наш давнишний друг в Закавказье, армянский народ имел и имеет много друзей в России. Сегодня Армения очень нуждается в друзьях. Изучая древние рукописи, я как бы видел прошлое этой страны «изнутри», глазами ее летописцев, художников, мыслителей, и мне кажется, что эта история поучительна для всех народов. Армяне очень рано утратили политическую самостоятельность, их государственность была растоптана; народ-строитель был одержим стремлением основывать и строить города, но их безжалостно разрушали. Единственное, что враги оказались бессильны разрушить, — армянская речь.

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка — армянская речь,
Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.

Речь, письмена, книги... Отношение народа и культуры у армян — отношение народа и книги. Почему многие древние народы исчезли, а армяне остались? Почему другие, более могущественные, сильные, воинственные нации погибли, а армянский народ жив? Ответ важен для многих народов, которые сегодня вынуждены взяться за оружие, чтобы выжить. Армян спасли не цари, не полководцы, не политики, а гричи — переписчики книг. История без устали ставила жесточайший опыт над армянами, словно задавшись целью отнять у них все, оставив только речь, чтобы посмотреть — исчезнут эти упрямцы с лица земли или нет? Нет!

— Значит, не меч, но перо спасло армян? Но сегодня они вынуждены вновь взяться за оружие.

— Конечно, когда надо оборониться от врага, приходится брать меч. Хотя армяне чаще проигрывали войны, — слишком неравны были силы. И мы не знаем, как сложилась бы их судьба, если б не Россия. Союз о Россией просто необходим для настоящего и будущего независимой Армении.

Увы, геноцид 1915 года стал не последним для армян. За семьдесять лет целая историческая область Армении — Нахичевань — оказалась полностью очищенной от армян. Я сам видел с иранской стороны знаменитое кладбище в старой Джуге — тысячи надгробных хачкаров, целый лес дивно изукрашенных камней; почти все они повалены, обколоты, разбиты, но их так много, что никакая сила не может уничтожить эти свидетельства армянской истории. Политика этнической чистки, удавшаяся Азербайджану в Нахичеване, осуществлялась и в Нагорном Карабахе, но карабахцы очень упрямы, они упорно цеплялись за свои горы, камни, землю. Раньше я знал историю Карабаха по книгам, по древним рукописям, — многие из них здесь и были созданы, например, знаменитое евангелие XI в. А недавно я своими глазами увидел этот край. Видел монастырь Дадиванк, где сохранились чудо-фрески XIII в. На одной из них — редчайший для армянской живописи сюжет: Николай Угодник между Христом и Богоматерью, такого я не видел даже на русских иконах. Любимый святой русского народа — на стене древнего армянского монастыря! Сразу вспомнилось, что одна из глав собора Василия Блаженного посвящена св.Григорию Просветителю, который утвердил в 301 г. христианство в Армении в качестве государственной религии; это был и знак благодарности армянам, которые помогли Ивану Грозному воевать Татарское ханство. Сохранилиоь иконы псковского, новгородского письма XVI-XII вв. с изображениями св.Григория Просветителя, а в старых книгах встречаются наставления русским иконописцам, как изображать армянского святого.

Русский и армянский народы стремились друг к другу испокон веку. Нелишне напомнить, что Карабах был первой армянской областью, которая обратилась за помощью к России. В судьбе армян принимали участие Петр I, Екатерина II, Павел I, Александр Суворов. Хлопоча об одном армянском воине, Александр Васильевич писал князю Потемкину, что карабахцы — это целая армия, готовая выступить на стороне России. Все то время, пока Армения находилась под игом, карабахские мелики пытались сохранить, защитить свою независимость.

Побывав в Карабахе, я увидел спасенную культуру. Амарас, куда пришли первые проповедники Христовой веры в Армении и где проповедовал брат Г'ригория Просветителя, который и основал храм. В этот храм стреляли азербайджанские танки, но он выстоял.

— Ким Наумович, я слышала о поразительном открытии, которое Вам удалось сделать. Вы можете рассказать о нем нашим читателям?

— Мне понадобилось пять лет, чтобы, тщательно изучив армянские манускрипты, придти к фантастической мысли: должен существовать портрет Христа, написанный с натуры, то есть прижизненное

изображение Иисуса. Я убежден в этом. Когда я читал «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци (V-VI вв.), то обратил внимание на историю царя Абгара. Тяжело больной, он прослышал, что в Иерусалиме появился великий врачеватель и решил пригласить его к себе. По просьбе Христа ответ Абгару написал апостол Фома. «Отец армянской истории» пишет: «Это послание принес Анан, вестник Абгара, вместе с изображением лика Спасителя, который хранится в городе Эдессе и поныне».

В ходе дальнейших поисков мне удалось узнать, что посланник Абгара был не только секретарем царя, но и придворным художником. Оставалось самое трудное: найти портрет. Для этого надо было проследить весь путь реликвии через века. Не стану подробно описывать поиски, но мне действительно удалось установить место, где сегодня хранится портрет Иисуса Христа.

Поиски портрета стали сюжетной основой сценария телевизионного фильма: невероятно интересный и запутанный клубок судеб, легенд, историй, события захватывают Турцию, Египет, Сирию, Англию, Францию, Италию... Бесконечные нити ведут к портрету Христа, это рождает понимание единства мира и времен.

— А где находится этот портрет? Можете ли Вы сказать, что он соответствует нашему представлению о Христе?

— Портрет хранится в одном из монастырей Италии, там я его и видел. Христос на портрете суровее, трагичнее... Все убеждает, что это именно индивидуальный портрет, сделанный с натуры. Даже в изображениях великих мастеров я не видел таких глаз у Иисуса! Он хранится в специальном сейфе, его выставляют три раза в год — в дни религиозных праздников, под защитой бронированных стекол, причем располагают так высоко, что люди не могут хорошо рассмотреть рисунок. Портрет считается величайшей святыней — нерукотворным творением — именно это о нем и было известно до сих пор, поэтому ученые не интересовались им, ведь в мире существует огромное число реликвий, и серьезно изучить каждую из них просто невозможно.

— А смогут ли зрители нового фильма увидеть этот портрет Христа?

— Во время переговоров с руководством монастыря мы пришли к некоторым результатам. Нам согласны помочь. Но с официальным запросом мы пока не обращались, ведь неизвестно, сможем ли мы найти деньги на съемки фильма. В одном я убежден: если нам все-таки удастся завершить эту работу, фильм станет событием для всего мира.

Хенрик ВЕРГЕЛАНН (1808-1845)

ЕВРЕЙКА

ОДИННАДЦАТЬ ЦВЕТУЩИХ ТЕРНОВЫХ ВЕТВЕЙ...

χαριζ*

НА ОДРЕ НЕДУГА

Пытают ледяным дождем
И пламенной геенной...
Однажды смерть прервет мучение...
Но небо — чистое, весеннее
Ни льдом не мучит, ни огнем.
Пришел апрель блаженный.

Как рвется сердце отразить
Небытия атаки:
Упорное вперед стремление —
И трепетное отступление...
Ум ясен, тих и будет мне светить,
Как в лунном свете злаки.

А может быть еще — как знать? —
Весна вернет потерю?
Семь веток в пышный цвет оденутся,
А там и все одиннадцать.
Смерть не придет косою мять
Все то, во что я верю!

Не Гюлистана ли цветы,
Шираза центифолии?
Нет, вы в забвенье канете,
Нелюбыми увянете...
О солнце, о народ мой, ты
Мне не сопутник более.

Я заперт, одинок,
Кругом меня капканы...
И злым безумцам невдомек,
Что нет меня блаженнее:

* Радость, благодать (греч.)

Я птица в сладком пении,
    Индеец средь саванны.

В Бразилии лес пальм растет,
    Раскачивая кроны,
И синий страстоцвет цветет,
И пахнут пышные магнолии.
Но тот, кто там, блажен не более
    Чем я, приговоренный.

Останусь стоек и суров...
    Пустыня даст мне силы,
И колдуна и тролля другом сделаю...
Совсем ослабли руки... Кожа белая...
Едва течет по жилам кровь...
    Печь холодней могилы...

Теней и привидений строй...
    Как в непогоду, зыбки,
Проходят облака огромные,
Цепляясь за верхи, сквозь лес густой, —
Плывут воспоминанья темные
    Сквозь память, словно звуки скрипки.

И смерть развеет вдруг
    Безжизненные пряди.
К народу моему я следую
И с радостью ему поведаю,
Что семена из этих рук
    В весеннем днесь шумят наряде.

Не всюду сладкий мед готов
    Истечь из каждого бутона,
Не каждый лист расправленный
Содержит оттиск, сплавленный
Из музыки святых псалмов
    И Песни Песней Соломона...

Пусть смерть еще мне даст вздохнуть
    До вешней свадьбы Флоры,
А дальше пусть костлявой дланию
Неугомонному дыханию
Загородит навеки путь,
    Горящие погасит взоры.

Как будто я омыт росой!
Где власть грехов постылая?
Зениц моих персты касаются —
То херувим... Нет, матерь милая...
В душе моей цветы качаются...
О детство! Я блажен, я твой!

I.ТЕРНОВНИКИ?

Да. Но в иглах сих растений —
Роз бессмертных красота:
Свет добра среди лишений,
Мужество долготерпений,
Мед молитв и песнопений
В споре с тяжестью креста.

Скольких женщин именами
Этот край в народах жив!
Маккавеянки с сынами,
Руфь — смиренный цвет во храме,
Нежность — роза Мириами,
Темный цвет в шипах — Юдифь.

Сколько их мне представало —
Замкнутых домов жилиц:
Пела та, другая пряла...
Балуют сынов, бывало,
Но под тенью покрывала
Не видать дочерних лиц.

Небо Иудеи в тучах,
Цветники разорены,
Не вернуть корней могучих,
Но и среди трав ползучих
Много роз багряно-жгучих —
Слава не одной жены.

И не раз слыхал я в свете,
Что они в супругах клад:
Всякий нищий на примете,
Убран дом, любимы дети...
И в рассеянии эти
Розы аромат хранят.

Но, потомок Евы дальной,
    Счастлива ли днесь она?
Быть ей до конца опальной
Иль за темной шторой спальной
Угqсать луной печальной
    В тусклом мареве окна.

И в Норвегии напрасно
    Думают снискать привет —
Нет! Оскорблены всечасно.
Или, на порыв свой страстный
Требуя ответа властно,
    Выслушают ложь в ответ...

II. КРОВЬ.

I. ДИТЯ.

Рахиль, маленькая еврейская девочка, одна под кустом шиповника. Играющие дети ее зовут. Шарлотта, из христианской семьи, подходит к Рахили.

Шарлотта

Айль-вирлайль! Рахиль, пойдем!
Мы тебя двно уж ждем!
Лайда-флайда, шилли-швилли!
Нам сейчас лису купили!
Мы Леону поручили
Осудить ее судом!

Рахиль

Там Леон? Ах, нет, Шарлотта!
Знаешь, он сказал мне что-то,
Злое, стыдное...

Шарлотта

                    Леон?
Нет, не может быть?

Рахиль

Да, он.

Шарлотта

Ах, забудь! Твои кораллы —
Просто чудо! Погляди —
Будто на твоей груди
Крови капли, алой-алой!
Перестань же плакать! Что ты?

Рахиль

Ах, и лучший из даров
Я бы отдала... за кровь
Из твоей руки, Шарлотта.
Бросила б к твоим ногам!
Слушай, ничего не скрою.
Он сказал нам за игрою:
«Становитесь по местам,
Ты встань первая, ты средней,
Ты, Рахиль, встаешь последней:
Вы не носите креста,
Значит, кровь в вас нечиста!»
Ты иди, ступай, Шарлотта,
Я же не уйду из грота...
В темноте, среди колючек,
Чтобы не проник и лучик!..
Боже мой, какое горе!
Как мне жить в таком позоре?
Каждый пальчик мой дрожит —
Он сказал: «Отец твой — жид».
Думала забыть — напрасно.
Чем же наша кровь скверна?
Милая, а вдруг она
Потечет — а цвет не красный?
У других она как сок
В ягодах, а у Рахили
Будто у какой-то гнили?
Может, так устроил Бог?
Все-таки бы я хотела...
Если ты мне друг, то сделай
Вот что: длинный шип достань

И мизинец им порань,
Это ведь совсем не больно, —
Капля выйдет — и довольно,
    Что б по ней
Знать, темней или бледней
Кровь Рохилина — твоей.
Сделай так, не откажи.
Вот кораллы! Ну, держи!

Шарлотта

Вот! Я руку протянула
В листья. Вот и шип нашла,
Длинный, как у пчелки жало.
Раз, два, три! Ага, сломала.
Раз, два, три! Ну, вот, проткнула.
Капля по руке сбежала...

Рахиль

Ну, а вот моя. Не та?

Шарлотта

Та же!

Рахиль

    Так она чиста!

Шарлотта

Словно два рубина алы!

Рахиль

Так надень мои кораллы!

2. БАРЫШНЯ

Рахиль
(Шарлотте)

Друг мой, несколько минут
Удели твоей Рахили.
Выберемся из кадрили —
Я бы не хотела тут...
Комнату ведь не закрыли,
Где в былые дни немало
Тайн тебе я доверяла...
Все беседой заняты,
    Ну а ты,
Посиди со мной в диванной.
От беседы долгожданной
Оторвут меня едва ли —
Ведь на вальс меня не звали.

А тебя... Прости, родная...
Этот вальс тебя манит,
Для него рубин горит
В волосах твоих играя!
Это не простая вещь,
Ей дано сердца увлечь,
Пламя страсти в них зажечь.
Силой от природы данной —
    Без обмана —
В ней все свойства талисмана.
Множеству еще мужчин
Ранет сердце твой рубин —
Ведь сокровище желанно...
Помнишь, я была глупа —
Пальцы мы концом шипа
Ранили, чтобы решился
Страшный для меня вопрос —
Мой позор, причина слез...

Шарлотта

Слух потом распространился,
Что еврейка у крещеной
За кораллы кровь взяла.
Помню, как молва росла...
Стар и млад в те дни гордился
Яростью своей законной...
Как огонь, упавший в стог,
Лживый слух людей зажег.
О, как горестно и стыдно!

Месть! — горланили они
И — огни, огни, огни...
Мне с балкона было видно,
Что это за ужас был!
Натиск толп сильнее шквала,
Лица злы, слова грубы,
А потом неслись мольбы
Из еврейского квартала...
Ненависть тупых громил
Сделала слона из мухи!

Рахиль

Знаю, ты была со мною.
Если в дом одной старухи
С няней бы я не вбежала,
Не осталась бы живою.
Но несчастный мой отец
Не скрывался от погрома,
Встретил их один у дома,
Их — и с ними свой конец.
Да, Шарлотта, горе мне,
Что не быть нам наравне!
Но Господня длань вложила
Эту кровь в мои ведь жилы...
Кровь... Мальчишка говорил
Мне о ней и натворил
Столько бед. Из-за невинной
Детской глупости моей,
Как в горах из-за камней
Брошенных, прошла лавина...

Но совсем недавно я
Посетила дом, в котором
Уж не мальчики-друзья,
А старик сказал: «Позором
Нас покроет кровь твоя!»

Я совсем не замечала
В нем пристрастья. Никакого!
Но в устах почтенных слово
Точно приговор звучало.
Никаких надежд не стало.
Сердце вдруг затрепетало,

Словно птица
В урне каменной томится.
Ведь Леон...

Шарлотта

Леон?

Рахиль

Мой друг,
Отчего в тебе испуг?

Шарлотта

Право, пустяки. Он только
Пригласил меня на польку.
Я о ней совсем забыла!..
Я пока не говорила
Никому, что выхожу
Замуж...

Рахиль

Хорошо... Кто он?

Шарлотта

Ты не поняла? Леон!
Что с тобой?

Рахиль

Я вся дрожу.
Я всю ночь не засыпала.

(про себя)

Сердце, слышишь? Все пропало.
Если б я сильна была,
Я б все силы собрала
В этом красном сгустке мяса,
Чтоб не жить, не быть ни часа!
Время нам крыла сложить.

Мужественно повстречайся
С гибелью. Не надо жить!

(вслух)

Откровенно говоря...
Выслушай меня, Шарлотта!
Я припомнила не зря
Ту игру под сенью грота.
Подтвердил слова мне эти
Столь почтенный человек,
Что его сужденье в свете —
Приговор, печать навек.
Кровь Рахили так отлична
От других, что неприлично
Бедной и мечтать о том,
Чтобы избирать свободно,
По любви кого угодно,
Милым звать его потом...
Чтоб его душа и тело
Были тем, чем я б владела...

Но меня назвал своей
Сын опекуна Леон.
Так отец хотел когда-то...
Мне казалось, что скорей
Облачится в рясу он,
Чем прельстится звоном злата...
Но под крышкой расписной
Все в нем было пустотой,
Хоть по выправке, манерам —
Он пример всем кавалерам...

Сердце же твердило мне:
Вот он, на его лице
Все написано. Влюбленный,
Он не спросит о родне...
Дело разве же в отце?
Этот любит благородно,
Страстно, непредубежденно.
Я, Рахиль, ему угодна.

Часто он робел, молчал,
Невпопад мне отвечал.

Что ж! Я только к сердцу близко
Это принимала: он
Чтит свой дом, отца, закон, —
Я-то знала меру риска.

Но однажды в воскресенье
Опекун приехал к нам.
— Припадем к его ногам,
Вымолим благословенье!

И, моим словам внимая,
Он пошел со мной... Напрасно
Мнила я, что вступит властно
За меня с отцом он в спор.
Он, смельчак до этих пор,
Стыл, растерянно взирая,
Как лежала я во прахе
Возле ног его отца...

Вдруг старик подпрыгнул в страхе...
Легче будет миг конца!..
Красный от стыда, Леон,
Точно вор в дверях темницы,
Сжался... Запинаясь, вяло
Вымолвил два слова он.
Я насилу разбирала
Смысл их. Он таков был, мнится,
Что на мне лежит одно
Как бы темное пятно
И что он сказать стыдится!

Нареченный мой был робок,
Правду от меня скрывал...
С папенькой своим бок о бок
Стоя, он теперь внимал
Ядовитых слов верженью —
Как на раны яд мне лили,
Сердца кровь глотками пили.

«Что ж! К достойному решенью, —
Молвил он, — пришел мой сын!
Рухнул в грязь с таких вершин!
Лучше бы ты сдох теперь,
Чем в одну входить нам дверь!

Крепкий молодой побег
Доброй христианской знати
Кровью нехристей навек
Хочет род наш запятнать и...»

И в глазах померкнул свет —
Нет возврата дням счастливым!
Вскоре мне пришел пакет
С объяснением трусливым.
«Ты меня прости», — писал он, —
Ну, а дальше все о том,
Что, влюбившись, забывал он,
Что не может породниться
С домом нехристей их дом.
«Но любовь, — письмо кончалось;
Боже, как я удержалась,
Чтоб слезами не залиться? —
Вечно никогда не длится.
И, когда я принял в толк
Слезы ближних, честность, долг —
Зов любви в душе умолк...»
Помню, дядюшка Леона,
Только лишь я дочитала,
Попрощался без поклона.
Все я поняла тогда —
И от горя и стыда,
Как подкошенная, пала
На руки ему...

Шарлотта

Рахиль!..
Но ведь...

Рахиль

Что такое — «но»?
Прóклятая кровь — не так ли?

Шарлотта

Он потерян все равно!
И, чтоб силы не иссякли,
Позабудь, что день тот был!

Рахиль

На уста воспоминаний
Просишь наложить печать?
О, блаженство тех свиданий!..

А скажи, куда девать
  Стыд жестокий —
И поднесь пылают щеки!
Разве раны на коре
Могут позабыть березы?
Только в смерти, в топоре —
Средство утолить их слезы!
Как забыть? Одна вода
Может позабыть, когда
Камень ударяет в гладь:
Всплеск — и ровная опять!
Но когда разбили грудь
Камни попранных любовей —
Ласточки безумной крови
Кружный свой прервут ли путь?
Правда — о, я в это верю! —
Может быть, не здесь, а т а м,
Где дано уснуть страстям,
Я смогу забыть потерю?
Верю! И благословен
Час начала дней тех лучших:
Бог подарит мне взамен
Капель темных и тягучих
Легкий золотой эфир!
Сердце пылкое, земное
Обменяет на иное —
Там пребудет вечно мир!
Я теперь отдать готова
Всю до капли кровь мою,
Чтобы в корень сердца снова
Влили легкую струю...
Нет, не здесь, но там, в Раю!

Верь, меня не испугает,
Если, как к зиме листва,
Кровь свой цвет вдруг поменяет,
Станет розовой едва,
Или белой, точно горный

Снег, зеленой, как трава,
Или бурой, даже черной!
Но как горько я вздохну,
Если, как в тот день несчастный,
Кончик пальца вновь проткну —
И она осталась красной!
... Надо не из пальца, нет,
Но со дна сердечной жилы.
Мать моя туда вложила
Неизбывную печаль,
С этим я пришла на свет,
Се начало всех начал.
Пламенное беспокойство —
Этой чистой крови свойство,
Если бы ему не биться
Сильно так, угомониться...

Шарлотта

Что ты, бедная? Забудь...
Можно ведь опять проткнуть!

Рахиль

Я не понимаю, право!
Убедиться, что отрава
Там, во мне... Прости, была
Доброго всегда ты нрава...
Знаю: мать моя на дно
Сердца нектар пролила
Сладостный... Хвала и слава
Ей, что для меня хранила
Это снадобье — оно
Исцелит мой дух унылый!
Но иного, знай, к нему,
Как сквозь сердце, нет пути,
Все же я должна пройти
В чудный сей тайник сквозь тьму.
Это больно несказанно —
Вынести такую рану.
А сочувствия тщета
Добавляет к каплям меда,
Имя коему любовь,
Патоку... Такого рода

Капли ценит нищета,
Но созданья,
Пережившие страданья,
Приторных не любят слов...

Шарлотта

Пусть ты знала муки Ада —
Разве дружеский совет
Награждать презреньем надо?

Рахиль

Эти рассужденья, толки
Глубже оставляют след
В сердце, чем игла заколки!

(вонзает рубиновую заколку в грудь)

Шарлотта

(вырывает заколку)

О, Рахиль, смотри, как странно.
Только капля! Как пчела
Уколола! Прочь игла —
И опять закрылась рана.
Этот красный цвет прекрасный
Жемчуга воспламенил...
Он как роза! Не напрасно
Ты отважилась: затмил
Пламень крови сей глубинной
Яркую красу рубина.
Победительница ты!
Смолкнуть хор похвал заставит
Верещанье клеветы!
Подвиг твой весь мир восславит
В сказках, в песнях... Ах, она...
Что ж такая тишина?
Боже! Недвижима ты...

(убегает в ужасе)

III. МАТЕРИ

1. ПОЖАР

Город в языках огня
Ночью, что средь бела дня,
Виден весь, как на ладони:
С колокольни на округу
Вниз слетает головня,
    В пепелища
Обратить грозя жилища.
Как опрометью по кругу
В шуме волн и ветра стоне
Компасная стрелка мчится,
Колокольню так обстал
Схваченный огнем квартал,
И огонь под вопли толп
Стрелкой огненной кружится —
В центре падающий столп.

Толчея, как судным днем,
В улицах, огнем плененных,
В переулках продымленных...
Люди, покидая дом,
На открытых площадях
Сходятся в зловещем свете —
Женщины, больные, дети —
Каждый, ближнего приметя,
Радуется — свой, пойдем!
Отдохнуть бы! Но не слишком
Долгими быть передышкам.
Вот уж и в других частях
Города огонь играет:
Как раздутое мехами
Кузнеца, рвanулось пламя,
Пыль с брусчатки площадей
Красным языком сметает,
Ловит за полы людей...

Города остаток жалкий
Пребывал в кромешной тьме.
Площадь перейти — и там...
Каждый, кто сумел из свалки
Выбиться, держал в уме:

Обрету родных и сам
Буду обогрет — как знать?
Дети там искали мать,
Или мать с отцом в печали
Сына или дочь искали.
Даже инвалид без ног
Полз в снегу, покуда мог.
Молодой жене, невесте
Чудилось в случайном жесте:
— Вот, узнав любовь едва,
Стала ты уже вдова...
Парни, силою своей
Бывшие под стать Энею,
Старцев на руках несли...
Но иной, поправ в пыли
Немощных и возлюбя
Только одного себя,
Думает: любовь — лишь тень,
Осторожности внемли...
Множество людей в тот день
Уходили, сгрудясь вместе,
В пригороды и предместья.

Средь толпы в глухом квартале,
Чуть не утонув в сугробе,
Шли две матери — и обе
Сыновей грудных искали:
Им — еврейке и графине —
Каждой думалось о сыне.

Вздрагивая, спотыкаясь
И слезами обливаясь,
Шли они во мгле густой,
Беззащитны, как в пустыне,
Думая лишь о своем,
За надежды тень хватаясь —
И соседкины стенанья
Оставляя без вниманья.

...Пала ли с высот комета,
Солнце ль обратилось вспять —
Даже не заметит мать,
Если с ней случилось это...

И в один и тот же миг
Вырвался восторга крик
У обеих матерей:
Обе обрели детей.
Но, когда восторг велик,
Слух заложен у людей...

Прижимая сверток милый
От мужчины, госпожа
И не поблагодарила...
А потом, как лист, дрожа,
Бросив сверток, завопила:
«Это разве мой ребенок?
Это же чужой! Жиденок!»

И вторая поняла,
Что не своего нашла,
Но дала малютке грудь...
Шум толпы затих чуть-чуть —
Вдалеке дитя кричало.
И еврейка с криком: «Мой!» —
Радостная побежала,
Взяв найденыша с собой.
— Ты открыл глаза мне, Боже.
Мой малыш нашелся тоже
Посреди огня и тьмы,
Счастье с ним узнаем мы...
А другой... Ты тоже вскоре
мать свою утешишь в горе.

Мальчик в отсветах пожара
Разыскаться должен был.
— Что ж это! Господня кара!
Он едва живой... Застыл! —
Рвет холодные пеленки,
Кормит, будет жизнь в ребенке...

И уже двоих сынов
К сердцу прижимает с дрожью,
Чувствуя в душе любовь:
— Будь все по веленью Божью!
Силу Он в меня вселяет,
Дух унылый укрепляет.
Я, бездомная вдова,

А богата! Вот, их два!

— Ну, а ты, найденыш милый —
И еврейка обратила
К малышу чужому взгляд —
От груди родимой взят,
Ты к моей припал блаженно...
Ишь, как весело и смело
Грудь схватил мне ручкой белой!
Бог Израиля сюда
Ангела послал. О да!
Только ты ко мне прижался —
И раздался
Крик... Я вовремя поспела!
А пройди я стороной,
Не было б сейчас со мной
Ни чужого, ни родного.
С новым сыном!
Пусть им не дано отца,
Но Всевышний на груди нам
Вылепил ведь два сосца!

Тут Юдифь (забыл сказать я,
Как вдову-еврейку звали),
Заключив детей в объятья,
Призадумалась в печали —
Как ей быть, к кому идти?
От знакомых — мало проку.
Да, но жил неподалеку...
Папоротника цветок
Увидать — и то вернее!
Но, чем зыбче, тем светлее
Упованья огонек.

И без отдыха почти
День-деньской была в пути —
Лишь на малый промежуток
Сядет покормить малюток.

...С той поры немало лет
Уж прошло —
Да и тогда-то
Он уж был немолодой —
Дальний родственник... Теперь

Старика, поди, уж нет...
Да, надежды маловато,
Но как быть, коль нет другой?
И она стучится в дверь.

Тот старик был жив — и живо
Сердце в старческой груди;
К ближним он питал участье —
Плод достойнейший небес.
Лицемерно в ком и лживо
Сердце — говорят пространно,
А Симон с улыбкой счастья
Молвил ей:«Юдифь, войди!»...
«Да иначе бы и странно, —
Думал он, — их два, поди!»
В погреб он скорей полез
И к обеду все достал,
Что Великий Бог послал.

«Ты приведена Иеговой,
Проходи в мой дом, сестра!
Возраста уж я такого,
Что в иной мне мир пора.
Так хозяйничай, владей —
    Вот твой дом!
Обихаживай детей,
Да за мной, за стариком,
Походи еще немного:
Если ты дитя чужое
Приласкала, как родное,
Примешь и меня, как сына —
Старый, малый, все едино.
А уж скроюсь навсегда
С глаз людских по воле Бога,
Ты хозяйка здесь тогда!»

2. ВСТРЕЧА

Незаметной чередою
Минули семнадцать лет.
Старика давно уж нет,
Стала и Юдифь седою.
Двое выросших сынов

Поделили все заботы
Меж собой — освободили
Мать от тягостных трудов,
Для сидячей же работы
Сами кресло сматерили
С тонкой спинкою резною
И скамеечкой ножною.

Но когда Рахиль пряла,
Грусть в ее лице была,
Слезы капали из глаз.
«Мать Рудольфа постучится, —
Думала она не раз, —
В дверь, и с братом брат простится —
Это не минует нас».

Дети вместе воспитались.
Найденному имя дали
То, которое прочли
У него на одеяле,
А еще при нем нашли
Золотой наперсный крест,
И еврейка знала: честь —
Первое... Когда б сыскалась
Женщина, что с ним рассталась,
Можно ли ее отрадам
Помешать, пилюлю с ядом
Дать ей?.. Я его взростила,
Но она его крестила!
И Юдифь Рудольфа просит:
Пусть он, не снимая, носит
Свой красивый крестик — так
Ваш Господь надежный знак
Оку матери дает;
До сих пор она, быть может,
Встречи с милым сыном ждет,
Пусть же крестик ей поможет.

Крестик на цепочке длинной
Он носил, для всех открыв,
А на каждом платье сына
«Риддер» — вышила Юдифь.

Раз она, свой труд отбросив,
Грелась в креслице резном,
Наблюдая, как Иосиф
На лугу весеннем косит,
Окружавшем старый дом.
Вдруг ей почтальон приносит
Неожиданную весть:
Просит ей прислать графиня —
Вон вдали ее карета —
Кучера. Да где он есть?
Не сыскать мужчин в домах
В эту пору: кто в полях,
Кто в разъездах. Полдень, лето —
Город вымер как пустыня!
К ближней станции доставить
Надобно ее. А править
Может ловко твой Иосиф;
Если он, работу бросив,
Дело выполнит исправно,
Было бы куда как славно!

— Мальчик мой, беги туда!
Отвезешь их — и назад.
Помни — это господа!
Это все — косу, солому —
Здесь оставь. Рудольф вернется
И снесет все это к дому...

А в карете расписной
Ждали знатные персоны:
Дама — хороша собой,
Но строга и непреклонна;
С нею сын-подросток был,
Мил, пригож, но слаб и хил,
Все к подушке пуховой
Сонной жался головой.

— Ну! — пищал он, морща лоб, —
Рысью! Тпру!.. Теперь в галоп!
Мчи, пока не крикну «стой»!

Слушаясь его хотений,
Гнал Иосиф лошадей,
Мимо улиц, площадей,

Мимо зданий и людей,
Пролетающих, как тени.
Он едва в толпе приметил
(И кивком ему ответил)
Брата — тот домой спешил,
Мать его уже ждала...
Чуть успел кивнуть — и пыль
Все в окне заволокла.

Четверня стрелой летела,
Но графиня разглядела
Юношу с крестом. «Назад! —
Крикнула она, — Я вижу...
Мальчик тот, который там...
Я узнала... Поверни же...
Вроде бы ошибки нет,
Только собственным глазам
Я не верю... О, седин
Материнских утешенье...
Господи! Пошли прощенье!
Бросила я еврейчонка...
Он замерз в снегу... Мальчонка...
А вон там идет мой сын!»

«Мама! Мама! Что стряслось? —
Отрок встрепенулся хилый —
Ты чего-нибудь забыла?
Или поломалась ось?» —

«Юноша у поворота
С крестиком... Он брат твой, Отто!
Он пропал в ту злую ночь,
Но теперь — сомненья прочь!
Крест ему моей рукой
Был надет. Один такой!»

«Мама, может быть, точь-в-точь
Он такой же, да не твой!
Ну, а если твой, тогда
С мертвого Рудольфа сняли
Крестик и кому-то дали —
В общем, не сыскать следа...
Мама, все-таки ответь:
Если тот крестьянский парень

Правда по рожденью барин,
Если он мой старший брат —
Я теряю майорат?» —
И, пятная шелк слезами,
Юноша прижался к маме.

«Не теряешь ничего ты...»
Но покой оставил Отто.
И Иосифу тогда
Шепчет дама: «Тот прохожий,
Кто он?» — «Наш Рудольф...» — «О, Боже!» —
«Это мой названный брат...
В городе была беда,
Многие дома сгорели...
За детьми уж не глядели,
И Рудольф — потеря чья-то...
Я его люблю как брата,
Мы семнадцать лет как вместе...»

«Ты ведь, кажется, еврей?» —
«Да!» — «О, горе, о бесчестье!
Он, кого, спеша в предместье.
Бросила я в снег той ночью, —
Вижу я его воочью!..
Значит, ты еврей. И мать
Иудеянка. Несчастный
Мой Рудольф по их примеру
Принял и обряд и веру...
Как же все это ужасно!
Не избыть печальной доли...»

«Вы пугаетесь напрасно.
С малых лет учился он
В здешней протестанской школе.
Год уже как причащен!»

«Так назад... Утрись платком!» —
Бросила графиня сыну.
Он рыдал не без причины:
Графство он терял и дом, —
Птицей, взвившейся в высоты,
Улетало счастье Отто.

«Прочь, последнее сомненье!
Я нашла кого искала,
Ясен следующий шаг...
Позади болезнь, смятенье...
Долго дьявол погружал
Душу грешную во мрак,
Но теперь я свет узнала,
Мой счастливый час настал!
Отвези меня скорей
К старой матери твоей.
И, хоть всех ее услуг
Мне не оплатить сполна,
Золотых монет сундук
Примет от меня она!»

С вежливым презреньем ей
Что-то отвечал возница,
И четверка лошадей
К дому понеслась, как птица.

3. БЛАГОДАРНОСТЬ

Вот карета расписная
Ждет уже, в лучах играя,
У Юдифиных дверей —
К ней, красуясь, подлетела
Местных девушек гурьба:
Каждая из них хотела,
Чтобы вспомнили о ней...
Небывалое известье
Облетело все предместье:
Риддер, городской задира,
Верховодник всех забав,
Был на самом деле граф!
И взглянуть на их кумира
В свете столь высокой чести
Все они теперь спешат.
Но иной невесел взгляд:
Кто-то верил в счастье, в свадьбу,
Веры этой нет в помине —
Растопилась, как снежинка,
Улетела, как пушинка...
Уж не терпится графине
Сына отвезти в усадьбу.

То Иосиф по секрету
Рассказал своей подруге,
А Эстер уж новость эту
Разнесла по всей округе:
«Лучше было бы старухе
Кое-как перебиваться,
Чем с Рудольфом так расстаться!»

А Рудольф пред дамой пал
На колени и сказал
То, что в сердце ей запало.
До сих пор, черства, горда,
Лишь кипела, как вода,
Но теперь огнем пылала:

«Мать, ужель, тебе послушный,
Я теперь пренебрегу
Той, пред кем я век в долгу?
Женщиной великодушной,
Той, что жизнь мою спасла,
Кров и пищу мне дала,
Сына своего наследства
Долю отдала мне с детства?
Нашу веру уважая,
Мне во что бы то ни стало
Веровать повелевала
В Господа, хоть знаешь ты —
Вера у нее другая?
Как же я оставлю ту,
Что, не покладая рук,
Надрывалась... Сироту
Привела в домашний круг,
Дав любовь, к плодам наук
Приобщив с терпеньем... Вот,
Я окреп. Меня и брата
Ждут мотыга, плуг, лопата.
Наступает мой черед
Нежностью воздать за нежность,
Хоть отчасти заплатив
Долг великий... Неизбежность
Возраста — ты знаешь это...
Как оставить мне Юдифь,
Если сам Господь желает
Испытать меня, решив

Долгие послать ей лета
И не торопить уход?
Так вступает в осень сад
Прежде, чем листву теряет,
Зимней стужею объят...
Разве моего страданья
Хочешь ты? Ведь оправданья
Нет тому, кто благодетель
Предал — Бог всему свидетель!
Разве нас не учит вера
Долг наш отдавать сполна?
Благодарность быть должна
Главной благородства мерой!
Если же сказать «спасибо»
Не способен человек
За дарованное благо,
Он река, где ссохлась влага,
В нем не сердце — камня глыба,
Пуст его и жалок век!»

Отто дулся и зевал,
Да к тому ж претерпевал
Жесточайшее терзанье
Оттого, что тьмой вопросов
Осыпал его Иосиф:
«Ты теряешь состоянье?
Ну, а что теперь у брата?
Земли? За аренду плата?
А какой процент налога?
Сколько это миль в длину?
Понял, да... А в ширину?
Ну, а гор, воды там много?
Значит, если майорат
Получил теперь наш брат,
Будет с королем он знаться?..»

Кончил речь Рудольф — и то-то
Вдруг переминился Отто,
Радостный вскочил, веселый:
«Сколько правды в этом слове!
Что поместья и престолы?
Благодарность выше крови... —
Обхватил его за плечи —
Брат мой, я горжусь тобой!»

Но, с поникшей головой,
Больше прежнего печальный,
Лицемер сентиментальный
Слушал новое признанье:

«Мама, если Бог решит
Взять Юдифь в иную сферу
(Он простит другую веру
Тем, кто добр и не грешит), —
Я тогда войду в твой дом,
Господу молясь о том,
Чтоб снискать твою любовь
И не разлучиться вновь...
Да, но у меня есть брат,
С кем одну мы грудь сосали —
Я души не чаю в нем!
Знай: два сросшихся ствола
Если ращепит пила,
Оба деревца пропали!
Не закрой пред ним дверей,
Мама, не чини преград!..»

«Как? И ты согласна? Что ты! —
Сразу встрепенулся Отто —
Ведь Иосиф же еврей!
Если он придет туда,
То портреты наших дедов
На пол упадут с гвоздей,
О таких делах проведав,
Загорятся от стыда
Или в золоченной раме
Повернутся вверх ногами...»

Вдруг он смолк и сник — предстало
Чудо пред его глазами:
Мать его, графиня, пала
Пред еврейкой на колени...
Образы далеких дней
Совесть пробудили в ней —
И молчать она не стала
О позорном преступленье —
Этот юноша-еврей,
Бывший у нее возницей,
Так же дорог стал графине,

Как Рудольф — еврейке старой.
Глядя в строгие их лица,
Каялась она — гордыни
Не осталось и следов:

«О, Юдифь! Я провинилась
Горько... В ночь одну решилась
Будущность младенцев двух:
Над Рудольфом ты склонилась —
Мне был передан Иосиф.
Мой Рудольф — твой сын с тех пор.
Я же, словно камень, в грязь,
В черный снег младенца бросив,
Прочь пошла... Увы, погряз
Мой отчаявшийся дух
В предрассудках... Божья власть —

Я теперь до двери гроба
У тебя в долгу, навечно...
Дай к твоей руке припасть!
О, как эти дети — оба —
Дороги мне бесконечно!»

И Юдифь — снегов белее:
«Ты и о моем - еврее?..»

«Я его люблю, Юдифь...
И, друзей разъединив,
Как бы я жила на свете?
Вместе, рядом наши дети
Будут жить, не зная зла...
Я пылаю, как огонь...
Ели бы теперь легла
Мне на лоб твоя ладонь!»

И еврейка обвела
Взглядом всех — на кровном сыне,
На Рудольфе, на графине
Останавливался он,
Словно излучая что-то,
Словно вдруг среди полета,
Уносясь на небосклон,
Глянула вполоборота
Захмелевшая душа...

И,наверно,мельтеша
В воздухе пустом сперва,
На графинин лоб горящий,
Наконец, легка рука —
И не поднималась вновь...
И внезапно крик скорбящий
Вышел из груди сынов:
Все сбылось — она мертва!

Страх и боль от расставанья
С тем, кто стал ей милым чадом;
Радость, что пребудет рядом
С юношей-евреем граф,
Все предвзятости поправ
И наперекор преградам;
И сознанье, что простила,
Не предавшись укоризне, —
Все надорвало ей силы
И Юдифь ушла из жизни.

IV. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

— Ханна! Девочка моя! Гитару сюда! Идет мой муж, и, похоже, чело его затуманенно облаками.

*

Когда это легкие облака, я могу их согнать одним поцелуем, а после первого аккорда они улетают, словно пылинки. Но теперь чело его мрачно, словно осенний вечер, и взгляд у него тяжелый — это значит, что крещеные крепко его обидели и что работа мне предстоит трудная — все равно что оперенную стрелу вырвать из сердца и не разбить его вдребезги.

Правда, и они признают, что он человек честный. Этот дом мал перед лицом мира, но его стены скажут то же самое небесным ду́хам, которые прилетают подслушивать у дверей комнат.

*

Ах, я вижу, как подруга моего детства, Шарлотта, что замужем за богатым христианином Леоном, — как угасает она не по дням, а по часам и стала похожа на облетающую розу.

*

Обвенчаться со смертью или с негодяем — все одно. И она, и он без сердца, но уж лучше смерть. А с честным человеком женщине все равно что с небесным ангелом!

*

Будь я богата, и меня бы посватал кто-то из них. Но теперь не стоит об этом. Иосиф взял меня, бесприданницу. Ради цвета моих глаз облачился он в день свадьбы в небесно-голубой наряд, и не разлучиться нам с ним до смертного часа.

*

Выйти за негодяя все равно что выйти за безглазого злого духа. Не выползает ли дьявол из сердца, когда оно разлагается. Лучше мне принять крокодиловое яйцо и высидеть его плод, чем видеть лицо Леона.

*

О, когда я кладу голову на грудь моего мужа, слышу я движенье моей жизни, вижу кружение стрелок на циферблате Вечности, а когда кровь стучит особенно сильно, это бьют часы, заведенные в Раю.

*

Шарлотта! О подруга моего детства! Почему ты боишься пройти об руку со своим мужем? Не обрел ли он освежающую, как роса, женскую красоту — счастье любого мужчины? Когда великолепная упряжка вороных провозит тебя по улице, улыбка проходит по бледному твоему лицу, похожая на слабый звук цитры. О, это бледность стыда! Как будто пепел от багрового пламени. Или от стыда щекам твоим подобало бы зардеться, но ты сгораешь изнутри. Я краснела лишь в первую нашу ночь, а потом еще от радости, когда хвалили моего мужа.

*

Но — Шарлотта! Смерть бьет крылами и наметает известковую пыль печали на твои щеки. Только иногда радостный образ юности проносится перед твоим мысленным взором и прекрас-

ный дух требует твою красоту — возлюбленный твоей юности, который более был тебя достоин, нежели твой супруг.

*

Смотри! Ведь Леон обожает тебя. Разве нет прекрасной люстры, диванов и зеркал у тебя в салоне? Может быть, все-таки ты дороже для него, чем вся эта обстановка? О, это уже много для такого человека!

*

Если я умру первая, мой муж обретает доброго гения на все оставшиеся ему дни, притом зримого гения! Я верю, что глаза моего мужа прозревают на небесах, ведь он часто ведет беседы с умершими.

*

Он обычно ведет эти беседы, когда чем-нибудь огорчен. Когда христиане завидуют, что у него есть этот малый уголок на свете. А всего-то восемь локтей. Арфа в углу, гитара у изголовья, олеандр на полу... Когда-нибудь ему прибавят еще два локтя. Но разве бессмертная душа вся умещается в маленькой коробке черепа? Зрение не больше ли, чем бусинка зрачка? И разве чувство, что можно как бы концами радуги охватить, благословляя, весь мир с его Злом и Добром, — разве может вместиться оно в комочек мышц, именуемый сердцем?

*

О! Не надо завидовать. Каждый получит свои три локтя. Но в большинстве своем люди относятся к нам по-доброму. Ведь Любви нужно даже меньше, чем Смерти. Посмотрите — мой муж и я обладаем целым миром, который кажется нам заселенным добрыми ангелами. Это, конечно, не так... Но когда приходит мой муж, я не вижу того, чего я не хочу видеть. А мне ничего другого не хочется видеть в мире, только его, моего мужа!

V. ДУШЕВНАЯ БОРЬБА И ПОБЕДА

Большая комната, в углу шкаф. Тавифа, вдова-иудеянка, занята рукоделием.

Тавифа

Что там за шум?.. Установить причину
Не так уж трудно — это Якоб мой.
Разбойники! С окрестной ребятней
Всю оцепили улицу. Мужчину
Изображает из себя... А грех,
Что сирота несчастный — враг для всех.
Он на соседней улочке живет,
Никто ему прохода не дает.
Позвать бы Якоба... Да ведь друзья
Не станут уважать... И муж покойный
Следит оттуда — чувствую же я! —
Чтоб сын был молодец, его достойный...
Сын за себя умеет постоять —
Попробуй попрекни, что он еврей!..
А тот-то бедный — не могу понять,
За что он муки терпит от людей?..
Что ж, Якоб, будь мужчиной... В день рожденья
Сбежал проказничать без разрешенья.
Но голод позовет, придет, разбойник.
Вот я ему пошила башмачки —
Вишневый бархат, с золотом шнурки, -
Увидел бы его отец-покойник!
Ах... Что за крик? Гнев, ярость, иступленье...
Уж это не игра... Но своего-то
Я знаю голос. Нет, не он... Да что-то
На сердце неспокойно... Чу!.. Ступени
Как будто бы скрипят...

(Бедно одетый юноша врывается в дом, падает перед нею на колени.)

Что вам тут надо?

Юноша

Спаси меня! Ведь я еще мальчишка...
Они топочут по пятам, как стадо...
Поймают если — то тогда мне крышка...
Скорее же, прошу... Они под дверью.
Вы добры, милосердны — я вам верю!

Тавифа

Он верит милосердью моему...
И я предам? Клянусь, не быть тому!

(открывает шкаф.)

Сюда, несчастный. Ну-ка, вот сюда же!
Смотри, там прялка с целым пудом пряжи —
Запутайся, закутайся в нее!
Что дальше будет, дело уж мое.
Не бойся, я не выдам.

(входят двое вооруженных людей — стражей порядка.)

Кто вы?

1-ый страж

Стражи.
Вы прячете преступника, мадам —
Мы видели, что он ворвался к вам.

Тавифа

О ком вы говорите?

1-ый страж

Попрошайка,
Что на соседней улице живет...
Он шел — а здешних ребятишек стайка

Его решили подразнить... Так вот,
Пудовый камень он с земли схватил,
Швырнул в толпу — и одного убил.

Тавифа

Злочастный!

1-ый страж

Только мы его найдем —
И сразу он предстанет пред судом.
Его казнят, тут даже спора нет —
Заступников не будет у такого.
Он круглый сирота, чего другого
От парня ждать?.. Хоть жаль: он юных лет.

Тавифа

Кто знает, как бы жизнь его сложилась,
Когда б такого горя не случилось...
Вот вам ключи — обыскивайте дом.

1-ый страж

Он может усользнуть... Приду потом.

(уходит.)

Тавифа

Вот горе. Потерял отца и мать,
Пошел голодный по миру с сумой,
А тихий, кроткий был... Кто может знать
О силе страсти?.. Где же Якоб мой?
Придет... Судьба же этого подростка...
Знать рода человеческого враг
На сердце, словно на кусочке воска,
Ему провел неотвратимый знак...
И Якоб до сих пор все не идет...

Я вся дрожу... И кровь стучит в ушах...
За что же он меня ввергает в страх?
Да, праздник в доме будет омрачен —
За все дела сполна получит он...
Кто знает, что в его душе творится?
Вот эти игры! О Господь, ведь там
Его товарищ смерть нашел...

(стражи возвращаются.)

1-ый страж

Мадам!
Бандит пропал. Сумел куда-то скрыться...
Не нравится мне этот шкаф... А ну...

(ударяет шпагой по дверце шкафа.)

Тавифа

Уймитесь, право! Не большая слава —
Вступать с одеждой бабьей в бой кровавый.
Вот ключик, я сама вам отомкну —
Там платье и тринадцать покрывал...
Тристан когда-то головы срубал
У троллихи тринадцатиголовой,
Но троллихи там нет — даю вам слово!
Иль с прялкой станет воевать ваш меч?
Не лучше ль голову мою рассечь...

1-ый страж

(вкладывая шпагу в ножны)

Пойду, пожалуй. Хоть наверно знаю:
Вдова дала укрыться негодяю!

2- й страж

(в дверях)

Похоже. Но оставь ее пока —
Она отдаст нам этого щенка,
Когда ей сообщат, что не чужого
Сгубил он сына, а ее, родного!

(уходят.)

Тавифа

(в отчаянии)

Нет, Якоб! Этого не может быть!
Весь мир был ты! У многих два иль три
В семье ребенка, да еще, смотри,
Вот-вот родятся... Почему убить
Должны тебя? Но разве наперед
Знать камень мог, в кого он попадет?
Не верю! Это сказано со зла —
Я их дразнила... Господи!..

(кричит из окна)

Назад!
Я требую теперь, чтоб был он взят.

(закрывает окно)

Уже сомненья нету никакого —
Убили Якоба, а не другого...
Ушел... Один, кого дала я свету!
Так пусть убийцу призовут к ответу.
Сейчас они вернутся. Я должна
Сама увидеть, как раздавят змея.
Желаньем отмстить душа полна!

(глядит в окно)

Они идут сюда. Так будь сильна,
Тави́фа, помни слово Моисея:
«За рану — рана, и за око — око,
Убивший да погибнет!» — пусть жестоко,
Но это заповедано не мной —
И я не спорю. Ты, тигренок злой,
Я выведу тебя на суд толпы
И обагрю в твоей крови стопы!

Юноша

(выходит, падает на колени)

Что хочешь делай. Отдаю назад
Я клятву ту, которой ты клялась.
Ко мне ты милостиво отнеслась.
Коль хочешь ты, то умереть я рад.

Тавифа

Да, клятву я произнесла, и душу
Я оскверню тем, что ее нарушу...
Залезь за прялку и сожмись в комок,
Чтоб обнаружить он тебя не мог.

(юноша прячется; стук в дверь.)

Идут... Ну, что теперь мне им сказать?

(входят стражи.)

Мадам, мы слышали, как вы кричали.
Так тот, кого вы спрятали вначале, —
Согласны вы теперь его отдать?
Убийцу Якоба...

Тавифа

Да... Нет... Ступайте.
Я передумала. Не понуждайте

Меня клятвопреступницею стать...
Мне остается горестно рыдать
Всю жизнь, все дни и ночи напролет
О тех, кто в дом сей больше не войдет.

1-ый страж

Но вы нас звали.

Тавифа

Я еще не знала,
Как поступить — поэтому кричала.

(дает стражу монету)

Идите с миром. Я умру, быть может.
Тогда велите: пусть меня положат
В один с ним гроб. Я за заслугу эту
Последнюю вам отдаю монету.
Все кружится... Перед очами мгла...
Как будто бы на маках я спала!
Я с мальчиком моим побыть хочу.
Пусть в дом его внесут — я заплачу́.
Не лопнут ли мои глаза, когда
Его внесут?.. Спешите, господа.

1-ый страж

Мы все исполним.

Тавифа

Помоги, Йегова!
Дай силы сердцу выиграть борьбу!
От влаги не ослепнуть дай свинцовой!

(стражи вносят гроб и уходят.)

Тавифа

(склоняется у гроба)

О Господи, на высоте летал
Твой светлый дух иль в подземлье спал?
О, что я говорю?.. Из этих уст
Когда хула исторглась, Боже, пусть
Меня Твой гром на месте поразит...
Но ведь печаль за словом не следит!

(встает.)

Моя надежда, гордость, красота...
Все кончено... Живая эта рана —
Она красноречивей, чем уста,
Кричит, что этой крови месть желанна!
Да, месть!

(открывает дверь.)

Эй, страж, иди назад, ты прав:
Я так сказала, чтоб залез он в шкаф.

(Ошеломленная, закрывает дверь.)

Закон не чту... И клятвы не держу...
И тем, и этим все равно грешу.
Нет, слава Богу, стражи не вернулись.
Пусть он идет куда глаза глядят...
Но мстители уже сошлись у врат —
Из всех дворов, со всех соседних улиц!

Юноша

(выходит из шкафа и поднимает с пола упавшую книгу)

Борьба вам не под силу. Я умру.

Тавифа

Что там упало?

Юноша

Библия.

Тавифа

Ты знаешь,
Что должен умереть?

Юноша

Одну игру
Я вспомнил: открываешь и читаешь,
Что прочитаешь — то твоя судьба.

Тавифа

Читай!

Юноша

Да я...

Тавифа

Чего ж не начинаешь?

Юноша

Я не умею.

Тавифа

Плохо... Ну, да что ж!
Ты нищий, без родителей живешь...
Ну, хоть на память, может, что прочтешь?

Юноша

Чти твоего отца и матерь чти.

Тавифа

Давай учиться. В мир иной уйти
Не можешь ты в невежестве таком!

Юноша

Зачем мне знать о мрачном месте том,
Куда убийцы попадет душа?

Тавифа

Молчи! Земной, суровый суд верша,
Мы забываем, что Господь подчас
Не по земным законом судит нас.
Кто много претерпел, тому простится...
Дай книгу мне. Здесь каждая страница
И свет, и силу посылает нам:
«Воспомнит Бог смиренность нищих многих,
Не пропадет терпение убогих...»
Я слышу глас. Сюда нисходит он
Из облаков, из области туманной,
Напоминая мне о клятве данной...
«Помилуй мя по милости великой,
По множеству щедрот твоих изгладь
Все беззаконие мое...» Опять
Веление простить. Позволь, Владыка,
Мне загадать еще в последний раз:
«Не радость мне смерть грешника — пускай
Он обратится и живет!..» Дерзай —
Вот книга, сам о жизни загадай!

(юноша открывает Книгу. она читает)

«Страданья ради и изнеможенья
Господь, прости мои все прегрешенья!»

(повторяет)

«Страданья ради и изнеможенья!»
О Господи! Как ясен Твой намек —
Да, это он страдал и изнемог!
Ты все ему простил. И я прощаю.
В любви к Твоим заветам воспитаю
Заблудшего... Мне надо поутру
С прошением явиться ко двору.
Король единым росчерком пера
Отменит суд. Потом, придет пора,
Я сыном нареку убийцу сына...
Еще рассудок не вмещает — слаб.
Но только злой, жестоковыйный раб
Не слушает приказов господина.

VI. ЖЕНЩИНЫ НА КЛАДБИЩЕ

Рассмотри любой язык
И ответь: какое слово
(Сразу, как живой ярлык,
Льнущее к идее новой),
В разговоре, в строчках книг,
Средь стихов, романов, сказок,
Средь имен, глаголов, связок, —
Где, как в рощице сосновой,
В воздухе воображенья
Бабочкой неосторожной
Звуков ряд вершит круженье, —
Среди многих слов — какое
С той же силой непреложной
Возвещает о покое,
Как одно: «погост», «кладбище»?

Это слово не жилище
Для добавочных значений —
В нем «покой» как чистый гений,
Между тем в самом «покое»

Мысль борьбы живет всегда
И подобие следа
Красного по серой ткани
Чертит, возмутив сознанье.
Слово запечатлевает
Знак на зеркале сознанья —
Так поземка озорная
На снегу зимой играет,
Оставляя начертанье —
Смысл подчас преображая.
Можно ль словом «благодать»
Что-нибудь одно назвать?
А «любовь»? За ней всегда
Вырастает вереница
Разных образов и слов:
«Ревность», «ненависть», «вражда» —
Смысл двоится и троится,
Делается бестолков
Или губит все святое,
Как в ненастье проливное
Меркнут платья мотыльков...
А попробуй только звук
Исказить случайно в слове —
Сразу все нахмурят брови
И начнут шептаться вдруг...

Лишь «кладби́ще» одиноко,
Вычленено из потока.
    Тишину,
Отстоявшуюся в нем,
Постигаешь не умом —
Сердце у нее в плену.
Меж словами голубь это,
Что в лучах ночного света
Крылья белые расправил,
Как посланье от людей,
Коих сам Господь наставил
Жизнь вести не ради дней —
К Вечному их путь направил.
И сказать всего верней:

Если дальше — храм небесный,
Здесь — притвор уютно-тесный.
Праведник и грешник тут
Бренной плоти оболочку
Сбрасывают, как сорочку —
Дальше налегке идут...
Ты — а рядом враг заклятый
Спит, обидам не внемля́,
Догнивает гроб досчатый,
Черная, как смоль, земля
Обволакивает кости,
Крест склонился головой,
Тополя густой листвой
Что-то шепчут на погосте...

Если ненависть кого-то
На земле переживает,
То она не успевает
С мертвым выйти за ворота...
За решетками оград —
Слезный взгляд и злобный взгляд.
Вот закрылась крышка гроба —
И уже бесстрастны оба...

Если двое земляков,
Ды́шащих враждой друг к другу,
С бранью обойдя округу,
Добретут в конце концов
До глухой тропы, что вьется
Меж надгробий и крестов,
Памятников и цветов, —
Обязательно проснется
Человеческое в них:
Вмиг друг другу подадут
Руки и вдвоем пойдут
Ближних помянуть своих.

*

Вечер. На холмах красивых
Спят могилы, в дрему впав, —

Острова душистых роз,
Свежих астр неприхотливых.
Легкий ветер, набежав,
Потревожил море трав —
И опять все улеглось.
Здесь весной оркестры птах,
Место выбрав потеплей
На проталинах аллей,
Концертируют прилежно,
Позабыв о холодах,
И покой царит безбрежно...
Церкви на погосте нет —
Лишь камней округлых груда
Вдалеке видна отсюда:
Мертвых сон терзать не след
Мыслию о власти грозной
    Божья храма;
Смертная закрылась яма,
Наказующей десницы
    Несть в гробнице,
И душа во мгле морозной
Спит, не ведая терзаний,
Не пугаясь наказаний.

В этом уголке печальном
Память и покой царят,
Всюду тополя шумят,
Ласковой своей прохладой
Скрадывая скорбь живых,
Вечерами птичий хор
Весело тревожит их
Дружественной серенадой...
Чу! Шагов шуршанье вдруг
И чуть слышный разговор
Встретившихся здесь подруг.

Присмотреть идет одна
Место для упокоенья
Дочки... Строго-молчалива,
Сдержанны ее движенья,

Поступь медленная. Веры
Католической она.
Ну, а та, что говорлива
И порой не знает меры, —
В лютеранство крещена.

Констанс
(протестантка)

Розали, постой, взгляни!
Вот он, угол, Богом данный.
Девушек двенадцать в белом
Здесь поставят гробик с телом
Нашей ненаглядной Анны,
Вот у тех осин, в тени —
Видишь, там огонь горит...
Что, скажи, тебя тревожит?
Сам Господь нам говорит:
Краше места быть нне может!

Мимо пирамиды белой
Будем мы сюда ходить,
Ты найдешь опору в вере,
Время нам велит избыть
Скорбь жестокую потери,
И осины вечер целый
Кастаньетами листков
    Щелкать станут,
Жаворонков и дроздов
Майским утром песни грянут,
Бабочек, стрекоз балеты
Будем созерцать все лето...

А в другом конце кладбища —
Это наша сторона,
протестанских душ жилища...
За весной пройдет весна,
И обеих нас, быть может,
В разных двух концах положат —
Всем не миновать судьбы...

Только мраморные лбы
Памятников ночью лунной
За оградою чугунной
Будут призрачно белеться,
Среди тополей виднеться...

Розали

Нет, Констанс, избави Боже!
Там еврейка — это знак...
У меня мороз по коже...
В чистом поле за дорогой...
Так — прости меня — собак
Зарывают... Ни цветка!
То обычай их отцов —
Не носить живых цветов
На могилы... о тоска...
Этих белых ка́мней груда —
Это же ведь... Синагога...
О, давай уйдем отсюда...
Поскорее, ради Бога!
Но, Констанс! Вон, видишь ты —
Я сказала про цветы...
Там лежат евреи тоже,
И над ними розы! Боже!
Там сажать их не могли,
Но они переползли
В эту часть с могил крещеных,
И евреи небрегли
Заповеданным в законах,
Роз не вырвав из земли...
Надо, чтоб они цвели!

Констанс

Да, не спорю, Розали —
Место мы еще найдем,
Впрочем, я не суеверна:
Все же кладбище — не дом,
Под землей ничто не скверно,

Если с Джеком что случится,
Стареньким моим котом, —
Пусть бы там и синагога...

Розали

О Констанс, во имя Бога —
Замолчи...

Констанс

Да что ж такого
Я сказала?

Еврейка

(приподнимается, подходит к ним)

Госпожи,
Можно вам сказать два слова?

Констанс

Мы спешим...

Розали

Нет, пусть. Скажи!

Еврейка

Пять минут. Нет, даже три...

Констанс

Торги начались — смотри!

Еврейка

Если солнце слишком жгуче,

Верно, под шатром листвы
Ищите защиту вы.
Если тени или тучи
Слов обидных надо мной,
Нужен сердцу свет дневной.
Впрочем, суть здесь не в укоре —
В чем она — поймете вскоре...
У меня на диадеме
Есть рубин, смарагд, сапфир —
Я сравнила бы наш мир
С драгоценностями теми.
Не сапфиру ли сродни
Католичества идея?
В строгой красоте смарагда —
Протестанской веры правда.
А рубины — кровь. Они
Схожи с сердцем иудея.

Но цена, цена камней —
Что нам говорить о ней?
Солнце! В жизни два рожденья
У камней. Из недр земных
Темными приносят их.
А дыханье и движенье
Дарит камню свет небесный:
От него огонь прелестный —
Благородства знак — в кристаллах
Голубых, зеленых, алых...

Ну а человек? На нем
Что же благородства знаки
Ставит? Вера? Предки? Дом?
Нет, как самоцвет во мраке
Человек имеет их —
Форму, цвет, строенье граней;
Это правда дел земных —
Как устроен, где добыт...
Но, как от лучей златых,
Так от мощных слов святых —
Заповедей, откровений —

Нам дано воспламениться,
То есть совершить дела.
И не может быть двух мнений:
Кто не делал ближним зла,
Чьи поступки совершенней,
Помыслы добрей и краше —
Выше будет тот цениться.

Если же вы таковы,
То причислены и вы
К нераздельной и незримой,
Богом на земле хранимой
И единственной общине.

И, столкнувшись на тропе,
Эти Божьи прихожане,
В клобуке или в кафтане,
Ранее и впредь и ныне
С полуслова
Различат в людской толпе —
И без слов — один другого.
«Мир, терпимость» — их пароль.

Розали

Чтоб не причинять ей боль,
Здесь похороню я Анну.

Констанс

О, цветы мудрее нас,
Что переползли поляну
И с могилы на могилу
С доброй вестью притекли,
Для того, чтоб мы могли,
Почерпнув примера силу,
Стать терпимыми на деле
И понять, что в сем пределе
Нет и не должно быть места
Для раздора и протеста.

Слово же само — погост —
Не произошло ль от «гость»?

Еврейка

Это правда. И цветы
«Да» вам говорят в ответ.
Но за этою оградой
Мира нет. Огонь и меч
Алчут все пожрать и сжечь.
Потому нам помнить надо:
Все мы будем прах и кости;
На земле, среди планет,
Мы не более, чем гости.
Пусть иной себя умножит
В миллиардах сыновей,
Все равно главу он сложит,
Как летучий лист в пыли.
Гибнут листья всех ветвей,
Дети всех племен земли.

Жизнь людей — христианина,
Иудея — все равно —
Это только отпуск краткий
(В мир, где человек творит,
Где алмаз ума горит)
Из глубин, куда дано
Всем стремиться без оглядки...
Не от дома ль — «домовина»?
Так не будем забывать:
Никому не миновать
Неизбежного возврата
В область вечного покоя.
Все земное — тонкий слой:
Ты вкушаешь благодать,
Планы завтрашние строя,
Смерть же властна разорвать
Почву под твоей стопой —
И тебе недолго ждать.
Пусть блаженствует душа,

Пусть в лучах светил небесных
Торжествует бренный прах,
Но, как в наших сутках тесных
Ночь грядет, сменить спеша
Светлые часы, — в цепях
Круга здесь замкнулся всякий...
Как же мы любить должны
Всех, кем здесь окружены,
Видя эти скорби знаки!
    Холмик, крест —
Сколько в мире этих мест.
    Скрещены
Тысяч судеб здесь дороги,
Но их цель одна в итоге!

VII. МАЛЬЧИК У ГОЛУБЫХ ВОРОТ

1. ПОЕЗДКА В ДЬЮРГОРД

Отец

А ну-ка, крошка Ханна,
Скажи мне, ангел мой,
Что по дороге в Дьюргорд
Мы видели с тобой?

Ханна

Норвежский мальчик плакал
У голубых ворот —
Он маковой росинки
Не брал неделю в рот.

Я с пикника сбежала,
Забрав кулек с едой —
Он съел, и был доволен,
И говорил со мной.

Он сложные задачи
Решает без труда
И пишет без ошибок —
Но в их семье нужда...

Отец

А статуи героев
У входа во дворец?
А греческие вазы —
Сокровищ всех венец?

Ханна

Ты не сердись на Ханну,
Но я слепа была,
Как будто средь тумана
Я ехала и шла.

Я только рассмотрела
Сквозь мутное стекло,
Как мальчик спать ложился
В огромное дупло.

С тех пор перед глазами
Стоял все время он,
А ночью мне приснился
Такой хороший сон!

Он подошел с тетрадкой —
А за ухом перо,
А ты глядишь довольный
И все твердишь: «Добро!»

Отец

А, думаешь ты, сразу
Отец твой преуспел?
Нет, Ханна! Поношенья
Я двадцать лет терпел!

Одни лишь поношенья —
Не ведал я похвал!
В час кораблекрушенья
Я с корабля бежал.

Я был и попрошайкой,
И узником темниц,
Весь край наш исходил я
До северных границ.

Но все теперь готов я
Забвению предать...
Ты добротой своею
Напомнила мне мать.

Когда б ты мне сказала,
Ему б я денег дал:
Нельзя, чтоб семилетний
Парнишка голодал.

До старости не сможет
Он этих дней забыть...
Я твоему желанью
Согласен уступить.

Пускай наш добрый Йоран
Каурых запряжет
И паренька отыщет
У Голубых ворот!

2. ОТЪЕЗД

Отец

Да, повезло мне с этим мальчуганом!
Совсем дитя — а взялся за дела
Ничуть не хуже, чем покойный Йоран.
Вот только бы не надорвался он —
Ни дня ведь отдыха, а он так молод...

Ты на меня из-за него сердита,
Не правда ли? Однако и сама ты
Не выглядишь здоровой. Здешний воздух
Не для таких, как вы. Увез бы я
Обоих вас в деревню — долго спать,
На всем готовом, никаких бумаг...
Но, впрочем, есть еще одно лекарство —
Я верю, Хагбард от него воспрянет!

Ханна

(встрепенувшись)

Какое, папа?

(удрученно)

Все это не то...

Отец

А я уверен, что оно поможет!
Часть фирмы я передаю ему —
И с завтрашнего дня мы компаньоны.
Два месяца уже я собираюсь
Затеять этот разговор, да вот,
Моя неповоротливость... Нельзя
Откладывать! Когда он возвратится,
Я с ним поговорю наедине,
И к ужину он явится веселый...
Сосед скучает... Поболтай с Марией,
А я с ним посижу за домино.

(уходит.)

Ханна

Ах, папа, как ты мало понимаешь...
От золотой пилюли раны сердца
Проходят разве? Это как лишайник:
Чуть трещинка, он пустит корешок

И разрастется во мгновенье ока...
О, если б ничего я не имела —
Лишь дружеское слово на губах,
Мешочек с угощеньями да грош —
Как в тот прекрасный день, когда впервые
Мы встретили друг друга на земле!
Еще меня тогда не донимала
Та безнадежная изнанка жизни,
Мысль о которой губит юность!
А если б мы не встретились тогда?
Его бы не было уже на свете —
Не вынес бы он нищеты такой!
И разве чудо то, что было дальше?
Летели дни, мы распрощались с детством,
Увидели друг друга в новом свете,
Признания слетели сами с губ...
Но трещина меж нами пролегла:
Обычай, вера и закон страны.
Нам не дастало сил, чтобы смолчать.
Так надо расплатиться за оплошность:
Мы разлучимся навсегда, до гроба!

Отец

(возвращается, обнимает Ханну)

Благодарю тебя. Я понимаю,
Какую жертву ты приносишь мне:
Единственное счастье, сердце...

Ханна

Папа,
Как ты узнал?

Отец

Он тоже ведь герой...
Я все сказал, он выслушал безмолвно
И отказался стать мне компаньоном.
Прошли минуты — вижу, он одет
И сообщает о своем отъезде.
Сейчас он говорит «прощай» всему,
С чем породнился: вытер пыль с конторки,

Завел часы, полил цветы в саду,
Хотя зачем? Ведь дождь идет вовсю...
А знаешь что? Он любит глубоко,
Но вот чего ему недостает —
Порыва сильного, безумной страсти!..
Бегите оба! По американским
Законам станьте мужем и женой!

Ханна

И ты мне это говоришь?

Отец

О, нет!
Я умер бы тогда... Я много вынес
На свете горя, ствол уже надломлен
И новой тяжести он не снесет.

Ханна

Пожалуйста, не откажи мне в просьбе!

Отец

Да, говори...

Ханна

Пообещай, клянись,
Что ты не будешь гнать меня из дома!

Отец

Гм... Вряд ли это от меня зависит.
Все в Божиих руках... Он уезжает —
Но Хагбард не один на белом свете...
Мы не хозяева грядущих дней.
И, может быть, тебя приободрит
Известье, что вступает он на борт
Не оборванцем. Он имеет средства,
А при его уме он сможет все.

Ханна

Тогда не откажи мне в новой просьбе.
Мне показалось, что из наших уст
Уж вырвалось последнее «прости»...
Но я должна его еще увидеть,
На части рвется сердце... Ноги сами
Летят к нему... Я побегу, отец!

Отец

Спеши, дитя, пока еще он в доме.
Простись... Теперь уже в последний раз.
Плачь... Не удерживай желанных слез.
Вот он стоит недвижный у порога,
Свинцом как будто налились стопы,
Нет силы у него переступить...
И мы с тобой о нем поплачем оба —
Ведь нам не встретиться уже до гроба.

3. ВРЕМЯ СПУСТЯ

Ханна и ее компаньонка Мария стоят перед окном.

Мария

Ты посмотри, какой корабль
У пристани стоит!
Там лебедь на носу, а флаг
Весь звездами расшит.

Вот развернулся... Боже мой.
В своем ли я уме?
Я имя «Ханна» там прочла
На голубой корме!

Ханна

Не стану я смотреть. Печаль
В душе не шевели.
Покойный мой отец любил
Большие корабли.

Мне маленький он их порой
Показывал в окне,
Всех парусов названья знал —
Но скучно было мне.

И Йоран тоже их любил,
Особенно же — он...
Ты только не произноси,
Пожалуйста, имен!

Бывало, он доволен был,
Победу одержав:
Мы спорим о кораблях,
Каких они держав.

Мария

Вон, капитан на берегу!
Как странно он одет —
В сомбреро или канотье...
Он не норвежец, нет...

Сюда спешит... Уж у ворот...
По лестнице шаги...
Стучит...

Ханна

Скажи, пусть он войдет.
О Боже, помоги!

Хагбард

(входит, приближается к Ханне)

Моя — пред Богом и людьми!

Ханна

Нарушил клятву ты!

Хагбард

В стране, где я теперь живу,

Сбываются мечты!

Узнав, что умер твой отец,
Я горько тосковал.
Но траур свой ты можешь снять —
Ведь год уж миновал.

Там — шхуна «Ханна». Держит путь
В счастливый край она,
Где может быть любовь двух вер
Законом скреплена.

А в мире ангелов, куда
Войти придется нам, —
Не может быть там разных вер —
Все Бога узрят там.

VIII. ГОЛОС В ПУСТЫНЕ

Христиане! Сердце ваше
Не должно ли быть подобным
Хлебам сдобным
Или полной медом чаше?
Чтоб на нем, как на фарфоре,
Ветки чайных роз цвели...
Вы же — гости у земли...
Горе, горе!
Ваше сердце взято льдом,
Ваше сердце — снега ком
Иль седой валун в пыли —
Змеи в нем — беги, прохожий!
И, увы! Не боле схожа
Мнимость вашей благостыни
С заповеданным на небе, —
Чем небесный бархат синий
С плесенью на старом хлебе!

*

Христиане, ваши лица
Разве не должны светиться
Млечной белизною звезд,
Указующих нам путь?
Взор не должен ли быть прост,

Как одно простое слово?
А душа всегда готова
С нежностью к другой прильнуть?
    Горе, горе!
Как на аспидной доске,
Мертвых цифр стоят ряды
    На челе,
Их морщины как следы
Заблуждений и забот.
Выраженья нет во взоре,
    Так, во зле,
В осужденье жизнь течет.
Можно ль жить в такой тоске?

Без огня любви сердца —
Что цветы лугов без цвета.
Если в сердце нет привета,
Что оно? Сундук скупца!

Как мне бесприютно стало,
Холодно в родном краю!
Вот по улицам квартала
Гость проходит в тишине:
Только подошел к жилью —
Тут же гасят свет в окне.
— Света мне! — еще темнее
    Окна их...
Пусть же отряхнет скорее
Прах градской от ног своих.
И в лесной глуши коряга
Светится на дне оврага,
И дикарь, чье тело наго,
И жестокий азиат
Отнесется к вам добрее —
В дом введет и будет рад!

*

И, как этот гость далекий
В неприветливой земле
Слышал только шорох легкий
Собственных шагов во мгле, —
Такова судьба поэта:
Бог его послал сюда,
Но от ближних никогда

Не дождется он ответа.
Под его рукой, рыдая,
Арфа скорбная поет,
Миру долг напоминая.
Многих он на суд зовет,
На личины невзирая...

*

Непорочностью венчанны,
В Божий храм вступали вы,
Но черны и безуханны
Пали те венцы с главы...
Юная входила дама
В белоснежных роз венце,
С краской легкой на лице;
Мужи в левой части храма,
Ветки с зеленью листвы
Сжав в перстах, клялись тогда
Внятно, ясно,
С вдохновенным торжеством,
Говоря, что сердца дом
Будет чист во все года,
Чувство — высоко, прекрасно —
Как цветы и как листва,
Как высоких клятв слова...

Но в те дни ваш взор невинный
Видел, как Господь объемлет
Дали, выси и глубины:
И букашки безымянной
Ползанье и мельтешенье,
И могучих звезд круженье —
Все там под Его охраной.

И тогда весь шар земной,
Небо с солнцем и луной
Заключали вы в объятья;
Представал во всей красе
Мир — и, без изъятья, все
Люди были ваши братья!

IX. ТЫ ТАКОЙ, А Я ТАКАЯ!

Ель

Какой мотив чудесный
В твоей вершине, клён!
В моих ветвях дремучих
Рождает радость он.

Клён

Таких как я, веселых,
Два-три во всем лесу:
Огромный рой пчелиный
Я на себе несу.

Весь день мне слух ласкает
Мелодий красота,
И капли меда с веток
Стекают мне в уста.

Зато на каждой ветке
Все дни вершится труд
И каждый лист нектаром
Наполнен, как сосуд.

В дупле, пробитом дятлом,
Хранятся воск и мед,
А в сердце только нежность
С тех самых пор живет.

Ель

Ты отдал сок свой сладкий
Каким-то чужакам...
А шторм сломал головки
Моим живым росткам

И в жертву непогоде
Принесена пыльца...
Нет места для пришельцев
У моего крыльца.

Как серебро растекся

По дюнам терпентин —
Но лишь тому спокойно,
Кто у себя один.

Клён

Пусть шмель в тебе устроит
Вощаную артель.

Ель

Довольно! Не нужны мне
Ни мед, ни воск, ни шмель.

За мой родимый ельник
Предстательствую я —
Букашкам посторонним
Я не сдаю жилья.

Когда и жизнь, и радость,
И труд изгонишь ты,
Чем станет жизнь под старость?
Юдолью нищеты!

Нагая, с черствым сердцем —
У елей молодых
Просить признанья будешь
Твоих заслуг былых...

Дай сок — получишь меду,
Дай кров — взыграет кровь,
Ты обретешь свободу,
Изведаешь любовь!

Глянь, как стройна та липа —
А ей немало лет.
Ее гостеприимство —
Вот в чем ее секрет.

Подобно мне, впустила
Она пчелиный рой,
Ей будни — труд упорный,
А праздник — пир горой.

И вербы, и рябина —
    Все заняты трудом,
Есть и еще примеры,
    Ты оглянись кругом!

Ель

Мне чуждо многолюдство,
    Мне дорог мир, покой.
Что делать? Я такая,
    А ты совсем другой.

X. ВЕРНОСТЬ СВОЕМУ ПРИЗВАНИЮ

Королевский сокол, раненный
Выстрелом случайным, был
Приручен — и двадцать лет,
Как собака, сторожил,
В цепи, в обручи одет,
Одинокий двор крестьянина.
    Но — едва ли
Твой удел не бесталаннее,
Если ты, поэт, рожден
В том краю, что помещен
В угол карт, как в наказание:
Дар твой — слаб, велик ли он, —
Не прославится он дале,
Чем доходит уст дыхание.

*

Колокол под тряпкой влажною
Скрыли, чтоб не звал в ночах.
Пышный куст во мглу овражную
Посадили, чтоб зачах.
Гений крылья зря расправил —
Бесполезно бесполезное.
Миллион людей другой
Слушать голос свой заставил,
Ты же как бегун — с ногой,
Втиснутой в кольцо железное.

Лучше пребывать вне времени,
Негром быть или индейцем —

Лучшим песнопевцем племени,
Чем безвестным европейцем.

В диких племенах певец
Почитаем, словно жрец.
Свой поэт в роду — сокровище,
К шалашу его в становище
Сходятся издалека;
   Песен звуки,
Заменив плоды науки,
Стали частью языка.
Вспомнят их за разговорами,
Запоют на праздник хорами...
   Он умрет —
Песню сбережет народ.

Эти дикари отметили
Мысль любимую певца,
Что как сорный сев пороки
Выросли меж добродетели,
Что прейдут земные сроки —
И велением Творца
Их разделят до конца.
Было в первый раз об этом
Им сообщено поэтом!
   Мир идей,
Для простых сердец туманных,
В песнях стройных и желаных
Доносился до людей.
Как в голубизне волны
Жемчуг редкой белизны,
Есть в исполненных смятения
Песнях — жемчуг откровения.

*

Мир от старости далек.
Варварство — его урок,
Детской колыбельной стоны,
Отроческая игра,
Видел он еще вчера
В дебрях динозавра дикого;
Правнуки кита великого,
Что темницей был Ионы,
Воды бороздят поныне;

Средь седых песков пустыни
Ходят львы;
Великанов-гор главы
Преисполнены покоя,
Словно в дни скитаний Ноя:
Нет им знака,
Что качнётся мир средь мрака,
Выровняется земля...
И они глядят угрюмо,
Преисполнясь важной думой,
На долины и поля.

*

А вон та шероховатая,
Неприглядная гора
Стала что кристалл с утра —
Бирюзово-лиловатая.
Кто же сей альпийский рог
Так отшлифовал отменно,
Словно каменный цветок?
Капли влаги
Вышли из жемчужной пены,
Эти атомы тумана
Камень вековой кропят,
Словно мел, гранит дробят,
На песчинки мелют шпат,
Простирая вдоль лимана
Белые, как лебедь, дюны...
То воды круговорот,
Океана шаг чугунный:
Поверху накидка пенная,
А в глубиннах — вечный ход,
Дышит там сама Вселенная.
И который век, который
Мох, как чаши серебристые,
Опрокидывает споры,
Чтоб утесов камни мглистые
Становились плодоносны,
Чтоб на них шумели сосны...

*

Все — от глыбы до былинки —
Внутреннюю цель имеет.
Время ни одной пылинки

Не отбросит и не свеет.
Так, роса,
Испарясь с травы зеленой,
Вновь взойдет на небеса,
Связанная в облака —
Радужные анемоны.
Мягкий шарик, оброненный
На траву из коробка
Пряхой долготерпеливой,
Рукодельницею-ивой,
Зиму помнящей весной, —
Не пропасть и этой малости!
Муравей к себе домой
Мягкий клок снесет их жалости.

*

Что же слово? Исключение?
Не роса ль земных ковров,
Только жаркая, как кровь,
Те слова, к чьему рожденью
На земле поэт причастен?
Он бессмертье дать не властен?
О, воспрянь! Коль ты поэт
Божьей милостью, то нет
Права у тебя молчать;
Как в пустыне лев, рычать
Должен ты; молва, печать —
Все это потом приложится.
Впрочем, слишком не умножится
Твой читатель. Знать язык
Можно, не читая книг.
Наш народ, как щепка, мал,
Те же, кто тебя читал,
Это как народ в народе,
Меньшинство, саамов вроде.
Как саам на свет костра
Выползает из землянки,
Так, певец, твоя игра
Избранных друзей скликает...
И когда поэт смекает,
Что ушла его пора,
Схоронить свои останки
Он велит
Им же, избранным... На что нам

Обращаться к миллионам?
Не для толп поэт творит.

*

О, юная девушка, что омрачило нежный твой взор слезами? Листок бумаги! Черновик «Еврея», изорванный и выброшенный твоим отцом... О, никогда еще такие стенания не надрывали твоего сердца! И подобно болотным огням, которые перепрыгивают, в конце концов, с дерева на дереве, так и сострадание переходит от сердца к сердцу. Ты скажешь подруге, а она мужу...

Как высоко почитаема в мире женщина! Сильные мира сего и самые благородные герои преклонились перед ее сердцем. И каждый из них отдохнет когда-нибудь подле одного такого сердца, возвратясь домой.Перед этим сердцем поколения сольются, как сливаются реки в единое море. Бог благословляет тебя, женщина! И вот, благословенная, возвышенная, непреклонная, ты теперь проливаешь слезы над судьбою несчастного еврея. Дай же тебе Бог утешиться когда нибудь.

XI. РАЗГОВОР СОРНЯКОВ

Часто слышишь толк предвзятый:
«Время сделалось не то
С той поры...» С какой? Никто
Вам не скажет точной даты.
Выслушайте, впрочем, нас:
Время стало скучным, пресным,
Серым, малоинтересным
С той поры, как мы решили:
Заленился наш Пегас,
Стал сонлив, бессилен, тощ —
Если б кто лозу припас,
Если б клячу отлупили.
К ней бы возвратилась мощь...
Но, ведь что ж? Закон таков.
Солнце зимнее не греет,
Стынет старческая кровь,
Старое перо ржавеет,
Мысль плодов не может дать —
Словом, и для соловьев
Час пришел закуковать.

А не гложет стыд тебя
Перед красотой природы,
Без конца, из года в год
Обновляющей себя?
Солнце, облака дробя,
Раз избрав свой путь, все годы
По нему вершит восход.
И в росинок серебре,
Словно асфодели Рая,
Моется трава любая
Летним утром, на заре.
Помнит свет любой звезды
Пастырей, во время оно
На равнинах Вавилона
Рвавших мудрости плоды.
Рай теперь лежит под паром,
Но не рай ли наше поле?
Страстоцвет горит пожаром,
Розы и желтофиоли,
Флокс, гвоздика и левкой.
Незабудки голубой
Детский взгляд, пион, люпин,
Мак, тюльпан и георгин —
Разве можно сотворить
(Хоть жестокий смерти страх
К творчеству склоняет прах)
Эти чудеса руками,
Или описать словами,
Мысль хотя бы изъявить?..

Души жителей земли —
В их телах больных и бренных —
Долю счастья обрели
Среди этих совершенных
Чад, что мимо всех эпох,
Рая первенцы, прошли,
Пребывая в неизменных
Формах, как велел им Бог.

Пастухам мы не сродни,
И не носят в наши дни
Козьих шкур, как при Орфее:
Меж деревьев и камней
Странствуя, он наблюдал,

Как плясал
Торс — да, да! безногий торс!
А теперь — травой зарос
Мир чудес, застыл и дремлет.
Но порой... И мы порой
С радостью иль содроганьем
Чувствуем, что нас объемлет
Мир как бы совсем иной,
Словно бы мы в райском древе
Или у кита во чреве...
Мы живем под обаяньем
Ежегодного возврата...
Может быть, уверен зря ты,
Что у них ни чувств, ни глаз —
Может быть, они о нас
Языком, нам не известным,
Говорят с Отцом Небесным.

*

«Теперь прощай!» — сказал мой друг однажды летним вечером, после того, как мы очередной раз спорили о том, должны ли евреи жить в Норвегии. «Вряд ли я еще сюда загляну, — продолжал он, — однако, что же это, братец, у тебя за цветник! Плевелы во всем многолюдстве столпились вокруг подсолнуха. Чертополох, мак, львиный зев, лопухи, лютики, ядовитая белена... Если ты не потрудишься и не уберешь эту груду камней, твоя земля станет воистину Норвегией в миниатюре. Маленькая Норвегия, напитанная водой и заполненная сорняками!»

Неприязнь моего друга к евреям повергла меня в такую досаду, что я, не будучи в состоянии заснуть, спустился вниз и сел на пригорке. Июньская луна постепенно бледнела, приближался рассвет, но, если бы вы знали, что я увидел и услышал! Когда первая красная полоска протянулась над гребнем горы, донесся до меня шум, напоминавший слабые хлопки в ладоши, и я увидел, как подсолнух навостряет свои любопытные уши-лепестки, прислушиваясь к происходящему кругом. Потом стали просыпаться травы, поросшие на каменистой гряде: их пробуждал звук голоса, похожего на аккорды арфы.

Подсолнух

Подумайте! Два часа — уж скоро рассвет.
Хоть бы один негодяй приподнялся! Нет...
Сквозь прутья калитки

Как следует не разберу —
Все спят, кроме маленькой маргаритки —
Ну, доброе утро, фру!
... Хозяин идет. Берет из кармана
Мои семена и грызет —
Он никогда не вставал так рано.
А вокруг... Солнце в небо встает.
Какое счастье подняться с зарей,
Когда багрянец на склоне глядит из тумана!
Эй, львиный зев, хоть ты свою пасть открой!
А этот сонный мак —
Он хуже ленивых собак!
А белена
В стельку пьяна!
Старый тролль, стороной
Обойди наш сад,
Не пей с беленой,
Она в алкоголь
Подмешает яд!
Вон там, на краю провала
Белеется венчик ее бокала...
Эй, простофиля-лопух!
Чертополох — не мозги, а пух!
Хоть бы какой сатирик
Забрел невзначай в наш мирик!
... Что я знаю о времени? Солнечный свет
В каждодневной его игре
Подскажет мне, который час на дворе —
Иных часов у меня нет.
....

Тьма и гибель! Во те раз!
Не хозяин ли идет?
Скажет: «Что за болтовня?
Погоди, неблагодарный!» —
Да еще, неровен час,
С корнем выдернет меня!
Или голову сорвет...
В этом множестве плевел
Все-таки я власть имел,
Рано мне к нему в карман...
Спит. А это не обман?
Эй, сестрица-повилика,
Подойди-ка, посмотри-ка!

Трубка брошена в песок,
Значит, спит... Эй, василек,
Легкий дай ему шлепок!
Нет, забылся мертвым сном —
Дело выгорит. Начнем!

Посмотрите, я каков:
Голова и сто ушей.
Весь я полон новостей,
Хоть задавлен тесным кругом...
Вот такие разговоры
Вел хозяин у порога
Со своим старинным другом:
О евреях в спор пустились
И дошло уже до ссоры,
Чуть ли не навек простились!
Все мне вспомнить недосуг,
Только вот что этот друг
На прощанье заявил:
«Как это знакомо мне:
Всюду дикие каменья,
Всюду сорные растенья —
Точно как у нас в стране!»
Что ж! Для нас в сравненье есть
Даже честь.
Будем вместе создавать
Государство для людей,
Край родной в миниатюре.
Я бы предложил начать
С тех, кто на горе камней.
Сердцу, разуму, культуре
Доверяя, изберем
Каждый веру и народность.
Как господствующей веры
Представитель, я ль не вправе
Думать о моей державе?
Все мы тут грешим сверх меры
Щепетильностью, едва
Чьи-то попраны права.
Это чепуха и вздор!
Если кто из вас еврей,
Уходите рочь с камней.
Для чего нам Резеду
Допускать в свою среду?

С давних пор
Право сей цветок взыскует
Обитать в моей тени
С множеством своей родни.
Нет, Подсолнух не торгует
Государственной землей...
Словом, Резеду — долой!

И тут поднялся невероятный шум. «Я римско-католической веры, меня крестили в Страсбург-Мюнстере», — заявил Люпин. «А я православный», — сказал Пырей. «Будьте добры, оставайтесь на своих местах», — снисходительно закивал Подсолнух. — Вы сами убедитесь, что наша Норвегия — страна свободы. «А я в той же мере христианин, в какой еврей. Я квакер и почитаю имя Господне», — объявил Бурый Щавель. «Ну, довольно, сядьте на свои места!» — упрашивал Подсолнух.

— А я магометанин, меня прогонят? — спрашивал Мак.

— Нет, успокойся!

— Ну, а если я огнепоклонник? — встрепенулся Золотой Шар.

— Прошу вас занять свои места! — повторял Подсолнух.

— А я поклоняюсь Солнцу, Луне и Звездам, — говорил Чертополох.

— Я исповедую вишнуизм!

— Я верую в Большого Змея!

— А я считаю Корову священным животным!

— Мы все идолопоклонники! — восклицали хором многие сорняки.

— Оставайтесь и живите. Страна ни для кого не закрыта.

— Ну, а для меня? — пробормотала мертвенно-бледная Белена. — Я же йезидка, я почитаю Дьявола, Владыку Зла.

Подсолнух навострил уши, как будто вслушивался в стрекот кузнечиков, потом после короткого раздумья произнес:

— Закон не запрещает тебе жить в нашей стране. Оставайся и люби на здоровье своего Дьявола.

Но вдруг Подсолнух перестал вращать головой и заговорил ледяным тоном, обращаясь к Резеде.

У задумчивой травы,
Скрывшейся от жары ныне
Под шатром моей листвы,
В плодороднейшей теснине,
Спросим... Именем земли,
Кто ты? Отвечай скорее!

Резеда

Видит Бог, что мы евреи...
Но ведь люди мира братья,
И Господь для всех отец.

Подсолнух

Полно! Прениям конец!
Дети вечного проклятья
К нам вовеки не войдут.
Просвещенного народа
Воля не дает вам входа...
Пусть еврейку прочь ведут!

Но тут я одним рывком выдернул из земли этого представителя господствующей церкви, и разнотравье обрело свободу. А вскоре я, к великой моей радости, обнаружил, чтог расцвел кустик центифолии, который я посадил весною и о котором совершенно позабыл. И его обнимала повилика, прекрасная перевязь: красный, белый и голубой цвета. Великолепна была эта центифолия, и при этом не думала никого притеснять и угнетать. И я слышал, как сладостным голосом обращалась она к Резеде:

— Иди сюда, отверженная. С нами ты обретешь радость. Мы символы подлинной Норвегии: любовь и свобода.

ИЗВЕСТИЕ

1.

На что тебе, скажи, их церковь,
　О муж мой, Эфраим?
Она совсем стара, убога,
Вся накренилась... Но немного
　Еще послужит им.

Что от окна все не отходишь?
　Так осень холодна!
Не подпирай щеку ладонью,
Там, в нашей спальне, благовонья
　И лампа как луна.

Ты любишь арфу Мириам, а?
  Идем играть и петь!
Все украшения — нет краше,
Которые в ночь свадьбы нашей
  Ты дал, хочу надеть.

То кисточками, то венками
  По волосам моим
Ты эти камни расположишь —
И голову потом положишь
  На грудь мне, Эфраим!

Закрой окно, ступай оттуда...
  Ты счастлив был игрой,
Ты ласковым был и спокойным,
Когда внимал аккордам стройным...
  Нет сил смореть — закрой!

Как этот шпиль душе несносен,
  Он впился в небосвод,
Ту розовую тучку раня,
Которая осенней ранью
  Над городом плывет.

В сентябрьском воздухе промозглом
  Ее так мрачен вид,
Как будто бы она основа
И остов влажного покрова,
  Что надо всем висит.

— Пойдем! Я просто по привычке
  Считал ворон в окне.
Не знаю, как в далеких странах,
Но только в наших христианах
  Все неприятно мне.

Ворон считаю по привычке,
  В душе кляня закон:
Из прихожан исключены мы,
Всю жизнь считать обречены мы
  Над храмом лишь ворон!

Король не сам закон придумал,
  Так захотел народ...

В такое время по предместью
Разносят почту. Выйди — с вестью
  Не ждут ли у ворот?

— Собака лает и скребется,
  Наверно, хочет в дом.
Ну вот, свернулась у порога...
Да нет, закон в руках у Бога —
  Народ здесь не при чем.

— Но в это время ходят с почтой!..
  — То птичьего крыла
Удар был о стекло. — Плохая
Примета... Страннику ль, родная,
  Ты крова не дала?

Опять стучат. Пойди, проведай —
  Трепещет все внутри,
И сердце вдруг заколотилось —
Ни разу так оно не билось!
  Встань, выйди, посмотри!.

Как волосы ее играли,
  Свободны и черны,
Когда она письма вручала...
Весть горькую чета узнала —
  Дни церкви сочтены.

2.

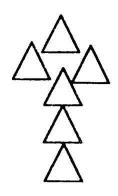
И Эфраим тяжелый вздох
  Сумел лишь испустить.
Жесток и милосерден Бог,
Еврейский Бог, когда Он мог
  Власть гнева истребить!

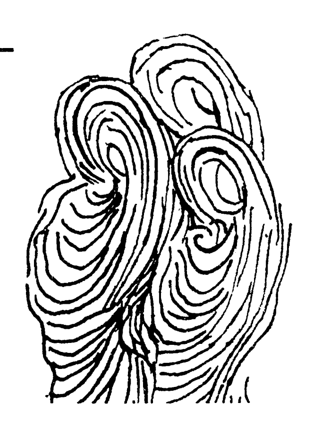
Показывает пальцем он
  На штиль, на облака,
Все громче карканье ворон,
И гнев еврея усмирен —
  В его душе тоска.

И диадему у жены
Берет в молчанье он:
Алмаз чистейший там воды
И жемчуга — как три звезды,
Небесный Орион.

Да, диадему у жены
Берет из рук: «Смотри,
Их церковь упадет вот-вот,
Давай мы отнесем в приход
Два камня или три».

«Всю диадему им отдай!
Но пусть сзовут людей,
Прорубят окна с двух сторон,
Чтобы не погубить ворон
Под грудою камней!»

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

АРМЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МИРА — 1995

Армения	3.560.000
Австралия	30.000
Австрия	3.000
Азербайджан	неизвестно
Аргентина	100.000
Бангладеш*	
Бельгия	5.000
Болгария	25.000
Бразилия	30.000
Великобритания	13.000
Венгрия	2.000
Венесуэла	7.000
Германия	15.000
Греция	25.000
Грузия	450.000
Джибути	100
Египет	5.000
Израиль	2.000
Индия	600
Индонезия	1.700
Иордания	2.500
Ирак	20.000
Иран	120.000
Испания	500
Италия	1.000
Канада	65.000
Кипр	3.000

Куба	2.000
Кувейт	8.000
Ливан	100.000
Ливия	100
Марокко	200
Мексика	400
Новая Зеландия	100
Объединенные Арабские Эмираты	500
Польша	1.000
Россия	480.000
Румыния	16.000
Саудовская Аравия	3.000
Сингапур	100
Сирия	100.000
США	800.000
Судан	1.000
Турция**	65.000
Уругвай	15.000
Франция	250.000
Чили	300
Швейцария	2.000
Швеция	6.000
ЮАР	37.000
Япония	100

* Последний армянин умер в Бангладеш в апреле 1991 года.

** Кроме того, в Турции по данным Константинопольского патриархата, проживает более одного миллиона армян, насильственно обращенных в мусульманство.

АРМЕНИЯ ОБОГНАЛА ЕГИПЕТ И ДОГОНЯЕТ ИЗРАИЛЬ

Потеснив Египет, Армения вышла на второе после Израиля место по получаемой от США гуманитарной помощи (на душу населения). В первом полугодии нынешнего года в общей сложности доставлено 242 тысячи 373 тонны помощи, 60 процентов из которых приходится на США, всего же помощь поступила из 24 стран мира. В нынешнем году правительство США предусматривает выделить на гуманитарную помощь 75 миллионов долларов, сообщил информационный

Центр американского университета Америки в Ереване, уточняя, что в эту сумму не входят финансовые поступления от частных лиц и международных организаций.

Сергей БАБЛУМЯН (Ереван), «Известия», 30 августа 1995.

ИСТОРИЯ АРМЯН. ДАТЫ.

1923, 24 июля Мирный договор между Турцией и союзниками. «Армянский вопрос» так и не решен, почти забыт, лишь Лига Наций приняла решение предоставить кредиты «армянским беженцам». «В этом договоре не найти и следа такого слова, как «Армения». Нефть Мосула имела большую ценность, нежели кровь армян» (Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ).

1956, 6 сентября «Ночь крестов» в Стамбуле. Сразу после антигреческих демонстраций, все лавки, принадлежащие христианам, в том числе и армянам, были помечены крестами. потом разъяренные мусульмане разграбили и подожгли эти лавки, избили их хозяев.

1969, 15 июня Тигран Петросян стал девятым чемпионом мира по шахматам.

1973 Левон Хачатрян окончил ВГИК, став первым выпускником из Армении по специальности «художник-постановщик мультипликационных и кукольных фильмов».

1978, осень Армянские погромы в Байруте.

1979, 3 февраля Жан-Поль САРТР прикрепил к ограде посольства СССР на бульваре Ланн в Париже протест против расстрела Степана Затикяна, Акопа Степаняна и Завена Багдасаряна, осужденных за взрыв в московском метро. Ж.-П. САРТР выступил с заявлением, сразу прерванном полицией: «Французы, необходимо проявить немного больше симпатии и солидарности по отношению к армянам, чем это было в 1915 году, во время большой резни». Это было последнее публичное выступление известного писателя и философа.

1991, 13 апреля	«В 1991 году, 13 апреля убирали памятник Ленину с площади в Ереване. Это длилось довольно долго, и толпа все ждала, не расходилась. Сначала отделили голову — она долго раскачивалась на тросе, лицом к небу, словно там, в глубине небес, высматривала что-то. Наконец ее опустили, и толпа набежала вблизи разглядеть, а полиция разгоняла. Через какое-то время все успокоилось. Наконец памятник отделили от постамента и опутанное веревками безголовое туловище косо повисло в воздухе. Толпа издала какой-то непонятный вздох — казалось, обезглавили площадь» (Зорайр ХАЛАФЯН. «Бедный Владимир Ильич!»)
1992, 4 января	В Степанакерте родилась девочка, названная Анаит — первый ребенок, рожденный в независимой Нагорно-Карабахской Республике.
1992, 25 марта	Парламент Армении утвердил новый государственный герб Республики. Он представляет щит, в центре которого изображены лев и орел; вверху — Большой и Малый Арарат, внизу — четыре поля, в каждом из которых — символы династий, правивших в древней Армении. На этом же заседании парламент утвердил названия национальной валюты: основной денежной единицей стал «драм» (арм. *деньги*), а разменной монетой — «лума» (арм. *доля*)
1992	Начали свою работу волонтеры американской организации «Корпус мира — Армении»; их поприще — образование и малое предпринимательство.
1993, 10 мая	В Степанакерте начал занятия университет (ректор Арпат ОВАНЕСЯН).
1994, октябрь	Премьер-министром Болгарии стала Ренета ИНДЖОВА (р. 1953), она происходит из армянской семьи.
1995. апрель	После четырехлетнего перерыва возобновил работу Агаракский медно-молибденовый комбинат.
1995, 15 июня	Встреча католикоса ГАРЕГИНА I с представителями общины Москвы.

1995, 21 июня Манифестации на ереванской площади Свободы сторонников девяти оппозиционных партий, требовавших участия в парламентских выборах, привела к столкновению демонстрантов с полицией; есть раненые.

1995, 27 июня Президент Армении Левон ТЕР-ПЕТРОСЯН и католикос ГАРЕГИН I присутствовали на пуске второго блока Армянской АЭС.

1995, 5 июля В Армении прошли выборы в Национальное собрание. Одновременно был проведенен референдум о новой конституции. Победу на парламентских выборах одержал блок «Республика», возглавляемый правящим Армянским общенациональным движением (АОД). Большинство избирателей высказались за принятие конституции. Отныне 5 июля будет отмечаться в Армении как государственный праздник — День Конституции.

1995, июль «Частный пассажирский автотранспорт давно уже составляет неотъемлемую часть быта жителей столицы Армении. Но не все знают, что по городу курсирует автобус, плата за проезд на котором для представительниц прекрасного пола составляет... один поцелуй. Как сообщает газета «Республика Армения», маршрут автобуса пролегает от столичной оперы до одной из городских окраин, а стоимость проезда указана на табличке.» (Гамлет МАТЕВОСЯН)

1995, 1-11 августа Всемирный сбор скаутов в Голландии собрал скаутов из 161 страны мира. Впервые на нем были представлены скауты Армении.

1995, 19 августа Освящена армянская церковь в Самарканде.

1995, 27-29 августа Визит в Ереван иранской делегации во главе с вице-спикером меджлиса, секретарем Совета безопасности Исламской Республики Иран Хасаном Роухани.

1995, август Арестован сотрудник «Аэрофлота» 59-летний Владимир ГУРДЖИЯНЦ, завербованный разведкой Зимбабве. Военный суд Московского военного округа осуди

его на восемь лет.

1995, 6-7 сентября В Петербурге прошла встреча спикеров парламентов Армении, Азербайджана, Грузии, Киргизии и председателя Совета Федерации РФ Владимира Шумейко.

1995, сентябрь Французская кинозвезда Бриджит БАРДО обратилась к президенту Армении с предложением принять от нее помощь собакам и кошкам Армении. Возможный сарказм по поводу проявленного милосердия Б. Бардо сняла заявлением о том, что она осведомлена о трудном положении Армении.

1995, 15 сентября В Третьяковской галерее (Москва) открылась выставка «Сказки и сны Мартироса САРЬЯНА», на которой представлена живопись и графика мастера 1903-1908 гг.

1995, 9-10 октября Визит в Ереван делегации Европейского сообщества завершился подписанием меморандума «О продовольственных поставках и сотрудничестве в области сельского хозяйства». Согласно этому документу Армения получит в качестве безвозмездной помощи 160 тыс. тонн зерна. Соглашение предусматривает поставки в Армению и другой продовольственной помощи.

1995, 9-15 октября На Аландских о-вах (Финляндия) прошел тур переговоров по урегулированию карабахского конфликта с участием представителей НКР, Азербайджана, Армении и при посредничестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху.

1995, 17 октября В фойе Европейского патентного бюро (Мюнхен) открыта выставка работ известных немецких художников Дитмара ДАМЕРАУ (р. 1935) и Михаэля ПОЛАДЯНА (р. 1938). Читатели «НОЯ» знакомы с творчеством М. Поладяна, — в № 14 опубликован его «Потрет Егише Чаренца».

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ. ДАТЫ.

1995, 4 ноября

УБИТ ИЦХАК РАБИН

Нелепо сравнивать Ицхака Рабина с Иисусом Христом, но евреи вновь убили не того, приняв пророка за отступника, мудрого за глупца, героя за предателя. Они плевали на его портреты, кричали: «Рабин — предатель! Рабин — убийца!» Эта ярость против тяжкой дороги к миру, по которой упрямо вел свой народ Рабин, становилась все громче, истеричнее. Тысячи кричали: «Распни его! Распни!»

Игаль Амир, стрелявший в премьер-министра, стал молотком в руках тех, кто хотел смерти Рабина, смерти решительным переменам в отношениях Израиля с арабами. Но если евреи думают что после убийства главы правительства стало одной проблемой меньше, они ошиблись в счете — проблем стало гораздо больше.

Ицхак Рабин был солдатом всех войн, которые вела его страна. Уцелев в сотнях сражений, он пал в мирный день 4 ноября, в субботу, на празднике, где вместе со всеми пел «Песнь о мире». Он погиб в борьбе за мир — самом благородном сражении, в котором может сложить голову воин. Но Израиль слишком мал, чтобы позволить себе такие страшные потери.

Вардван Варжапетян

Хронология армяно-турецкого противоборства

1. ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АБДУЛА ГАМИДА

1876, 31 марта. Абдул Гамид становится султаном Османской империи.

Декабрь. Провозглашение Конституции,обеспечивающей права национальных меньшинств.

1877, январь. Султан объявляет недействительной провозглашенную им Конституцию.

24 апреля. Начало русско-турецкой войны.

1878, 3 марта. Сан-Стефанский договор. вмешательство европейских держав в защиту армян.

13 июня. Берлинский Конгресс.Султан обещает провести реформы.

1881, **Женева**. Основана партия Гнчак.

1890, Тифлис (Грузия). Основана партия Дашнакцутюн.

1894. Первые армянские погромы в Османской империи.

1895, **октябрь**. Дипломатическое вмешательство держав с требованием довести до конца реформы в пользу армян.

1896, **26 августа**. В Константинополе дашнаки захватили заложников в здании Османского банка.

Ноябрь. Новые угрозы Турции со стороны великих держав. Конец армянских погромов.

2. ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МЛАДОТУРОК

1908, **24 июля.** Революция младотурок в Константинополе. Султан восстанавливает Конституцию 1876 года.

1909, **26 апреля.** Падение Абдула Гамида «Кровавого». Резня в Адане.

1914, **июль.** Создание «Особой организации».

26 октября. Турция вступает в войну.

1915, 24 преля. В Константинополе арестованы представители армянской интеллигенции. Начало армянских погромов.

1915-1916 гг. Вторая резня армян.

3. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1918, 28 мая. В Закавказье провозглашена Республика Армения со столицей в городе Ереване.

30 октября. Перемирие в Мудросе. Распад Османской империи.

1-2 ноября. Падение правительства Талаата в Константинополе. Бегство руководителей комитета «Союз и прогресс».

1919, 12 апреля. Судебный процесс над членами комитета в Константинополе.

1920, 10 августа. Севрский договор.

30 октября. Франция оставляет армянский анклав в Киликии.

2 декабря. Мустафа Кемаль отвоевывает армянские территории Турции. Установление Советской власти в Армянской республике.

1921, 15 марта. Шарлоттенбург (Германия), Согомон Тейлерян убивает бывшего министра внутренних дел Талаат-пашу.

2 июня, Берлин. Суд над Тейлеряном.

6 декабря, Рим. Аршавир Ширакян убивает бывшего премьер-министра Саида Халима.

1922, 17 апреля, Берлин. Арам Ерканян и Аршавир Ширакян убивают идеолога партии младотурок Бехаэддина Шакира и «палача Трапезунда» Джемаля Азми.

25 июля, Тифлис. Петрос Тер-Петросян и Арташес Геворкян убивают бывшего министра военно-морских сил Джемаля-пашу.

2 августа. Мелкумян с группой большевиков убивает бывшего военного министра Энвера-пашу.

1923, 24 июля. Лозаннский мирный договор между Турцией и странами Антанты. Конец мечте о независимости Армении.

4. ПРОБУЖДЕНИЕ АРМЯН

1965, 24 апреля, Ереван. Всенародная демонстрация в память о жертвах геноцида армян в Османской империи в годы Первой мировой войны.

1973, 23 января. В Лос-Анджелесе Гурген Яникян убивает генерального консула Турции Мехмеда Байдара и вице-консула Бехадира Демира.

12 февраля. Посол Турции отозван из Франции в связи с открытием в Марселе армянского мемориала.

4 апреля. 4 гранаты со слезоточивым газом брошены в здание консульства Турции **в Париже**. Жертв нет.

1975 год.

5 января. Накануне Рождества Христова **в Анкаре** взорвалась бомба перед входом в представительство ООН. Ответственность за акцию взяла на себя «Секретная армия освобождения Армении» (АСАЛА).

20 января. Взрыв в резиденции Международного совета церквей **в Бейруте**. Инициатор — АСАЛА.

22 октября. В Вене убит посол Турции в Австрии Данис Тюнаильгил.

24 октября. В Париже убиты посол Турции во Франции Исмаил Эрез и его водитель.

28 октября. В Бейруте подверглось ракетному обстрелу посольство Турции в Ливане. Взорвано также несколько административных зданий **в Анкаре и Стамбуле**.

1976 год.

16 февраля. В Бейруте убит первый секретарь посольства Турции в Ливане Октай Ширит. В тот же день посол Турции едва спасся от пуль другой боевой группы. Ранены три турецких дипломата. Организаторы покушения остались неизвестными.

27 мая. В Париже, в Доме культуры Армении взорвалась бомба, спрятанная в почтовой бандероли. Погиб случайный прохожий.

28 мая. В Цюрихе осуществлены нападения на консульство Турции и турецкий банк. Жертв нет.

1977 год.

15 мая. В Париже взорвалась бомба перед конторой турецкого туристического агенства. Ответственность за акцию взяла на себя организация «Новое армянское движение сопротивления».

29 мая. В Стамбуле осуществлены нападения на вокзал Сиркеч и аэропорт Ешилкой. Пятеро убитых, шестьдесят четыре раненых. Организатор — группа «28 мая».

9 июня. В Риме убит представитель Турции при Ватикане Тага Карин. Организатор — та же группа.

20 октября. В Афинах обстреляна колонна автомашин посольства Турции. Организаторы остались неизвестными.

1978 год.

3 января. В Брюсселе взорвана контора советника по финансам турецкого посольства. В тот же день аналогичное нападение организовано на турецкий банк **в Лондоне**. Ответственность взяла на себя группа «Новое армянское движение сопротивления».

8 января. Взрывы на нефтеперерабатывающем заводе и на автовокзале **в Измире**. Организатор — группа «28 мая».

24 мая. Взрыв в конторе турецкой авиакомпании **в Лондоне**. Организатор — «Новое армянское движение сопротивления».

2 июня. Убийство жены посла Турции **в Испании** Зеки Кюнерали и ее брата, бывшего посла Бешира Балчиоглу. Организатор — группа «Ованес Казанджян» из «Нового армянского движения сопротивления».

Август. В Омере взорваны две военные машины, **в Стамбуле** организованы взрывы на торговых предприятиях, **в Измире** сожжены магазины, **в Сасуне** взорвано несколько военных машин. **В Анкаре** взорваны бомбы у памятника Ататюрку и перед казармой. Организаторы остались неизвестными. В том же месяце взорвалась бомба у здания представительства ООН. Организатор — АСАЛА.

Октябрь. В Стамбуле взорваны мост Галатия, отделения почты, судебные помещения, пять административных зданий при военных казармах. Бомбы взорвались также в сквере у Большой мечети, на улице Султана Ахмеда, на вокзале, на табачной фабрике. Убиты два человека. Организатор — «Армия освобождения Армении».

6 декабря. В Турецком консульстве **в Женеве** взорвался пакет с бомбой («Новое армянское движение сопротивления»).

17 декабря. Взрыв в конторе турецкой авиакомпании **в Женеве**. Организатор — АСАЛА.

1979 год.

28 января. Казнь трех армян, осужденных за организацию взрыва в московском метро.

6 мая. Взрыв в аэропорту Ешилкой **в Стамбуле** (АСАЛА).

8 июля. Взрывы перед конторой турецкого туристического агентства (один легко раненый) и в помещении агентства по трудоустройству посольства Турции (группа «Истцы армянского геноцида»).

22 августа. В Женеве на улице брошена ручная граната в направлении турецкого дипломата. Ранено двое случайных прохожих. Организатор — АСАЛА.

27 августа. Взрывы в отделении Американского банка и перед конторой авиакомпании **во Франкфурте**. Организатор — АСАЛА.

25 сентября. Взрывы в конторах авиакомпаний ТВА, Пан Ам, Алиталиа, Бритиш Эйрлайнз, Сабена и турецкой туристической компании. Нанесен большой материальный ущерб. Организатор — АСАЛА.

29 сентября. В туалете аэропорта **Анкары** взорвана бомба. Жертв нет. Организатор — АСАЛА.

12 октября, Гаага. Убийство сына посла Турции в Нидерландах, двадцати семилетнего Ахмеда Бенлера (группа «Геворк Чауш» организации «Истцы армянского геноцида»).

31 октября в Милане и 6 ноября в Риме осуществлены взрывы в конторах турецкой авиакомпании. Организатор — АСАЛА.

18 ноября, Париж. Взрывы в помещениях авиакомпаний Бритиш Эйруэйз, КЛМ, Люфтганза. Трое раненых. Организатор — АСАЛА.

10 декабря., Рим. Взрыв автомобиля на виа Венето, 9 раненых («Новое армянское движение сопротивления»). В тот же день взорвалась бомба в гостинице, где поселились армяне, эмигрировавшие из Ливана в США.

17 декабря, Лондон. Взрыв ручной гранаты перед зданием турецкой авиакомпании (АСАЛА).

22 декабря. В 11 часов 20 минут в Париже убит советник по туризму турецкого посольства Элмаз Коплан («Новое армянское движение сопротивления»).

23 декбря, Амстердам. В конторе турецкой авиакомпании взорвалась бомба. В тот же день **в Риме** осуществлено нападение на здание французской авиакомпании Эр Франс (АСАЛА).

30 декабря. В аэропорту **Стамбула** взорвались две бомбы (АСАЛА и «Новое армянское движение сопротивления»).

1980 год.

12 января. В Париже взорвались бомбы в конторах авиакомпаний Сабена, Люфтганза, Бритиш Эйруэйз (АСАЛА).

19 января. В Риме, в конторе авиаомпании Эл Ал взорвалась бомба; трое раненых. В тот же день **в Мадриде** взорваны конторы турецкой, швейцарской, британской авикомпаний. Ответственность за все эти акции взяла на себя АСАЛА.

2 февраля, Брюссель. Взрыв в помещении турецкой авиакомпании. В тот же день взорвана контора Аэрофлота **в Париже** («Новое армянское движение сопротивления»).

6 февраля, Берн. Неудавшееся покушение на посла Турции в Швейцарии Дохана Тюркмена. В Марселе арестован боевик групы «Истцы армянского геноцида» Макс Килимджян. Суд в Экс-ан-Провансе приговорил его к двум годам тюрьмы.

25 февраля, Рим. Взрывы в конторах авиакомпаний Суиссэйр, Люфтганза, Эл Ал. Один человек ранен. Ответственность взяла на себя АСАЛА.

10 марта, Рим. Обстреляны конторы турецкой авиакомпании и туристского бюро. Двое убитых. двенадцать раненых. Ответственность взяла на себя АСАЛА.

17 апреля. В Ватикане из огнестрельного оружия ранены посол Турции Верди Тюрел и его телохранитель. («Истцы армянского геноцида»).

19 апреля. Обнаружена бомба около турецкого консульства **в Марселе** (группа «Черный апрель» организации «Новое армянское движение сопротивления» и АСАЛА).

31 июня. В Афинах убиты советник посольства Турции Халиб Элмен и его сын. Жена посла тяжело ранена (группа «Гурген Яникян», АСАЛА).

2 августа. В Афинах убит атташе турецкого посольства.

5 августа. В Лионе двое террористов проникли в консульство Турции. Ранено четыре человека. Организаторы — группы «Яникян» и «Сасунян», АСАЛА.

3 октября, Милан. Взрывы в помещениях турецкой авиакомпании и общества «Мондадори» («Новое армянское движение сопротивления»). В тот же день **в Женеве** при изготовлении взрывчатки ранены боевики АСАЛА Алек Еникомшуян и Сюзи Масерджян.

4 октября. В Мадриде, в коридоре авиакомпании «Алиталиа» взорвалась бомба, в результате чего были ранены многие из сотрудников и посетителей (АСАЛА).

6 октября. В Лос-Анджелесе убит турецкий консул (группа «Раффи Палян», АСАЛА).

8 октября, Бейрут. Взрывы в посольстве Швейцарии в Ливане, в квартире посла и в автомобиле атташе по печати. Организатор — группа «Третье октября». На следующий день та же группа осуществила взрыв конторы швейцарской авиакомпании.

12 октября, Лондон. Взрывы в помещениях швейцарской и турецкой авиакомпаний. В тот же день взорваны конторы швейцарской туристической компании **в Париже** и турецкой туристической компании в Лос-Анджелесе. Организаторы — группы «Третье октября» и АСАЛА.

13 октября. В Нью-Йорке взорвано здание представительства Турции в ООН; тридцать пять человек ранены. В тот же день взорвалась бомба в конторе турецкой частной туристической компании **в Лос-Анджелесе**. Организатор — АСАЛА.

15 октября. В Лондоне, в конторе французской туристической компании, обезврежены две бомбы.

21 октября. Интерлакен (Швейцария). Пакет с бомбой подложен в поезд (группа «Третье октября»).

23 октября. Взрыв в швейцарском консульстве **в Марселе.**

4 ноября, Женева. Две бомбы взорвались в помещении швейцарской туристической компании в Риме. Ответственность за обе эти акции взяла на себя группа «Третье октября».

10 ноября. Взрыв в турецком консульстве **в Страсбурге**; на следующий день взорвана контора турецкой авиакомпании **в Риме** (АСАЛА и «Курдская партия трудящихся»).

19 ноября, Рим. Взрыв в конторе турецкой авиакомпании (группа «Алек Еникомшуян», АСАЛА).

25 ноября, Женева. Взрыв в помещении Союза швейцарских банков (группа «Третье октября»).

11 декабря. В Риме совершенно неудачное покушение на посла Турции в Италии (АСАЛА).

15 декабря, Лондон. Взрывы в конторах швейцарской авиакомпании и туристической компании (группа «Третье октября»).

17 декабря, Сидней. Убийство консула Турции Сарика Арьяка («Новое армянское движение сопротивления»).

25, 29,30 декабря. Группа «Третье октября» взорвало радары в Цюрихском аэропорту, контору швейцарской авиакомпании **в Мадриде** и швейцарский банк в Бейруте.

1981 год.

12 января. В Женеве группа «Третье октября» совершила ряд акций против швейцарских учреждений. Сюзи Масерджян осуждена на семнадцать месяцев тюрьмы условно.

17 января. В Париже взорван автомобиль советника по экономике и финансам посольства Турции Ахмеда Ербилпи. Жертв нет. (АСАЛА).

27 января, Милан. Взрывы в конторе швейцарской авиакомпании и в консульстве Швейцарии.

3 февраля. Обнаружена бомба в швейцарском консульстве **в Лос-Анджелесе.**

6 февраля. В Париже взорваны конторы авиакомпаний ТВА и Эр Франс (группа «Третье октября»).

4 марта, Париж. На площади Бастилии убиты инспектор по вопросам трудоустройства посольства Турции Решад Морали и его заместитель Али Течели (группа «Шаан Натали»).

12 марта, Анкара. Похороны двух дипломатов, убитых в Париже. В церемонии принимает участие генерал Эврен.

3 апреля, Копенгаген. Тяжело ранен советник турецкого посольства Джевит Демир (АСАЛА и «Новое армянское движение сопротивления»).

24 апреля. Боевики АСАЛА попытались занять турецкое посольство **в Тегеране**. Двое — Егия Кешинян и Завен Абетян — приговорены к смертной казни. Овик Елиастар приговорен к пожизненному тюремному заключению.

28 мая, Париж. Взрыв в Культурном центре Армянского благотворительного общества. Погиб случайный прохожий (Турецкая революционная исламская армия).

4 июня, Париж. Обезврежена бомба, заложенная под решеткой у армянской церкви на улице Жана Гужона. В тот же день в Исси-ле Мулино перед армянской церковью взорвалась бомба, спрятанная в посылке (Турецкая революционная исламская армия).

9 июня. В Женеве убит секретарь турецкого консульства Мехмед Эркуз. Убийца, двадцатидвухлетний Мартирос Жамкочян (АСАЛА), арестован.

26 июня — 16 сентября. Группа «Девятое июня» организовала вооруженное нападение на швейцарские учреждения **в Лос-Анджелесе, Тегеране, Женеве, Копенгагене, Берне, Цюрихе, Лозанне** с целью освобождения Мартироса Жамкочяна. Один убитый, тридцать раненых.

22 августа, Париж. Взрыв в конторе агентства «Олимпик Эйруэйз» («Третье октября»).

16 сентября, Копенгаген. Взрыв в турецкой авиакомпании. Один убитый, несколько раненых (группа «Акоп Таракчян», АСАЛА).

24 сентября, Париж. Операция «Ван»: группа боевиков АСАЛА «Егия Кошишян» заняла турецкое консульство и продержалась в нем в течение пятнадцати часов. Один убитый, четверо раненых. Террористы Вазген Сислян (руководитель группы), Геворк Гюзелян, Арам Пасмаджян, Акоп Джулфаян арестованы.

25 октября. В Риме тяжело ранен секретарь турецкого посольства Геркек Еордженекон (группа «Двадцать четвертое сентября», АСАЛА). Та же группа **26, 27, 28 октября** организовала взрывы на Елисейских Полях, в аэропорту имени Шарля де Голля, под Эйфелевой башней, во французских учереждениях различных стран.

29 октября в Женеве и 3 ноября в Мадриде и вновь в Женеве группа «Девятое июня» совершила вооруженные нападения на швейцарские организации. Трое раненых.

С 12 ноября по 21 ноября группа «Орли» в знак протеста против ареста Димитриу Гиоргиу* совершила тринадцать вооруженных нападений на французские учереждения **в Париже, Бейруте и Тегеране**.

20 ноября, Лос-Анджелес. Нападение на турецкое консульство («Истцы армянского геноцида»).

8 декабря, Париж. Димитриу Гиоргиу выдворен из Франции.

1982 год.

13 января, Париж. Взорван автомобиль, принадлежащий турецкому посольству.

С 17 января по 20 июля в связи с новым арестом Димитриу Гиоргиу группа «Орли» совершила пять акций **в Париже** и других городах Франции.

22 января. Убийство генерального консула Турции **в Лос-Анджелесе** Кемаля Эркена («Истцы армянского геноцида»). Четверо террористов арестованы, в том числе один — в Париже; Амбарцум (Амбик) Сасунян (19 лет) осужден на пожизненное заключение.

8 апреля, Оттава. Убийство советника по торговле посольства Турции в Канаде Кемаледдина Гюнора (АСАЛА).

21 апреля, Париж. Исполняющий обязанности премьер-министра Гастон Деффер официально признал армянский геноцид.

---

* Настоящее имя — Монте (Аво) Мелконян. Погиб в Арцахе 12 июня 1993; стал первым воином, награжденным (посмертно) высшим орденом НКР — «Боевым Крестом I степени». — *Ред.*

24 апреля. Взрыв в Торговом центре Турции **в Дортмунде** («Новое армянское движение сопротивления»).

4 мая. В Бостоне убит почетный консул Турции Орган Гюндуз («Новое армянское движение сопротивления»).

31 мая. В Лос-Анджелесе арестованы трое армян, пытавшихся установить бомбу у терминала авиакомпании Эр Канада.

7 июня. В Лиссабоне убит советник Турции Оркюз Акбай, а его жена получила тяжелые ранения («Новое армянское движение сопротивления»).

20 июля, Париж. Взрыв на террасе кафе Сен-Северен (бульвар Сен-Мишель). Двадцать посетителей ранены. Организатор — группа «Орли».

21 июля, Роттердам. Неудачное покушение на консула Турции Кемаледдина Демира («Армянская красная революционная армия»).

30 июня, Ганьи. При изготовлении взрывчатки погиб боевик Пьер Гулумян.

7 августа, Анкара. Группа «Хримян Айрик» (АСАЛА) совершила вооруженный налет на аэропорт (Операция «Карин»). Одиннадцать убитых, шестьдесят три раненых. Один из боевиков, Зограб Саркисян, застрелян полицией, второй — Левон Экмекджян — тяжело ранен и арестован.

12 августа. В Париже обстреляна контора турецкой туристической компании. В тот же день **в Стамбуле** старик-армянин совершил акт самосожжения в знак протеста против нападения на аэропорт Анкары.

27 августа, Оттава. Убийство военного атташе посольства Турции в Канаде генерала Атиллы Алтынкяты («Истцы армянского геноцида»).

9 сентября, Бургас (Болгария). Убийство сотрудника консульства Турции. («Истцы армянского геноцида»).

7 октября. В Анкаре начался открытый судебный процесс над Левоном Экмекджяном.

1983 год.

26 января, Париж. Две ручные гранаты брошены в контору турецкой авиакомпании. Жертв нет. Один из подозреваемых, Абрам Товмасян, приговорен к тридцатимесячному тюремному заключению. Организатор — АСАЛА.

29 января. В Анкаре повешен Левон Экмекджян.

8 февраля, Париж. Взрыв в конторе турецкой туристической компании «Мармара». Скончалась француженка-телеграфистка, многочисленные посетители получили ранения. Организатор — АСАЛА,

28 февраля, Люксембург. В автомобиле турецкого дипломата обнаружена бомба («Армянская красная революционная армия»).

9 марта, Белград. Убиты турецкий посол и случайный прохожий; двое прохожих ранены («Новое армянское движение сопротивления»). Террористы, один из которых получил тяжелые ранения в столкновении с полицией, арестованы и приговорены к двадцати годам заключения. Вскоре один из них, Арутюн Левонян, освобожден по инвалидности. В 1990 году освобожден и второй террорист, Раффи Элпекян.

24 мая, Брюссель. Взрыв в конторе турецкой туристической компании (АСАЛА).

16 июня. Налет на рынок **Стамбула.** Трое убитых, двадцать (по другим источникам — двадцать пять) тяжело раненых (АСАЛА).

14 июля. В Брюсселе убит турецкий дипломат Дурсун Аксой. Организаторы — «Армянская красная революционная армия» и АСАЛА.

15 июля, Париж. В аэропорту Орли у стойки регистрации турецкой авиакомпании взорвалась бомба. Восемь убитых и пятьдесят шесть (по другим сведениям — шестьдесят один) раненых. Организатор — АСАЛА.

6-23 июля. В Лондоне организованы предупредительные акции против здания суда, где слушалось дело двух боевиков АСАЛА. Завен Петрос приговорен к восьми годам тюремного заключения, Гриш Григорян — освобожден.

27 июля, Лиссабон. Налет на посольство Турции. Все нападавшие — Седрак Ягнеян, Ара Крчлян, Саркис Абрамян, Ваче Таглян, Симон Ягнеян — погибли. Убиты жена турецкого дипломата и полицейский. Организатор — «Армянская революционная армия».

В течение июня и августа имели место многочисленные акции против французских учреждений **в Берлине, Бейруте и Тегеране.** Организатор — АСАЛА.

29 октября, Бейрут. Нападение на турецкое посольство (АСАЛА).

1984 год.

В марте и апреле в Тегеране организованы нападения на турецкие учреждения. Убит торговый атташе; военный атташе и двое других сотрудников ранены (АСАЛА).

В Вене убит постоянный представитель Турции в ООН. Взрывом бомбы, заложенной в автомобиль, убит атташе посольства. В Оттаве трое боевиков ворвались в турецкое посольство и взяли в заложники весь персонал, предъявив свои политические требования. Ответственность за акции взяла на себя «Армянская революционная армия».

Арно Гемелян, Жан-Мишель Брок. Восстановленная память. пер. с франц. Светланы Авакян. Ереван. 1995.

Питер НАДЖАРЯН (США)

УБИЙСТВА И СЕКС
рассказ

— Еще одного дипломата застрелили.
— Кто?
— Ну те, из Бейрута.
— В Бейруте вырастают среди стрельбы.
— Он мертв?
— Нет, ранен.
— Надо было его убить.
— Что ты мелешь? Ты понимаешь, что говоришь?
— Еще как понимаю.
— В чем польза от убийства этого бедняги?
— Он не бедняга, он мусульманин.
— Он ничего не знает. Он тогда еще и не родился.
— Значит, ему следовало знать. Им всем следует знать.
— Она права. Ведь что-то надо же делать. Слишком много лет ничего не делалось.
— Что же, по-твоему, следует делать?
— Я хочу, чтобы они признали содеянное.
— Зачем?
— Чтобы все знали.
— Скажем, все знают, ну и что?
— Это будет началом. Тогда они смогут возместить нам.
— И как это тебе представляется?
— Мне все равно, возместят они нам или нет, лишь бы все знали.
— Моя внучка знает. Она хочет примкнуть к подполью.
— Она хочет убивать дипломатов?
— Она хочет бороться за свой народ.
— Ей просто хочется драки.
— Ничего подобного. Она выросла на этих историях.
— Кто ей это рассказал? Разве эти истории для детских ушей?
— Им нравятся такие истории. Евреи тоже всем уши прожужали своими историями.
— Это наши истории. Наши внуки обязаны их знать.
— Чтобы ненавидеть и убивать?
— Нет. Чтобы знать, откуда они происходят.
— Они происходят из телевизора.
— Все они происходят из убийств и секса.
— Не все.
— Все они и все мы. Мы все происходим из убийств и секса.

Пер. с англ. Арташеса Эмина. («Литературная Армения», №1-3, 1993)

САМИ О СЕБЕ

■ « ...Я горжусь тем, что я еврей, потому что трудно быть евреем, о, как трудно! Не нужен героизм, чтобы быть англичанином, американцем или французом. Проще, удобнее быть одним из них, но ни в коей мере не почетнее. Да, это честь — быть евреем!

Я верю, что быть евреем означает быть воином, вечным пловцом, плывущим против человеческого потока, мутного и преступного. Еврей — это герой, мученик, святой. Вы, ненавистники, говорите, что мы дурны, злы. Мы тоньше и лучше вас, — посмотрел бы я, как бы вы выглядели на моем месте...

...Смерть не может больше ждать, и я вынужден кончить. С верхних этажей все тише доносятся выстрелы. Падают последние защитники нашей крепости, и вместе с ними рушится и погибает Варшава, прекрасная, богобоязненная еврейская Варшава

Слушай, Израиль! Господь — Бог наш, Господь един!»

Из завещания (28 апреля 1943) узника Варшавского гетто Иосефа РАКОВЕРА

■ «...Через несколько часов меня не будет в этом мире. В три часа мы будем расстреляны.

Это представляется мне эпизодом, чем-то вроде приключения в моей жизни.

В этот час моей смерти я сообщаю, что не питаю никакой ненависти к немецкому народу. Немецкий народ и другие народы после этой войны, которой суждено продлиться уже недолго, будут жить в мире и счастье.

Счастья всем!»

Мисак МАНУШЯН (1907-1944) — поэт, герой французского Сопротивления. Казнен 21 февраля 1944 г. в Париже.

■ «Армянские глаза моей матери они называют пикассовскими, армянскую грусть — византийской и русской. И когда я исправляю их и говорю: «Вы ошибаетесь, это армянские глаза», они странно смотрят на меня и говорят, что это просто проявление «шовинизма малой нации»... Представляешь? Если исправляешь их, то непременно будешь

осужден ими. Наши армянские глаза говорят прежде, чем губы, и продолжают говорить, когда губы уже перестали говорить!»

Аршил ГОРКИ (1904-1948) — художник.

■ Я держу маму за руку. Мы идем мимо Финотдела по улице Карла Либкнехта. Навстречу нам тетя Фрося, жена дворника дяди Тараса. Она наклоняется ко мне и спрашивает:

— Ты кто? РУССКИЙ или ЕВРЕЙ?

Я гордо отвечаю: «Я РУССКИЙ ЕВРЕЕЦ».

Мама и тетя Фрося смеются.

Вадим СИДУР (1924-1986) — скульптор, художник, поэт.

■ Шестнадцатилетним я должен был выбирать, что написать в графе «национальность»: «еврей» (по отцу), «поляк» (по матери) или «русский» (родной язык — русский). Шел 1949 год, антисемитизм стремительно нарастал, я не мог тогда записаться неевреем, это было бы нечестно. Мой младший брат, получавший паспорт в 1962-м, записался поляком, по матери, он и уродился в мать, светлый и светлоглазый, но и время было другое: оттепельное, сравнительно мягкое.

Много раз в жизни мне приходилось заполнять анкету. Наизусть, не задумываясь, автоматически: родился в Ленинграде; отец — еврей, родился в Кронштадте; мать — полька, родилась в Гатчине. Недавно в Историческом архиве Ленинградской области я перелистал книги гатчинского костела и получил возможность удостовериться, что отец моей матери, мой дед, Михаил Станиславович Осинский, был дворянин Свенцянского уезда Виленской губернии. А из других документов явствует, что мой дед и прадед по отцу, Британишские, петербургские ремесленники, похоронены в Петербурге, но до самой смерти числились мещанами Виленской губернии.

Еврей ли я, не знаю. Но то, что я родственник того Рувима из Вильно, тех виленских Британишских, которые все погибли, тех виленских евреев, которые все погибли, это я знаю точно.

Владимир БРИТАНИШСКИЙ (р. 1933) — поэт.

■ И вот во время войны, на Урале, я впервые услышал от уличных мальчишек слово «еврей». «Ты еврей?» — спросили меня мои товарищи по играм. Я сразу же ответил отрицательно, потому что, вопервых, я не знал, что это такое, а во-вторых, спрашивали таким то-

ном, что было ясно — это что-то плохое. Но потом я стал слышать все чаще и чаще эти два слова: «еврей» — двусложное, с «р» посредине, что делало возможным произносить его с различными оттенками издевательской гаммы, и короткое, как удар ножа — «жид», которое на многие года заменило первое, так что когда снова стали говорить просто «еврей», это звучало почти как ласка. И я, как и тысячи еврейских детей до и после меня, пришел домой, к маме и бабушке, с вопросами о том, кто такие евреи и почему их не любят. И мне ответили, как, вероятно, отвечали и тысячам других детей, что евреи — это мы, наша семья, наши родные и друзья — разве они плохие? — а вот те, кто дразнят меня — те плохие. Этот ответ не был исчерпывающим даже для ребенка, и я не понимал — откуда вдруг взялись евреи, почему евреи — это именно мы, а мои русские товарищи были совсем не плохие, более того — они были моими единственными друзьями во все мои детские годы. Потом с этими вопросами я много раз обращался к различным людям, прочитал десятки книг и статей в поисках ответа, пока не понял — это коренные вопросы нашего народа и в ответе на них — не только объяснение его прошлого и настоящего, но и путь к его будущему.

Илья ЗИЛЬБЕРБЕРГ (р. 1935) — правозащитник

■ Подлинная история вашего сознания начинается с первой лжи. Свою я помню. Это было в школьной библиотеке, где мне полагалось заполнить читательскую карточку. Пятый пункт был, разумеется, «национальность». Семи лет от роду, я отлично знал, что я еврей, но сказал библиотекарше, что не знаю. Подозрительно оживившись, она предложила мне сходить домой и спросить у родителей. В эту библиотеку я больше не вернулся, хотя стал читателем многих других, где были такие же карточки. Я не стыдился того, что я еврей, и не боялся сознаться в этом. В классном журнале были записаны наши имена, имена родителей, домашние адреса и национальности, и учительница периодически «забывала» журнал на столе во время перемены. И тогда, как стервятники, мы набрасывались на эти самые страницы; все в классе знали, что я еврей. Но из семилетних мальчишек антисемиты неважные. Кроме того, я был довольно силен для своих лет — а кулаки тогда значили больше всего. Я стыдился самого слова «еврей» — независимо от нюансов его содержания.

Судьба слова зависит от множества его контекстов, от частоты его употребления. В печатном русском языке слово «еврей» встречалось так же редко, как «пресуществление» или «агорафобия». Вообще, по своему статусу оно близко и матерному слову или названию венерической болезни. У семилетнего словарь достаточен, чтобы ощутить

редкость этого слова, и называть им себя крайне неприятно; оно почему-то оскорбляет чувство просодии. Помню, что мне всегда было проще со словом «жид»; оно явно оскорбительно, а потому бессмысленно, не отягощено нюансами. В русском языке односложное слово недорого стоит. А вот когда присоединяются суффиксы, или окончания, или приставки, тогда летят пух и перья. Все это не к тому говорится, что в нежном возрасте я страдал от своего еврейства; просто моя первая ложь была связана с определением моей личности.

Иосиф БРОДСКИЙ (р. 1940) — поэт

Я не осознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, мой кров всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете: а почва? как же можно жить, имея под ногами вместо родной почвы — бездну? Но удел русских евреев — ступать по воде. Вы скажете: ходить пешком по воде противоестественно. В ответ я могу лишь пожать плечами. Мне нечего на это возразить.

Борис ХАЗАНОВ (р.1928) — русский писатель

ЗАЧЕМ В ГЕРМАНИИ ИЗУЧАЮТ ЕВРЕЕВ?

Говорят, что истинная цена человека представляет воображаемую дробь, где в знаменателе — мнение его о самом себе, а в числителе — мнение о нем окружающих. Евреи некоторым образом свободны от этого постулата: избранный Б-гом народ полагает, что он всегда прав, как бы он ни поступал. Но, к сожалению, другие об этом не догадываются. Более того, они хотят знать, что такое современные евреи — после Катастрофы, после начавшегося возрождения, создания собственного государства и большого потока еврейских беженцев в разные страны мира, в том числе в Израиль, США, Германию.

Франциска БЕККЕР живет в Берлине и занимается изучением евреев-беженцев из бывшего Советского Союза, которые приехали в Германию после 1990-го года. Она работает в Берлинском институте европейской этнологии, и под руководством его директора, доктора Вольфганга Кошуба, пишет диссертацию об условиях интеграции еврейских иммигрантов, их жизни, судьбах, менталитете и культурных предпочтениях. Франциске 32 года, она родилась в Штутгарте, закончила Тюбингенский Университет.

— Интеграция беженцев в новую социальную среду была и остается одной из самых трудных задач для исследователя. Люди склонны обнаруживать подлинные причины своих поступков. Каким образом Вы постигаете истинные причины их миграций, мотивы поведения в условиях новой жизни?

— Методика подобного рода исследований разработана в основном Чикагской школой социологов и психологов, она основана главным образом на так называемом методе включенного наблюдения. То есть я, как исследователь, включаясь в реальную жизненную ситуацию той общности людей, которую изучаю, живу среди них, разговариваю на интересующие их темы и проблемы, в том числе, — бытовые, культурные, политические... Постепенно мне становятся ясными главные пружины их конфликтов с окружающей средой, с собой, с обществом. Для меня главное — понять логику их поступков, включиться в их культурную ситуацию. Круг моего поля исследования достаточно широк: два еврейских общежития в земле Бранденбург — в Потсдаме и в Аренсфельде. Я прожила там несколько месяцев. За это время, кроме постоянного общения с сотнями людей, я успела провести детальные интервью-беседы с тридцатью беженцами.

Но это лишь часть дела. После получения каких-то эмпирических данных я отправляюсь в архивы, в соответствующие учреждения магистрата, где расспрашиваю руководителей его отделов, изучаю выступления политических деятелей в прессе и т.д. Эти многообраз-

ные данные создают весьма пеструю, я бы сказала, — мозаичную картину, которую трудно понять и еще сложнее теоретически интерпретировать.

— Впереди у Вас еще два года исследований, и пока, видимо, рано говорить о результатах. Но, может быть, Вы рискнете дать какие-то советы еврейским беженцам, чтобы облегчить им их положение, помочь быстрее и безболезненнее войти в немецкое общество, стать полезными ему людьми?

— Как ученый я не праве давать подобные советы, это сразу нарушит мой статус' независмого исследователя. Но уже сегодня мне видны основные кофликтные ситуации, мешающие иммигрантам жить спокойно и лучше. Назову одну из них, на мой взгляд — главную. Приезжающие евреи-беженцы из бывшего Союза получают определенный статус и живут на пособие, выделяемое им землей Бранденбург. Здесь его называют «социал». Для жителя Германии это — низший статус, и в принципе на «социале» жить здоровому, работоспособному человеку стыдно. Да, социального пособия хватает на питание, одежду, оплату квартиры, которую ему опять же предоставляет земля Бранденбург. Таким образом беженец попадает полностью в зависимость от пособия, от «подачки» властей. Но раньше, на своей бывшей родине, он привык к иному! Он сам зарабатывал себе на хлеб, имел квартиру, у него была машина, гараж, порой — престижная работа или творческая деятельность, его уважали дети, соседи, коллеги. И вдруг — полное падение на социальное дно!

В такой ситуации не все могут найти себе опору, иметь духовные и физические силы поменять привычный статус: из интеллегенции переходят в чернорабочие, а то и вовсе не могут устроиться на работу. Все это переживается как катастрофа, давит на психику, создает неблагоприятный климат в семьях. Люди нередко впадают в депрессию, ведут себя неадекватно, способны на нерпредсказуемые поступки, которые не выводят их из тупика. Иногда конфликт углубляется, доходит до крайней остроты и кончается трагически. Чаще, однако, выход находится, люди становятся на ноги и постепенно поднимаются по лестнице: из ряда «социальных» — в разряд временно работающих, потом — на уровень постоянно работающих, наконец, — получают статус добившихся реальных успехов. Многие делают неплохую карьеру, занимаются любимым творчеством, получают признание. Но все это приходит не сразу. К тому же бывшая травма в душе не исчезает бесследно, она в любую минуту может вскрыться и принести человеку немало горя и хлопот.

— А зачем вообще заниматься изучением евреев отдельно от других беженцев из бывшего СССР? Они чем-то специально интересны? В конце концов, у всех иммигрантов общая судьба...

— До какой-то степени это верно. Но есть особый характер у каждого народа, накладывающий отпечаток на его судьбу и судьбы каждого беженца своей национальности. С другой стороны, мы, немцы, особенно заинтересованы в том, чтобы лучше узнать жизнь, традиции, ментальность современных евреев, приезжающих к нам из бывшего Союза. Об этом трудно и больно говорить, но ведь нынешнее поколение немцев, особенно в Западной Германии, знает о евреях слишком мало. Оно знает лишь, что евреев уничтожали в лагерях, что фашисты расстреливали их, убивали всех подряд — детей, стариков, женщин... Современная немецкая молодежь рассматривает евреев только как жертву, не как живых людей со своими культурными традициями, религией, предпочтениями. Скажем прямо: большинство молодых немцев просто не видело в глаза живых евреев и понятия о них не имеет. Мы хотим узнать евреев, их нынешний менталитет, их культуру, религию, традиции, обряды. Многие приглядываются к евреям с некоторым удивлением, мнение о них в немецком обществе не сложилось. Нет и полной картины того, зачем и с чем, с каким культурным багажом приезжают евреи в Германию. Собственно моя диссертация и призвана помочь формирсванию этого общественного мнения. Разумеется, она — лишь часть исследовательской программы, касающейся беженцев из разных стран, ищущих убежище в Германии.

Беседу вел Игорь АЧИЛЬДИЕВ
Потсдам

Кит ТРИБЛ (Оклахомский университет)

ПОИСКИ ЕДИНСТВА И ЦЕЛЬНОСТИ У ГЁТЕ И МАНДЕЛЬШТАМА

В творчестве Иоганна Вольфганга Гёте О.Э.Мандельштам нашел чуть ли не последний пример понимания вселенной как единства культуры и природы. Учение Гёте об универсальном единстве можно разделить на три рубрики: «архитектура», «естественные науки» и «культурный синтез». Все три области отвечали насущным творческим интересам Мандельштама.

Гёте является одним из последних универсальных деятелей современной эпохи. Это сказывается не только в разнообразии его интеллектуальных интересов и занятий, но и в постоянном стремлении видеть единство между наукой и искусством, единство человеческой и земной природы, европейской культуры с культурами мира, единство человека со вселенной.

И для Гёте и для Мандельштама зрительное начало являлось определяющим. Гёте не только описал великолепно Страсбургский собор, но и зарисовал его, как он зарисовал и многие шедевры архитектуры в Италии. Эстетика Мандельштама определялась во многом посредством архитектурных аналогий. Для Мандельштама временное становится пространственным в памятниках архитектуры, а в мифе пространство и время становятся изоморфными. В архитектуре воплощается фаустовский идеал: «Остановись, мгновенье...» Архитектура как пространственно-временная метафора определила мандельштамовские взгляды на поэзию и характер стихов эпохи «Камня».

10 февраля 1910 г. Мандельштам присутствовал на заседании русской студенческой группы в Гейдельберге, когда Аарон Штейнберг, настаивая на ясной форме в поэтической структуре, цитировал слова из «Разговоров с Гёте» Эккермана: «архитектура — застывшая музыка.»[1] Эта цитата часто была на устах мандельштамовского поколения.[2] К тому же, в поэтическом мышлении Мандельштама *каменность* ассоциируется с именем Гёте-минералога, автора очерка «О граните» (1784).

Гётевская похвала Страсбургскому собору основана на соединении возвышенного с прекрасным. В своих размышлениях до-страсбургского периода Гёте выражал отвращение к готическому стилю, к его перегруженной и произвольной орнаментальности. Однако, в «Поэзии и Правде» автор признает удовлетворительным архитектурный ансамбль, в котором страшная огромность [«ungeheurer ... unerschütterlicher Festigkeit»] соглашается с прелестной деталью [«angenehme ... leicht und zierlich»] (9:382-386). На той же самой анти-

номии построен «Notre Dame» Мандельштама. Из «массы грузной», «из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам...» (1:24). Гёте видит в фасаде собора девять плоскостей, создающих гармоничное отношение между высотой и шириной. Но так и для Мандельштама в наружности собора открывается «тайный план», по которому «масса грузная» не должна сокрушить стены. Образ каменного леса также связывает два собора: если в «Юности Гёте» Мандельштам описывает Страсбургский собор как «каменные леса, увенчанные башнями» (3:67), то «Notre Dame» представляется как «стихийный лабиринт, непостижимый лес» (1:24). К тому же для Гёте архитектура есть нечто органическое. Страсбургский собор не построен, а *рожден* и *растет* под влиянием времени и пространства. И для Мандельштама «Notre Dame» есть олицетворение Адама с его «нервами», «мышцами» и «чудовищными ребрами». В размышлениях Гёте о Страсбургском соборе выражено положительное восприятие готической архитектуры, — «немецкой архитектуры нашей страны». Вслед за Гёте Мандельштам обнаруживает в церковной архитектуре способность объединять народность и историческую соборность.

В органичности Гётева восприятия архитектуры находится ключ к пониманию уникальности Гёте и его значения для Мандельштама. Гёте основывал все свои научные теории на понятии «Urphänomen» («прафеномен»), некоей фундаментальной идеи, состоящей из феноменов, ощутимых человеческими чувствами. Наподобие платоновских идей, этот «прафеномен» присущ всем явлениям и воплощается в конкретной форме. Не случайно Гётевское естествознание характеризуется упором на физиологическую роль человеческого восприятия. Вопреки Канту, Гёте считал, что одним из важнейших условий познания было тождество субъекта и объекта. Роль и поэта и ученого заключается в осознании отношений объекта к фундаментальному и универсальному единству. Как известно, первым значительным научным открытием Гёте была межчелюстная кость, отсутствие которой до него считали главным отличием человека от обезьяны. Из-за этого открытия многие считали Гёте прадедом современной дарвиновской теории эволюции, но, в отличие от позднейших эволюционистов, Гёте видел в этом открытии доказательство основного единства всего живущего, одним из проявлений которого является и человек.

Свою первую книгу стихов Мандельштам хотел назвать «Раковина». С «Раковиной» ассоциируется рак, самая низкая ступенька на лестнице эволюции, как Гётево «Urphänomen». Позднее стихотворение «Ламарк» определяет место поэта в эволюционном процессе: «На подвижной лестнице Ламарка // Я займу последнюю ступень».[3] В стихотворении «Раковина», как и в «Ламарке», Мандельштам бросает вызов Дарвинизму. В этом диалоге человека с природой поэт изображает себя в виде простейшего существа, которое, тем не менее, спо-

собно адекватно отражать всю многообразную сложность объективного мира.

И хрупкой раковины стены, —
Как нежилого сердца дом, —
Наполнишь шопотами пены,
Туманом, ветром и дождем... (1:15-16).

Так же как и Гёте, Мандельштам представлял себя «органическим агентом» природы, не отсюда ли и выбор простейшего существа в качестве символа поэта?

Научные занятия Гёте начались с алхимических опытов, влияние которых сказалось на всех его последующих научных исследованиях. В начале первой части трагедии Гёте Фауст склоняется над толстой пыльной книгой об алхимии. Как известно, алхимия учит, что под влиянием огня противоположности, существующие в природе — во всем живущем, во всем растущем и во всех минералах — должны гармонизироваться. Эти протовоположности определяются как «сера» и «соль». Сера воплощает активное (мужское) начало: дух, воздух и свет, а соль воплощает пассивное (женское) начало: тело, землю и тьму.

Гёте воспользовался образами алхимии, чтобы описать творческий процесс. Объясняя внезапный импульс к написанию романа «Вертер», бесформенное зерно которого он долго носил в себе,[4] Гёте употребляет метафору о сгущении частиц камня и их стремительном превращении под влиянием внешней силы. В «Поэзии и Правде» Гёте описывает свой алхимический опыт приготовления «liquor silicum» или кремнистого сока. Когда кварцевый кремень тает над огнем, образуется прозрачное стекло. Подвергшись воздействию воздуха, это стекло испаряется, оставив красивую чистую жидкость «liquor silicum». Гёте, у которого было особое умение в приготовлении этой жидкости, замечает, что она часто превращалась в мелкую кремнистую пыль (9:343). В алхимии «liquor silicum» имеет способность превращать минералы в другие субстанции, даже в золото. То обстоятельство, что Гёте так и не удалось превратить кремень в золото, нисколько его не обескураживало: самым важным для него являлась *символика* процесса. Не была ли для Гёте «liquor silicum» символом превращения самой жизни в поэзию?

Если алхимический язык Гёте воспринять как контекст к «Грифельной оде», то обнаружится следующее: Мандельштам относит «кремень» к пассивному началу алхимической шкалы — «соли», ведь это то, что лежит в земле («Кремней могучее слоенье...»), но кремень это еще и то, посредством чего добывается огонь, а отсюда постоянный для стихотворения мотив «горящего мела». Сопоставляя кремень

с водой («Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень» (1:107)) и с огнем, Мандельштам говорит о кремне как о синтетическом (синтезирующем?) начале, возводит его в «грифель». Таким образом, благодаря всей этой «алхимии» творческий процесс изображается как результат могучей деятельности бесконечных вселенских сил, как синтез («могучий стык») и чисто-материального, и чисто-духовного процессов. Происхождение слова «стык» восходит к «Фаусту» («*Schliesst sich* heilig Stern an Stern»), оно, согласно профессору Ронену[5], указывает на связь с научными опытами Гёте, а также, добавим мы, является символом цельности в поэзии.

Образ «грифельной доски» восходит не только к Державину, но и к автобиографии Гёте. В «Юности Гёте» читаем: «Большая грифельная доска на столе. Гёте записывает мелком стихотворные строчки, стирает их губкой, снова пишет» (3:66).[6] Здесь «грифельная доска» есть символ поэтического процесса, в котором происходит органическая смена «напластований», при сохранении их органического единства. Вспомним отношение Мандельштама к черновику, как потенциальной возможности окончательного текста.

В 20-е годы архитектурные аналогии в творчестве Мандельштама вытесняются «геологической» образностью, что объясняется растущим интересом поэта к научным трудам Гёте. В первых строках «Юности Гёте» Мандельштам описывает «минералогическую коллекцию» молодого Гёте и называет ее «алтарем природы» (3:63).

В борьбе геологов XVIII века Гёте колебался, иногда принимая сторону *нептунистов*, считая, что вода играла самую важную роль в оформлении поверхности земного шара, а по временам утверждал, следуя *вулканистам*, что более существенной была роль огня. Этот геологический спор оказался очень плодотворен для Гёте и нашел особенно яркое выражение во второй части «Фауста» (3:229-231), где изображен спор между Фалесом («нептунистом») и Анаксагором («вулканистом»). На вопрос Анаксагора: «... ты б за ночь мог из тины // Такие взгромоздить вершины?» Фалес отвечает: «Природы превращенья шире,// Чем смена дня и ночи в мире» (3:239). Таким образом, когда в «Грифельной оде» Мандельштам говорит: «Я ночи друг и дня застрельщик...», он говорит о божественном назначении поэта.

Теперь обратимся к стихотворению «Нашедший подкову»:

То, что я сейчас говорю, говорю не я,
А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой пшеницы.
Одни
　　на монетах изображают льва,
Другие —
　　голову.
Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле... (1:106).[7]

Здесь камни превращены в монеты, которые становятся для поэта, как сама подкова, талисманами, магическими словами-вещами. Такими одами-талисманами являются как «Нашедший подкову», так и «Грифельная ода». Вдохновение для такой трактовки Мандельштам не мог не найти в известном стихотворении Гёте «Орфические Первоглаголы» и в «Западно-восточном диване» — в стихах о талисмане, амулете и перстне. В последнем находим:

Скуй кольцо с печатью
И высший смысл в нее вложи; хоть перстень мал
Ты заручился благодатью.
Ты Слово врезал в твердь и властвовать им стал (2:9).

Гёте пишет в «Диване», что сам владеет перстнем с печаткой персидского шаха (2:141), и этот образ вошел в «Армению» Мандельштама («Как близорукий шах над перстнем бирюзовым») (1:155), а в «Грифельной оде» поэт соединяет в «могучий стык» подкову и перстень (1:109).

В «Метаморфозе растений»[8] Гёте утверждал, что все частицы, которые составляют растение, происходят от одной первоначальной формы. Эта форма, или «Urpflantz» («праформа»), является самой простой, но и самой совершенной идеей растения, которая воплощает собою единство всех растений. В поисках такой *праформы* Гёте отправился в Италию в 1786 г. — это событие описано в радиопередаче Мандельштама. Об этой поездке рассказывает Гёте в «Итальянском путешествии» — единственной книге, которую Мандельштам брал с собой в Армению. Гёте искал праформу растений, Мандельштам — праформу поэзии. И для того и для другого путешествие было формой бегства. Гёте бежал от любовной драмы и утомительно-громкой славы, вдруг обрушившейся на него по выходе в свет «Вертера», Мандельштам же — от шумного дела о «Тиле Уленшпигеле». В «Юности Гёте» Мандельштам подчеркивает возраст бежавшего из Веймара Гёте — 37 лет, тот же самый возраст, в котором Мандельштам «убежал» в Армению. В Армении он подружился с биологом и почитателем Гёте Б.С.Кузиным, вместе с которым они читают «Вильгельма Мейстера». В «Путешествии в Армению» Мандельштам пишет: «Есть у Гёте в «Вильгельме Мейстере» человечек по имени Ярно: насмешник и естествоиспытатель». Насмешником и естествоиспытателем виделся Мандельштаму его новый друг. Мы помним, что, читая целые лекции о «теории эмбрионального поля», Ярно становится учителем Вильгельма Мейстера, так вот и Кузин стал учителем Мандельштама в естествознании. Как и Мейстер, Мандельштам узнает, что растения «в одинаковой степени сродни и камню и молнии» («Путешествие в Армению», 2:154).

Мандельштамовские тропы часто навеяны чтением Гёте. Профессор Ронен приводит пример из «Римских элегий» (Ронен, 77): строки Гёте «Saget, Steine, mir an! o Sprecht, ihr hohen Paläste! Strassen redet ein Wort!» (1:157) сравнимы с мандельштамовскими:

Язык булыжника мне голубя понятней,
Здесь камни — голуби, дома как голубятни
И светлым ручейком течет рассказ подков
По звучным мостовым прабабки городов. (1:109)

В науке Гёте нашел синтез двух миров — минерального и растительного; этот же синтез мы видим в таких мандельштамовских тропах как «орущих камней государство» (1:153), «лысый цоколь государственного звонкого камня» (1:154), «мужицкие бычачьи церкви» (1:151); более того этот синтез мы можем видеть в самой фамилии — Mandel, Stein (миндаль, камень).[9]

Анти-ньютоновская «Теория цветов» Гёте основана на полярности желтого и синего. Предсказывая работы современных физиологов, Гёте впервые говорит об активной роли глаза в создании цвета.[10] Глаз воспринимает в единстве противоположные цвета (желтый и синий) и затем их дополнительные цвета, которые глаз сохраняет после исчезновения самого предмета. Стремление глаза к единству доказывает сам цвет, как это демонстрирует Гёте, указывая на то, что разные комбинации желтого и синего приобретают красный оттенок. Гёте уделяет особое внимание субъективным, даже мистическим, ассоциациям, вызванным цветами в психологии зрителя. Вопреки Ньютону, он считал, что свет это отсутствие тьмы, но, стало быть, путь к божественному от мрака зла. Каждый цвет, по Гёте, воплощает моральные качества.

Спор о гётевой «Теории цветов» вызвал много шума в России в 1910-х гг. В 1914 г. Эмилий Метнер выпустил книгу «Размышления о Гёте. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма», направленную против преувеличенной мистической интерпретации Гёте антропософами. Три года спустя Андрей Белый выступает с защитой и Гёте и Штейнера в книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности». Многие русские модернисты, Волошин например, освоили теорию цветов Гёте через книгу Белого.[11] Этот спор не мог пройти мимо Мандельштама незамеченным, и, возможно, обратил его внимание на «Теорию цветов» Гёте.

В «Путешествии в Армению» Мандельштам подчеркивает, следуя Гёте, активную роль глаза в определении и совмещении цветов. Во время написания «Путешествия» Мандельштам «разыскал оборванную книжку Синьяка в защиту импрессионизма». Книга содержит положительную оценку английского художника Тёрнера, которого

Синьяк считал прото-импрессионистом. Синьяк уделяет особое внимание двум огромным картинам Тёрнера — «Тень и тьма. Накануне потопа» и «Свет и цвет (Теория Гёте). Утро после потопа.» Тёрнер читал книгу Гёте в английском переводе 1840-то года и сделал массу замечаний на полях, уделяя особое внимание переходу желтого и синего в красный цвет.[12] Далее Синьяк говорит о впечатлении, произведенном Тёрнером на Монэ и Писсарро, о которых пишет Мандельштам в своем «Путешествии...» (2:160). Основным в теории Синьяка Мандельштам считал законы «оптической смеси» и «употребления одних чистых красок спектра». В подтверждение теории Синьяка Мандельштам приводит следующий пример:

Саламандра ничего не подозревает о черном и желтом крапе на ее спине. Ей невдомек, что эти пятна располагаются двумя цепочками или же сливаются в одну сплошную дорожку, в зависимости от влажности песка, от жизнерадостной или траурной оклейки террария. Но мыслящая саламандра — человек — угадывает погоду завтрашнего дня, —лишь бы самому определить свою расцветку (2:146).

Здесь и «оптическая смесь» и субъективная ассоциация цветов с эмоциями указывают не только на влияние Синьяка, но также и на источник самого Синьяка — Гётеву теорию цветов.

В Армянском цикле Мандельштам утверждает, что Армения окрашена «охрою хриплой» (*охра* по-гречески означает «желтый»). Охра — единственный цвет в первом стихотворении цикла, который составляет одну из доминант вплоть до последних стихов цикла, где желтая глина противопоставлена *лазурным* озерам и небу. Таким образом Мандельштам развивает идею двойственности цветов (желтого и синего), соответствующей полярностям Гётевского спектра.

Уже в первых стихах мы находим *синее* воды и *охру* горы (в рисунке на чайной чашке). Затем следуют: *желтое* глины, земли, гончарни и *синее* неба, озера, птиц, раскрашенных саней. Все эти цвета образуют в глазах так называемый «дополнительный цвет» — красное. По Гёте это мистический цвет единства и божественности, в котором наличествуют все цвета. Если утверждение Мандельштама (в третьем стихотворении цикла) о том, что он видит только красное, соотнести с началом последнего стихотворения («Лазурь да глина, глина да лазурь»), можно заключить, что единство, характерное для «Армении», есть результат соединения воды с землей, т. е. равновесия синего с желтым. Шестью карандашами лев раскрашивает Армению цветами природы: синим неба, охрой земли, красным роз, пурпуром гранита. Три цвета, названные в первой половине цикла, либо содержат красное (от железа), либо производят красный *дополнительный цвет* (охру), либо являются оттенком красного (сурик, розовое). «Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра» (1:152). На самомто деле, при этой кажущейся бедности, поэт переживает полноту

слияния с естественным миром, неразрывной частью которого он себя ощущает.

Радиосценарий «Юность Гёте» Мандельштам сочиняет в 1935 г. в Воронеже. Для Мандельштама это было попыткой осмысления своей юности, осмысления той роли, которую Гёте играл в формировании его мировоззрения. Мандельштам соотносит свою жизнь с событиями жизни Гёте.[13]

В радиосценарии Мандельштам говорит, что дружба Гёте «с женщинами при всей глубине и страстности чувства была твердыми мостами, по которым он переходил из одного периода жизни в другой» (3:75). Мандельштам перечисляет эти любви — Фридерика Брион, Шарлотта Буфф и Лили Шенеман. Мы знаем, что у Мандельштама тоже было три больших любви — Марина Цветаева, Ольга Ваксель и Надежда Мандельштам.[14] Вспомним строку из стихотворения «За Паганини длиннопалым»: «три чорта было...» (1:210).

Ольгу Ваксель Надежда Мандельштам считала единственной угрозой ее браку с Мандельштамом. После романа с Мандельштамом Ваксель вышла замуж за норвежца и уехала с ним в Осло.[15] Работа над «Юностью Гёте» оживила в нем память о покойной. Надежда Манцельштам вспоминает, что работая над передачей, они ознакомились с портретами Гётевских героинь. Все три женщины принадлежали одному типу. Открытие поразило обоих — это был тип Ольги Ваксель.[16]

Мандельштам считает, что Гёте создал «Вертера» из «творческой бессонницы, разбуженности отчаяния сидящего ночью в слезах» (3:76). В таком настроении в Воронеже Мандельштам написал стихотворения, посвященные Ольге Ваксель, которая, как и главный герой «Вертера», застрелилась, о чем Мандельштам случайно узнает в 1933 г. Мандельштам называл Ольгу Ваксель Миньоной.

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона —

В стихах «Римских ночей полновесные слитки» Мандельштам пользуется образностью Гётевских «Римских элегий», написанных под впечатлением страсти к Кристиане Вулпиус, у которой от Гёте был незаконнорожденный сын.

Юношу Гёте манившее лоно, —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона (1:221).

Подводя итоги обзору Гётевской темы в творчестве Мандельштама, можно заключить, что творчество немецкого романтика предлагало Мандельштаму пример цельности не только в понимании науки

и искусства, но и в частной жизни. В то время, когда история нашего столетия угрожала разорвать органическую связь науки с искусством, стремление Гёте к всеобщему единству принесло Мандельштаму надежду на целостность поэзии и оправдание одинокого пути поэта.

[1] Высказывание Гёте появилось в «Афоризмах и размышлениях» в кн.: *Johann Wolfgang von Goethe*. Werke. Hamburger Ausgabe im 14 Bänden. München: S.H.Веск, 1981, Band 12, s.474. В дальнейшем ссылки на Гёте производятся в тексте по этому изданию. «Ein edler Philosoph sprach von der Baukunst als einer *erstarrten musik* und musste dagegen manches Kopfschütteln gewahr werden. Wir glauben diesen schönen Gedanken nicht besser nochmals einzuführen, als wenn wir die Architektur eine *verstummte Tonkunst* nennen.» Гётевский «благородный философ» — Фридрих Шеллинг, который читал лекции о философии искусства в Иене в 1799-1805 гг., опубликованные посмертно в 1859.

[2] *Сергей Городецкий.* «Музыка и архитектура в поэзии», Речь (17 июня, 1913 г.) в кн.: *Осип Мандельштам.* Камень. Ленинград: Наука, 1990, с. 215. Сергей Городецкий в рецензии на первое издание «Камня» относит их к Шлегелю: «Давно сказано, кажется Шлегелем, что музыка есть жидкая архитектура, а архитектура — окаменевшая музыка.»

[3] Между прочим, здесь можно найти неточную цитату из «Фауста» [Вторая часть. д. 2, последн. сц.] — «Сокращусь, исчезну, как Протей».

[4] *Ronald D. Gray.* Goethe the Alchemist. Cambridge University Press, I952, p. 144.

[5] *Omry Ronen.* An Approach to Mandel'stam. Biblioteca Slavica Hierosolymitana. Jerusalem: Magnes Press, 1983, p. 62.

[6] Первая строка «Звезда с зведой — могучий стык» (1:107) перекликается с началом второй части «Фауста» : «Schliesst sich heilig Stern an Stern» (3:147).

[7] «Нашедший подкову» занимает особое место в творчестве Мандельштама в связи с отсутствием в нем рифмы и определенного метра. Таким свободным стихом романтики, в том числе и Гёте, переводили сложную строфику Пиндара или его подражателей. В одах Гёте нет определенного количества строк в строфах, нет и рифмы и определенного метра. Классические поэты, и Гёте и Мандельштам, испытывали к концу своей поэтической карьеры своеобразный «взрыв формы», ради которого нужно было искать иностранные модели.

[8] Под этим заглавием Гёте написал и прозу и стихотворение; тема обоих восходит к статье «Беспокоющие размышления о природе» («Итальянское путешествие»).

[9] *Nancy Pollak.* The Obscure Way to Mandel'stam's Armenia. Doctoral Dissertation. Yale University, 1983, pp. 269-273.

[10] *Erich Heller*. «Goethe and the Idea of Scientific Truth» in: The Disinherited Mind. Essays if Modern German Literature and Thought. New York: Harcourt Brace, Jovanovich, 1975, p. 24.

[11] См. Максимилиана Волошина, «О самом себе» в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. Москва: Советский писатель, 1990, сс. 43, 631.

[12] См. главы «Тёрнер и Гёте», сс. 173-188, и «Эпилог. Наследие Тёрнера», сс. 189-195, в кн. *John Gage*. Color in Turner. Poetry and Truth. New York: Frederick A. Praeger, 1969.

[13] *Надежда Мандельштам*. Книга третья, с. 172.

[14] *Jennifer Baines*. Mandelstam: The Later Poetry. Cambridge University Press, 1976, p. 137.

[15] *Серафима Полянина*. «Ольга Ваксель» в сб.: Часть речи. Альманах литературы и искусства. 1. Нью Йорк: Серебряный век, 1980, сс. 254-262.

[16] *Надежда Мандельштам*. Книга третья, с. 215.

Наталья АБРАМЯН (Ереван)

АРМЕНИЯ ГЛАЗАМИ ПОЭТА

Кавказ (с традиционно включенным в это имя Закавказьем) сыграл особую роль в судьбах русских литераторов и самой русской литературы. Путешествия на Кавказ, ставшие событием не только личного, биографического, но и литературного, культурного значения, начались с Пушкина и Лермонтова, были продолжены через столетие Андреем Белым и Мандельштамом и уже, можно сказать, не прерывались.

Для первого поколения российских литераторов Кавказ был представлен Грузией. Красота и живописность этого края, мягкость и, как заметил позже Мандельштам, «любовность» национального характера очаровывали с первого взгляда — так и сложился, снова употребляя его выражение, «грузинский миф» русской литературы. Это именно миф — внутри-литературное представление, ценность которого зависит не от его истинности, в котором географические или этнологические понятия теряют свою терминологическую определенность, делаясь неразличенными, условно-экзотическими.

Армению, как страну с литературой, в первую очередь — поэзией мирового значения, открыли Валерий Брюсов и его сотрудники по

составлению «Антологии армянской поэзии». Предпринятая после геноцида армян Османской империи акция русских поэтов имела и культурное, и гражданское значение. «Антология» как бы говорила: кого же вы уничтожаете, ведь это народ с такой поэзией, такой литературой...

Это открытие по природе своей совершенно противоположно пушкинско-лермонтовской традиции — оно происходит не в самой открываемой стране, а возле книжной полки, опирается на отчужденные от народной жизни факты культуры. Конечно, первый подход более укоренен в истории культуры; «лучшие из античных писателей были географами. Кто не дерзал путешествовать — тот не смел и писать» (О. Мандельштам. Записные книжки). Но такое кабинетное открытие страны подготавливает возможности иные — оно подключает национальную культуру к способам проникновения в эту страну.

Иначе говоря, оно делает возможным третий вид путешествия в чужую страну — встречу со страной во всей конкретности ее эмпирически-чувственного бытия, но встречу, опосредованную интересом к опыту ее истории, к ее культуре.

Именно такое открытие Армении суждено было совершить Мандельштаму.

***

Сам Мандельштам заметил и назвал любопытным факт, что обетованной землей русской литературы была не Армения, а Грузия.

Статья на эту тему написана им в 1922 г. — после посещения Грузии, но за восемь лет до путешествия в Армению, до того, как Армения стала для него и искомой исторической землей[1], и обетованной землей творчества, и темой, и вдохновением, и «страной субботней» — страной-отдыхом, передышкой в борьбе с личным и историческим роком.

Не уютные плодородные долины Грузии, а суровые, безлесые горы и безводные плоскогорья Армении, не богатство и благополучие,а нищета, горе и боль, не мягкость и жизнерадостность национального типа, а замкнутость и аскетизм — чтобы увидеть это и полюбить, и при том не как отрицание, отсутствие красоты, а как особую красоту, нужна была особая готовность, особый взор, и не только эстетический, особая индивидуальность.

Токой индивидуальностью и был Осип Эмильевич Мандельштам.

Ответ на его вопрос «Почему Грузия, а не Армения?» я нахожу в его же рассуждении о типах культуры. Определяя грузинскую культуру, он пишет: «я бы причислил ее к типу культур орнаментальных».

Армянская же культура, добавлю от себя, не орнаментальна. Конечно, здесь имеется в виду не отсутствие в армянской культуре

орнаментов, и не это, видимо, послужило способом разграничения культур для Мандельштама. Вопрос достаточно сложный, для своих целей ограничусь таким соображением — армянскую культуру невозможно постичь через внешний ее узор, через лежащие на поверхности ее приметы.

И даже женщины — эта традиционная не только для путеводителей эмблема красоты своего края — армянские женщины в восприятии поэта красивы не в общепринятом смысле; как сказано у Мандельштама, они «не волнуют крови», они «как детский рисунок, просты», и красота их — «львиная».

Такова красота Армении — ничего не говорящая чувственности, вся обращенная к чувству.

Обычно считается, что любовь — радость и любованье, но разве нет любви иной — вскормленной горечью и состраданием?

В мандельштамовском цикле, посвященном Армении, есть удивительное стихотворение. В нем ни одной армянской реалии — ни истории, ни пейзажа, ни храмов. Что же в нем армянского, если не суть, не внутренний облик этой ранящей любви?

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста ее погрузи, —
Добудем розу без ножниц.

***

С чего же начинает Мандельштам свое знакомство с Арменией, какой путь к ней пролагает?

Поэзия Мандельштама, иной раз даже перенасыщенная цитатами и отсылками к фактам культурной и исторической реальности, аллюзиями и реминисценциями, говорит о нем как о человеке книжной, письменной традиции. Но «книжная» культура характеризуется не только тем, что книжная реальность для нее самая ценная, а потому и — самая реальная, не только опорой на текст и созданием текста нового. «Книга» и «текст» — это ее излюбленные модели, с помощью которых она осваивает мир.

Собираясь в Армению, Мандельштам загодя, еще в Москве, начинает изучать армянский язык — и практически, и теоретически (напомним, что речь идет о периоде, когда для приезжающего в Армению из России не могло быть языкового барьера). Чужая страна для него — прежде всего чужая культура; понимая, что она специфична, тем самым — закрыта, он и начинает с ключа к ней — с языка. Иначе говоря, Мандельштам постигает культуру как речь, как текст, как книгу.

Но в истории культуры имеется много разных образов книги. Мандельштамовская книга-Армения, во-первых, глиняная — там, где книга, там обязательно и глина,отсюда и эпитет к этой системе образов — «гончарный» («библиотека авторов гончарных»). Книга из глины, конечно, очень древняя — «по которой учились первые люди».

Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над книгой дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.

Еще лучше мы поймем, сколь дорог ему этот образ, если вспомним, как он говорил о самом себе:

И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.

Вникая, читая, мучась «книгой звонких глин», Мандельштам и построил свой образ Армении, «книжной земли»: он понял, может быть, главное — трагическое противоречие между расположением Армении — восточно-зависимым и типом ее культуры — европейски ориентированной. В этом узле проблем возникает, драматизируя их, и особая роль культуры, выставленной, как щит, для самозащиты, для самосохранения. Ведь если хочешь понять национальную культуру, то важны не только ее характеристики, но и ее роль в жизни этноса.

Хочу напомнить, что стихи Мандельштама об Армении формально разбиты на две части — двенадцать из них образуют замкнутый цикл «Армения» и есть еще стихи, не включенные автором в этот цикл и публикуемые отдельно. Об этом, может быть, и не стоило упоминать, но из этого факта проистекает одна, весьма содержательная, интерпретация.

Задавшись впервые вопросом «Почему стихи на армянскую тему разделены на две части?» Георгий Кубатьян приходит к выводу, что у Мандельштама два образа Армении: внутри цикла — духовная ипостась Армении, вне цикла — другой, сугубо земной ее облик.[2]

Для меня такое толкование неприемлемо уже потому, что речь идет о поэзии Мандельштама, поэта на редкость органичного, на мой взгляд: отрыв, разрыв, разделение мира на возвышенное и земное нейсвойственны ему, никогда не искал он гармонии за пределами гармонического мира. Таков у него и образ Армении — целостный.

Для подкрепления своей позиции позволю себе два контраргумента.

Если действительно у поэта сложилось два различных образа Армении, то к какому из них отнести армянский пейзаж, написанный столь мастерской, чуть не по-сарьяновски обобщенной кистью?

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин...

А язык? Армянский язык, которым он так увлекался, который он описал в своих стихах (чужие наречия — вообще одна из характерных тем Мандельштама) — средство бытового общения и вместилище народной души, старший брат истории и вечно живой язык — куда отнести его?

Как писала о поэте Марина Цветаева,

Поэт издалека заводит речь.
Поэта далеко заводит речь.

Армянский язык завел Мандельштам издалека, еще с Москвы. Он и завел Мандельштама в армянскую культуру, через своеобразие которой он увидел и Армению в целом.

Ведь именно культура — medius terminus*, между историей и повседневностью, между былым и будущим народа. Несмотря на всю свою значительность, культура не замкнута на себя — она жива своим народом. Это хорошо понимал Мандельштам. Удивительное определение армянина дает он в своей прозе — не антропологическое, не этнографическое, не психологическое даже: «В результате неправильной психологической установки я привык смотреть на каждого армянина как на филолога... Впрочем, отчасти это и так. Вот люди, которые гремят ключами языка даже тогда, когда не отпирают никаких сокровищ».

Как могло возникнуть странное отождествление нации с профессией? Вероятно, только из-за того, что характеристиками культуры (а армянский язык виделся Мандельштаму, увлеченному изучателю древнеармянского языка по Марру, как величайшее сокровище) он, естественно для себя, наделил и ее носителей.

***

Пушкин и Лермонтов видели в Армении, Грузии, Кавказе прежде всего «свое» — свое государство (они и были «государственниками», несмотря на трудные отношения с властью, двором, царем), и в этом «своем» тонуло все, что в нем было особен-

---

* средний термин *(лат.)*

ного, уникального. Подход же Мандельштама не только негосударственный, насквозь личностный, но и под стать его личности.

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья,
И ни крупицей души я ему не обязан,
Как я ни мучил себя по чужому подобью.

Так не могли сказать ни Пушкин, ни Лермонтов: «с миром державным» связь их была отнюдь не ребяческой...

И, наконец, главное: Мандельштам шел к Армении, заранее настроясь на наличие в ней «чужого», понимая, что она включит в себя много «чужого». А ведь «чуждость» чужой культуры — это тайна парадоксальная и откроется она тому, станет *своей* для того, кто искренне, не лукавя, допускает ее «чуждость» — ее право быть ни на кого не похожей, особой.

Для философски углубленного, рефлексирующего сознания Мандельштама такое понимание культуры не могло быть безотчетной случайностью: была у него, несомненно, и концепция культуры, было и свое, разработанное понимание реальности. Об этом говорит хотя бы такой фрагмент его письма: «Материальный мир — действительность — не есть нечто данное, но рождается вместе с нами. Для того, чтобы данность стала действительностью, ее нужно в буквальном смысле воскресить. Это-то и есть наука, это-то и есть искусство»[3].

Владея этой наукой, этим искусством, Мандельштам и воскрешает действительную Армению средствами её культуры.

Да, эта Армения остается образом — феноменом идеального мира, но стала ли она от этого менее реальной, менее значимой, менее значительной?

[1] Н.Я.Мандельштам в воспоминаниях пишет: «Путешествие в Армению не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского историософского сознания... Традиция культуры для Мандельштама не прерывалась никогда: европейский мир и европейская мысль родились в Средиземноморье — там началась та история, в которой он жил, и та поэзия, которой он существовал...»

[2] см. Г.И. Кубатьян. «Стихотворение и цикл (Две ипостаси Армении в поэзии О. Мандельштама)» — «Вестник Ереванского университета. Общественные науки», 1991, №1.

3 Мандельштам О.Э. Письмо Мариетте Шагинян. — «Вопросы истории естествознания и техники», 1987, №3, с.131.

Лариса БЕЛАЯ

ВОКРУГ «ПРУССКОГО ВЫХОДЦА». ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ?

Александр Сергеевич Пушкин, называя своего предка — прусского выходца, выехавшего на Русь при Александре Невском, дает обычно два варианта его имени: Радша или Рача.

Что могло быть причиной такой двойственности? Уже сам древний первоисточник. Невоспроизводимость имени адекватно на старославянском и перевода с него. Формирующиеся, меняющиеся, диалектные грамматические особенности летописных рукописей средневековой Руси. Они же, эти особенности, дают основания и для третьей версии имени: Раши. Произношение славянских и романских «ш», «ж» было различным. Все шипящие в старославянских памятниках представляли собой довольно пеструю картину. Что касается написания после шипящих «а» вместо «и» — оно вполне вероятно. Могло отразить процесс отвердения шипящих, а также иметь другую причину — диссимиляцию, происшедшую в сочетании мягкого согласного с гласным переднего ряда «и». Написание имен собственных, свидетельствуют летописные памятники, также могло отражать диссимиляционные процессы, и могли имена записываться так, как славянам удобнее для произношения.

Итак, есть вероятность, что называемое Пушкиным имя своего предка было трансформировано из Раши. Знал ли Пушкин это имя? Принадлежность такого знаменитому раввину, величайшему средневековому комментатору Библии и Талмуда? Скорее всего, да: «...я слишком с библией знаком».

А если да, как мог бы отнестись к такому возможному родству? Все-таки, принадлежность к еврейству считалась неудобной... нежелательной в России пушкинской поры, меченой длившиейся — и до нее два века — насильственной ассимиляцией евреев.

Как бы мог относится — об этом позже.

А что касается Раши — он умер в 1105 году. Пушкинский же предок Радша-Рача-Раши(?) явился на Русь не ранне 1230-1240 годов. То есть если верна третья версия имени, то Раши-то — не тот. Но, возможно, потомок того. Он был многодетным отцом — восьми дочерей, по одним сведениям, а другие источники говорят, что имелись и сыновья. Трое внуков продолжили его дело, достигнув выдающихся успехов. Имя одного из них, Якова Тама — рабейну Тама, знаменитого галахиста, теософа, ученого, величайшего из авторитетов французского и германского еврейства в средневековье, встречаем в анналах истории российского еврейства. «К первой половине 12-го века, — сообщает Ю. Гессен, — относится наиболее раннее известие о евреях в Киеве, почерпнутое из еврейского источника — речь идет о жившем в ту эпоху талмудисте «Моисее из Киева», который по-видимому был учеником знаменитого тосафиста раби Тама из Франции». (Ю. Гессен. История еврейского народа в России. 1916).

Приезжал ли сам рабби Там на Русь? Такое нельзя исключить. В русских источниках есть свидетельства путешествий раввинов в начале XII в. с запада на восток, в том числе на Русь.

Но «прусский выходец» явился на Русь одним-двумя поколениями позже, чем — возможно — был на ней Там и, точно, жил его ученик — талмудист «Моисей из Киева». Но если «выходец» мог приходиться Раши потомком, правнуком, то мог тяготеть к жившему позже Тама и Моисея, однако близкому им кругу. Мог прибиться к своим — беженцем. Ведь то было время Крестовых походов. В первой половине 1240-х в Берлине (прусская территория) была уничтожена вся еврейская община. В Париже, в 1240-м, состоялась знаменитое сожжение Талмуда. Но в предыдущую пору именно в Германии — в Вормсе, где Раши учился, и в Труа (Франция), где он родился, а, возвратившись после учебы, создал свою школу, собиравшую еврейских ученых со свего света, расцвела его прижизненная слава. В Труа обреталось не более ста еврейских семей, жили они в христианских домах, поддерживали активные отношения с христианами.

Так было заведено у евреев Труа, у Раши. Он, еще со школьных дней, сохранил большую любовь к христианским песнопениям, обучал местных священников еврейским мелодиям, переводил на иврит французские колыбельные.

Жизнь Европы XI века уже не укладывалась в талмудические предписания.Требовался общедоступный Талмуд, понятный без толкователей. Эту потребность удовлетворил Раши — его толкования трудных мест Талмуда стали величайшим вкладом в историю еврейства.

* * *

Он мог быть прусским изгнанником — «прусский выходец», пушкинский предок и гадательный потомок знаменитого раввина. Имя же могло означать лишь прозвище, и так запечатлеться в древней хронике рядом с характеристикой его летописцем, как «мужа честна», который воевал за Русь, «...мышцей бранной святому Невскому служил» (А. Пушкин. Моя родословная).

Но если дело идет как раз об имени — не произвище, то ...тезка по аббревиатуре? Ведь предполагая причастность именно к «тому Раши», к знаменитому раввину, следует помнить: его имя — аббревиатура раби Шломо Ицхаки. Впрочем, почему бы и нет? Известен, так сказать, полупрецендент: выдающимся представителем северо-французской экзегетической школы был Рашбам, тоже внук Раши, брат рабби Тама.

И если впрямь принадлежал «выходец» к потомству знаменитого Раши, то уж за это одно мог быть встречен на Руси охотно не только в узких дружественно-родственных кругах, а и в близких непо-

средственно Александру Невскому, правителю умному, опытному, образованному.

Как знать, может мы почерпнули бы подробностей побольше о «прусском выходце» из автобиографических записок Пушкина, представляющих собой «по-видимому большое... важнейшее, не дошедшее до нас произведение» (И. Фейнберг. Сожженные записки Пушкина).

Причиной его уничтожения было обилие материалов, связанных с декабристами. «В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки.» (А. Пушкин).

Имелись ли в утраченной автобиографии какие-либо дополнительные сведения, относящиеся непосредственно к «прусскому выходцу»? К еврейству? Ведь пушкинская «всемирная отзывчивость» не исключала, конечно, и еврейства, вокруг которого тоже созревали реформаторские планы декабристов. В 1821 году — том самом, когда Пушкин «начал свою биографию», он пишет шутливое стихотворение «Христос воскрес».

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня, следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

А вот близкая по времени — от 21 апреля 1821 года — дневниковая запись, чей на сей раз нешутливый тон и смысл тоже касается евреев, веротерпимости: «Третьего дня хоронили мы здешнего митрополита: — во всей церемонии более всего понравились мне жиды — они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах — со всем тем ни одной улыбки, ни одного нескромного движения! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их».

Уж не примеривался ли поэт, может, неосознанно, к «вере Моисея»? Соответственному «благочестию»? Страху иудейску?

Вообще, все пушкинское о евреях — в прозе и стихах — дышит в конечном счете, если не откровенным глубоким сочувствием (тут назову «В еврейской хижине лампада»), то осознанием, подчеркиванием еврейской приниженности, презренности, рабской зависимости, отзывающейся болью — своей. Личности. Художника. Но, может, заключено в понятии «своя боль» — и сверх того?

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит.
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая,
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный;
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, замкнув святую книгу,
Застежки медные сомкнул;
Старуха ставит бедный ужин...

Печать горести, недостаточности — на всем: людях, предметах. Стихотворение не оконченное, не печатавшееся при жизни автора. Нужно признать, хижина увидена, показана, видимо, в пору трагедии: мать плачет над пустой колыбелью. Все-таки перед нами, очевидно, семья, привычная к лишениям и горю. И та же пустая колыбель — не навеяна ль она обстоятельствами, что станут — именно начиная с года написания стихотворения, 1826-го, ужасом еврейских семей, тем, о чем так сочувственно напишет позже в «Былом и думах» Герцен: отправлением еврейских сыновей, нередко совсем еще малых, в солдаты?

... Зато какой определенной, высокой гордостью — личной — дышит написанная спустя четыре года «Моя родословная». Гордостью своим предком со странным для русского слуха именем, однако давшим начало роду, чьи имена пестрят в истории России рядом с царскими.

«От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие... В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г.Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин, во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым сделал честно свое дело. По избрании Романовых на царство четверо Пушкиных подписались под избирательною грамотою... При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич был замешен в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и

Соковниным. Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера... Единственный его сын, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость... Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением».

Да, конечно, он мог быть «совсем не тем» — тот самый «выходец», явившийся на Русь в зловещую для евреев Европы эпоху. В ней свершилось восемь крестовых походов, расцвело и стало клониться к закату Возрождение, а в христианстве стали набирать силу реформистские движения. Европейский феодализм стал распадаться. Зарождались первые европейские национальные государства — они, одно за другим, изгоняли из своих пределов евреев, которые скучивались в перенаселенных еврейских кварталах восточно- европейских городков.

Менялись времена...

Бежал ли Радша-Рача-Раши или нет? Ну да, он, конечно, мог не иметь никакого отношения к колену выдающегося средневекового раввина? Но воином был, — это точно. Однако, разве из этого следует, что можно лишь неукоснительно примиряться с определенностью, и не домысливать ничего сверх скудной достоверности? Был воином. Но, может, в невоенное время — и купцом. Если учесть, что Александр Невский с немецкими выходцами и воевал, и договаривался о мире и торговле. Вообще иностранных купцов, и среди них евреев, было множество при Невском на Руси. Особенно в Киеве и Новгороде.

Предок Пушкина мог быть (а мог и не быть) потомком «того самого» Раши. Но кем бы он ни был, летопись донесла до нас его звание «мужа честна, то есть знатного, благородного». Видимо, на новой родине он это звание сохранил и укрепил. Трудился, учил и воспитывал своих детей, а те — своих — основательно, достойно, если впоследствие один из его потомков — гений сможет называть имена, идущие от основателя своего рода как известные всему отечеству.

И КАМЕНЬ, И ХЛЕБ

Тадевос Тер-Месропян родился в 1945 г. в г. Ереване. В 1974 г. окончил факультет промышленного искусства Ереванского Государственного художественно-театрального института. После окончания института участвует в республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках, а в 1986, 1988 и 1990 гг. принимает участие в творческих группах Дома творчества «Сенеж». С 1988 г. член Союза художников Армении. С 1994 г. член Международного Художественного фонда. В 1990 и 1993 гг. — персональные выставки в Ереване. Работы художника экспонировались в Армении, России, Польши, Германии, Венгрии, Афганистане, Эфиопии, Греции.

Москва открыла для себя Тадевоса Тер-Месропяна в марте 1995 года на выставке в Центральном Доме Художника, посвященной 80-летию геноцида армян. Выставку составили работы Тадевоса и его брата Армена, известного фотожурналиста. Фотографии помогли по-новому увидеть графику, акварели, живопись, понять то, ради чего человек и становится художником.

Главное для Т. Тер-Месропяна — неприятие зла и насилия, будь то сокрушительный удар стихии, как в Спитаке, или ужас резни, или страдание блокадной Армении. Неприятие зла и сочувствие жизни во всех проявлениях: ребенок, дерево, родник, двор, родные камни.

Я высечен резцом
Из красного гранита,
Но я горю огнем,
Вся жизнь моя разбита.

Мой камень, мой гранит —
Не верная защита.
Душа моя горит —
Она не из гранита.

Душа художника расколота, она стенает, кричит от гнева, окликает вас журавлиным кликом и замирает в молчании скорби, молчании раздумья, молчании изумления красотой жизни. Он словно видит незримую дорогу добра, которая пролегла через Армению, через сердца армян и всех людей.

«Если меня молоть, как пшеницу, то из меня получится родина», — сказал однажды Паруйр Севак. Родина-камень. Родина-хлеб. А дом — это хлеб и камень. Один лишь камень — изгнание, боль, ожесточение. Один лишь хлеб... Но об этом сказано давно: «Не хлебом единым жив человек.»

Дом — самое главное для Тадевоса. Родители. Жена. Дети. Брат. Родные. Родная речь. Наверное, поэтому работы Т.Тер-Месропяна так понятны людям разных стран. Он участвовал в благотворительных выставках в Канаде, Норвегии, Швейцарии. Несколько работ передал в дар «Фонду помощи пострадавшим от землетрясения жителям Армении». Мечтает подарить одну из своих работ, посвященных геноциду, в «Яд ва-Шем» — музей Катастрофы европейского еврейства. «Яд ва-Шем» в переводе с библейского иврита означает «память и имя».

Художник — не воин, он песню поет.
Он — луна, над морем бегущая.

Он — наша память, он нас зовет
В прошлое и в грядущее.

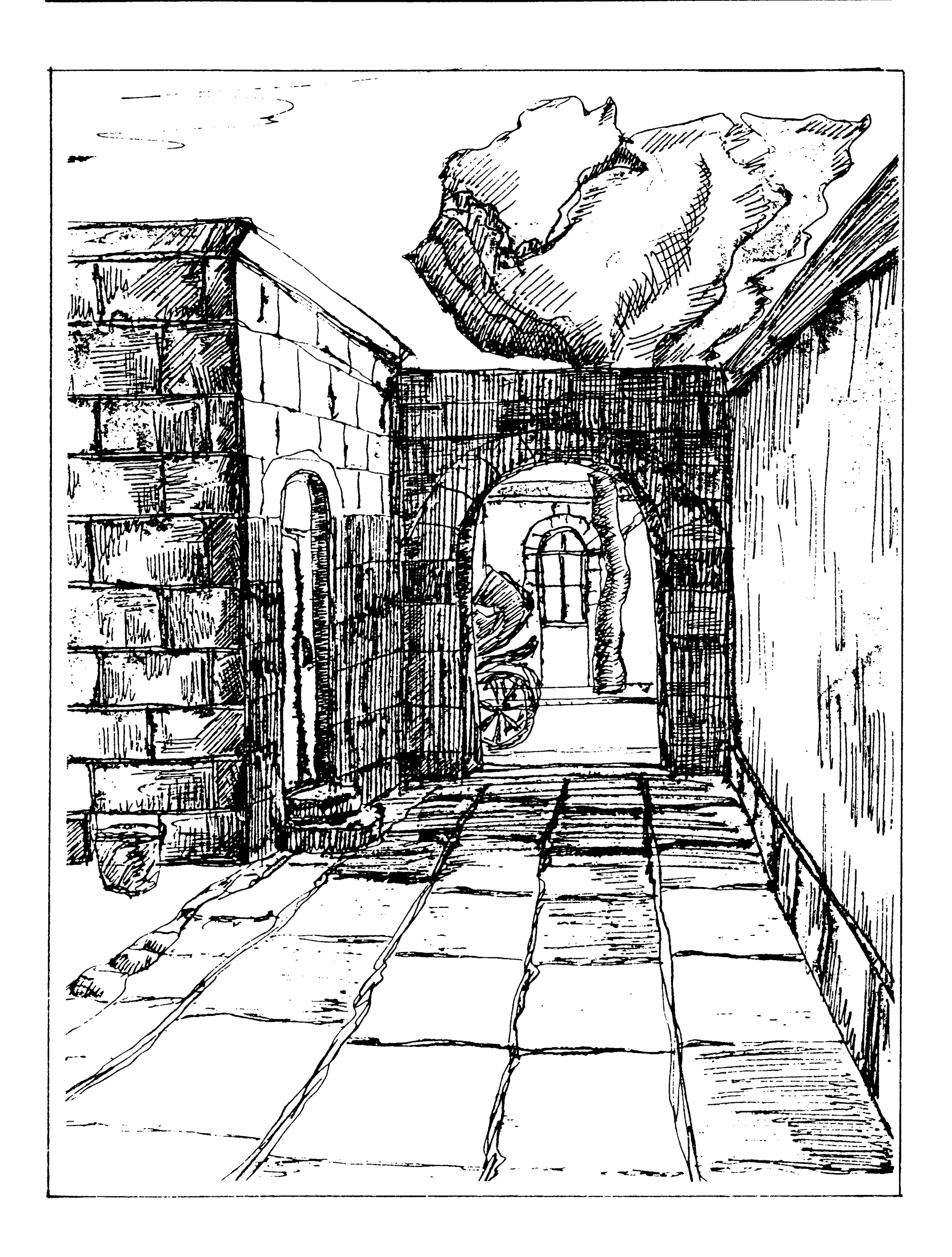
Эти стихи московская девочка Марина Рождественская посвятила Тадевосу Тер-Месропяну.

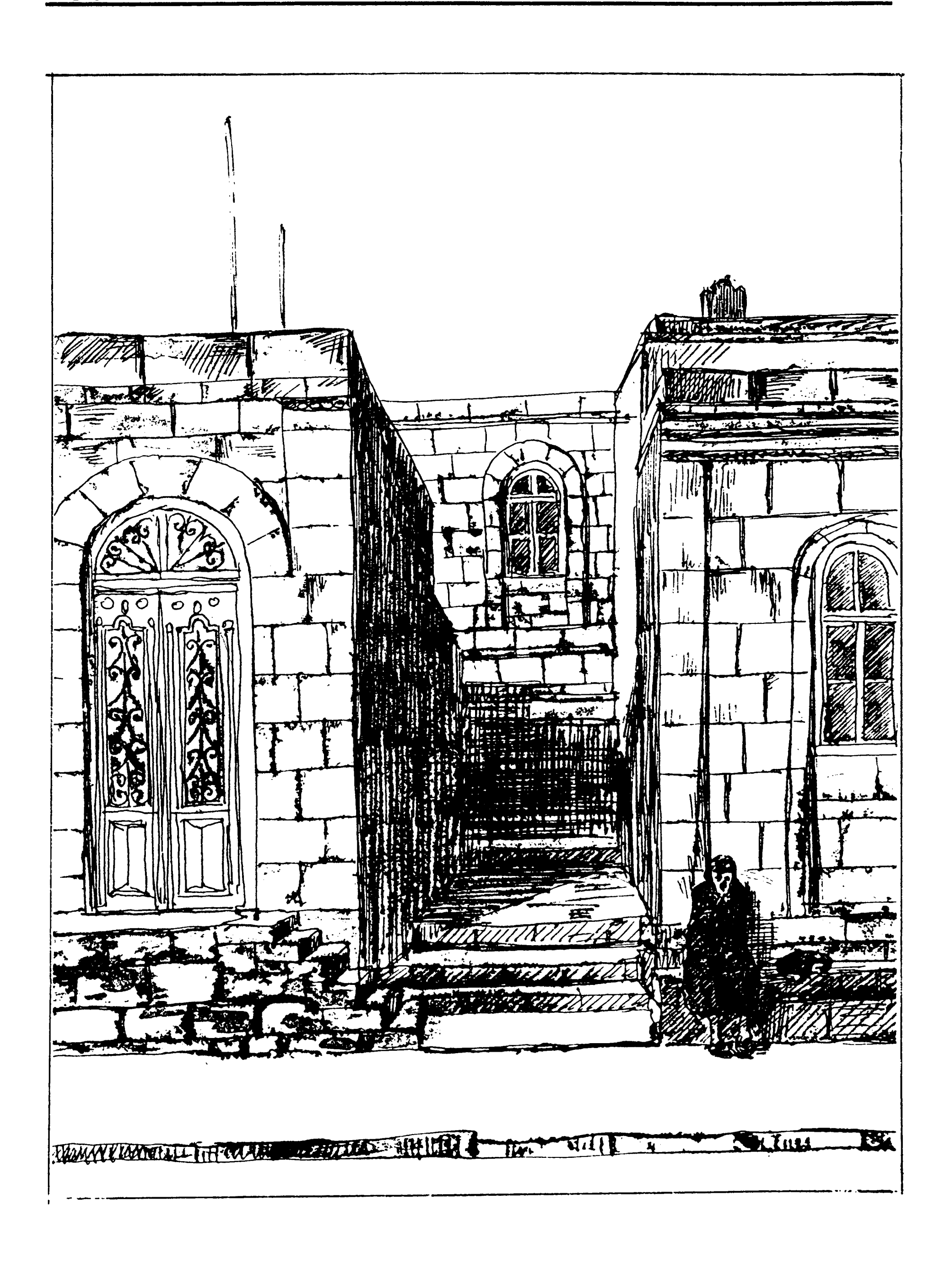
Карине УНАНЯН

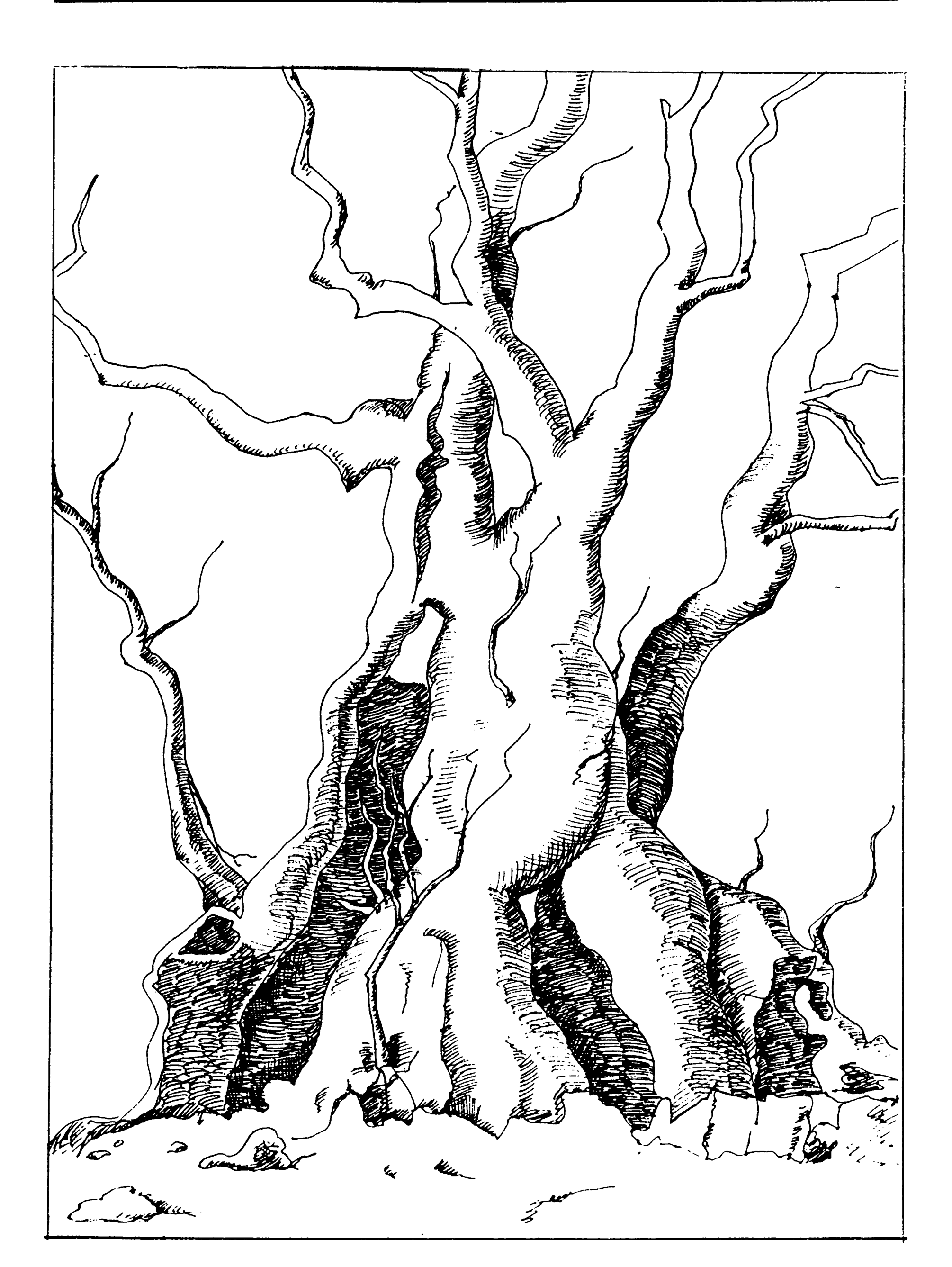
Работы Тадевоса ТЕР-МЕСРОПЯНА:

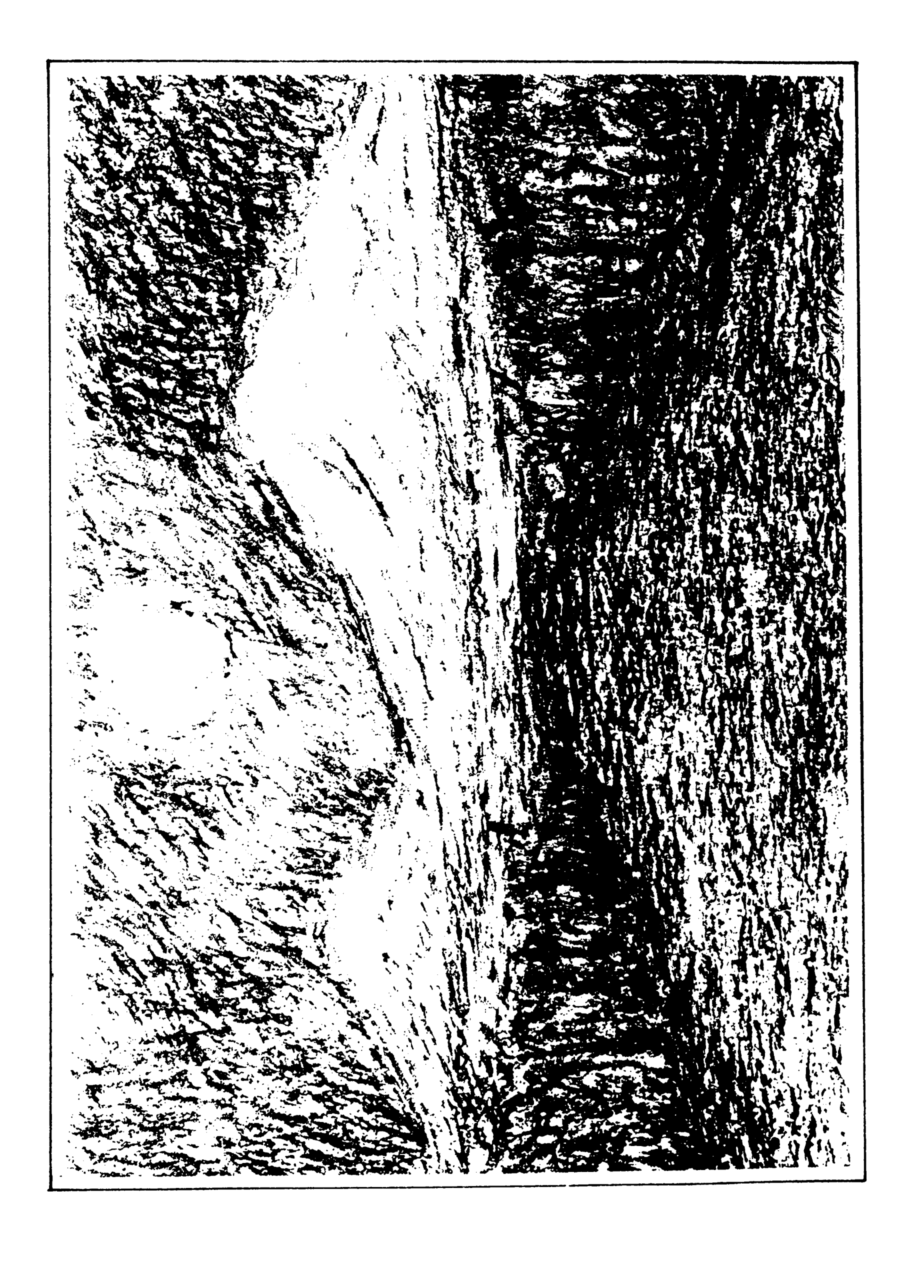
1. Месроп Маштоц
2. Дворик дедушки
3. Одиночество
4. Патриарх (двухтысячелетний платан Арцхака)
5. Беженцы
6. Депортация

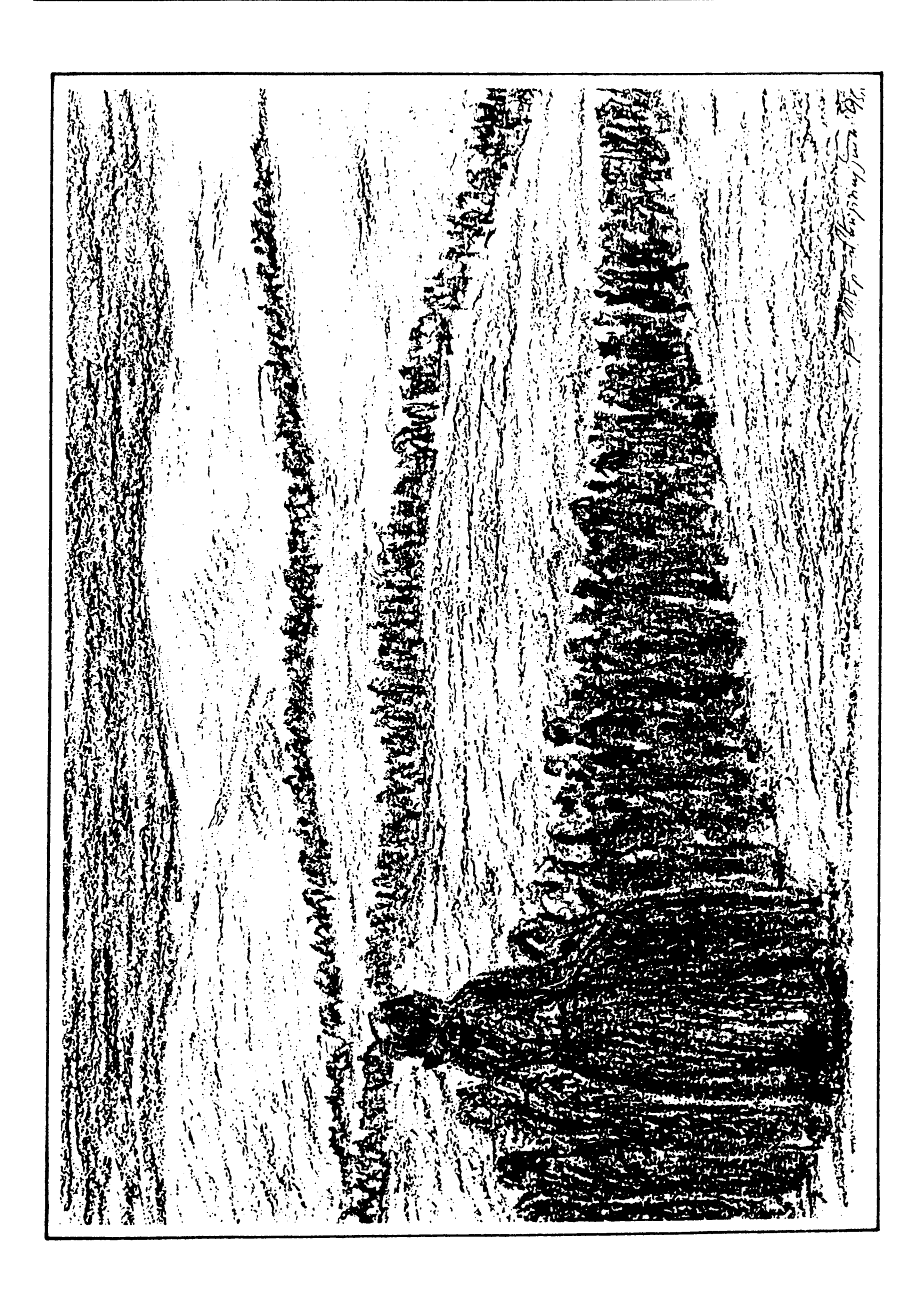

Ս ՄԱՇՏՈՑ

Николай НИКОГОСЯН

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Много лет назад я услышал, что Михаил Ботвинник бросил вызов великому Александру Алехину, четвертому чемпиону мира. Матч не состоялся, Алехин умер, а имя Ботвинника накрепко осталось в моей памяти. Но прошло немало времени, прежде чем я увидел его, и довольно близко — 13 марта 1962 в Московском театре эстрады, где началась дуэль М. Ботвинника и претендента на шахматную корону Тиграна Петросяна.

Сидел я во втором ряду, внимательно следя за каждым ходом. Чуть поодаль сидела жена Петросяна — Рона, не отводившая взгляд от сцены. Гаяне, жены Ботвинника, в зале не было, она болела.

Напряжение первой партии было так велико, что я не выдержал и спустился в вестибюль, где в тот день собрались, кажется, все евреи и армяне Москвы, они как пчелы жужжали возле двух громадных демонстрационных досок. Некоторые сидели за квадратными столиками,попивая кофе или пиво. Какие-то армяне ухитрились пронести вино и наливали всем желающим опрокинуть стаканчик за победу Петросяна. Неожиданно из толпы болельщиков отделился курчавый молодой человек и бесцеремонно спросил:

— Ты за кого?

— По правде сказать, хочу, чтобы игра закончились вничью.

— Так не бывает, чемпионом может стать кто-то один. Вот я и спрашиваю, за кого ты — за Ботвинника или Петросяна?

Сам он, несомненно, болел за Ботвинника.

— Ну, раз тебе это так важно, — вздохнул я, — то за Петросяна. У евреев сколько чемпионов - Стейниц, Ласкер, Ботвинник, а у армян ни одного. Но я болею и за Ботвинника, потому что у него жена армянка.

— А у Петросяна еврейка...

— Ты меня не дослушал. Гаяне очень больна и сильно переживает. Хочу, чтобы этот матч никому не принес горя — ни шахматистам, ни их близким. Только радость.

Я вернулся в зал. Сосед шепотом объяснил мне, какие изменения произошли в позиции. То, что партия складывалась не в пользу Петросяна, видно было по глазам Роны — в них блестели слезы.

Прошло много лет. В один прекрасный день года три назад в дверь моей мастерской позвонили. Я открыл дверь и увидел... Ботвинника. Михаил Моисеевич предстал в отличном костюме, ослепительно белой сорочке и черном галстуке, еще больше подчеркивавшем бледность лица.

— Борис Долматовский сказал, вы хотите создать галерею портретов гроссмейстеров, вот я и согласился позировать вам, хотя очень не люблю это занятие.

Борис Долматовский — известнейший шахматный фотожурналист. Это, конечно, он уговорил Ботвинника придти ко мне.

— Согласен, Михаил Моисеевич, позировать — занятие утомительное. Но против искусства, надеюсь, вы ничего не имеете? А то Лев Давыдович Ландау, находясь здесь, стал мне говорить, что он совершенно не выносит симфоний.

— Нет, я гораздо терпимее. Вот шел по двору и рассматривал ваши работы. Восхищен ими. Борис сказал мне, что Петросяна вы тоже лепили. Да, сильный был шахматист.

— Мне позировали многие шахматисты: Макс Эйве, Мигель Найдорф, Василий Смыслов, Вольфганг Унцикер. Мечтал встретиться с Михаилом Талем. Мне, кажется, он — Паганини в шахматах, непредсказуемый игрок, в нем все неповторимо.

— Таль — крупнейший шахматист, хотя иногда его угнетало чувство неуверенности в себе. Он был очень болен, но не обращал на это внимания, до последнего вздоха оставаясь верным шахматам. У каждого только одна судьба. У Таля — такая.

Еще не начав класть глину на станок, я «поймал» тот взгляд Ботвинника, чувственный изгиб рта и выражение лица, запомнившиеся мне при первой встрече с ним. Этот хмурый молчун оставлял впечатление великой личности, но даже при всех своих достоинствах он казался совершенно лишенным того, что привлекает людей. Он казался одиноким и обиженным миром.

Я начал работу. Ботвинник ходил по мастерской, часто поправляя очки.

— Вы смотрите на меня с такой благодарностью и восторгом, словно я восточная красавица, а не пожилой усталый человек. Что вы нашли во мне интересного?

О, интересного в Ботвиннике было очень много, и мне о многом хотелось распросить его. Но он был немногословен, иногда просто отмалчивался, будто не слыша вопроса — например, когда я спросил его о Гарри Каспарове.

После сеанса мы поднялись по лестнице в гостиную, где был приготовлен чай.

— Михаил Моисеевич, вы знаете, что с годами человек теряет восторженность, способность удивляться и радоваться новому, взамен обретая равновесие и мудрость. Я говорю о художниках. А шахматисты?

— За долгие годы игра просто изнашивает человека. Как ботинки. И никуда от этого не денешься, хотя далеко не все способны это понять.

Раньше я работал очень быстро. Пока модель сидит, упорно смотрю на нее, словно впитывая, пожирая глазами. Потом лихорадочно леплю. Иногда портрет готов за двадцать минут, ну за час, а тут второй сеанс, и каждый ком глины безумно трудно дается, особенно глаза. То «надену» на Ботвинника очки, то яростно мну их. Не то! Все не то!

— Николай Багратович, я вижу, вы нервничаете. Успокойтесь, и все получится. Сосредоточьтесь! Вот увидите, все получится. В ближайшие недели меня не будет в Москве — поеду на дачу, очень устал. Но обязательно еще приду к вам.

Михаил Моисеевич сдержал обещание, хотя выглядел очень больным. Но еще от одного сеанса решительно отказался.

— В нашем мире на все нужно время, друг мой, много времени. Но где же его взять?

Возможно, мне не хватило каких-то двадцати минут, чтобы закончить портрет, завершить свою «партию» с великим шахматистом. Может, всего двух минут!

Признаюсь: я разбил работу. От обиды на самого себя, что не смог ее закончить. Поступил как варвар. А теперь жалею. Почему? Наверное потому, что сам старею и еще не привык проигрывать.

«БОТВИННИК». Рис. Николая Никогосяна

1989г.

Вардван ВАРЖАПЕТЯН

СМЕРДЯКОВ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

История первой книги Александра Тинякова в стихах, рецензиях и письмах.

Есть литература первого и второго сорта. Шкловский правильно говорил, что они питают друг друга и взаимодействуют.

Но есть литература третьего сорта, она никого не питает и ни с чем не взаимодействует. У нее есть читатель тоже третьего сорта, вместе с которым она исчезает бесследно.

Давид САМОЙЛОВ. *Общий дневник*

Но кто сказал, что для искусства третьего сорта не нужен талант? Третий сорт искусства имеет свои законы бытия, свою биологическую жизненность! Не шутите с третьим сортом!

Владимир МИЛАШЕВСКИЙ. *Вчера, позавчера...*

Третий сорт нисколько не хуже первого.

Объявление.

Нашим читателя уже знакомо имя поэта А. Тинякова (1886-1934) по публикации «ИСПОВЕДЬ АНТИСЕМИТА. История одной статьи» («НОЙ», №8), вызвавшей неожиданно-сильный интерес к этой мало почтенной личности.

Александр Тиняков явил собою в самой законченной форме тот тип российского интеллигента, замороченного идеей великорусского шовинизма, который оказался поразительно живуч, мерзок и опасен. Вместе с тем А. Тиняков — один из самых своеобразных представителей «серебрянного века» русской поэзии, который с полным основанием можно назвать и «золотым веком» руского антисемитизма. Он знал всех, его все знали, дарили ему на память книги, писали стихи в альбом.

«Обедал у нас Ал. Ив. Тиняков — он один стоит пятидесяти Левберг и Тумповских, которых зовет к себе З. Н. Гиппиус».

Александр БЛОК

«Тиняков — паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. (...) Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов)».

Владимир ХОДАСЕВИЧ

«Был у меня Тиняков. Принес свою книжку и попросил купить за рубль. — Что вы теперь пишете? — спрашиваю его. — Ничего не пишу. Побираюсь.»

Корней ЧУКОВСКИЙ

«Этот поэт Т. действительно стал нищим. Он избрал себе путь, который он заслуживал. (...)

Образ этого поэта, образ нищего остался в моей памяти как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в своей жизни».

Михаил ЗОЩЕНКО

Вот такая фигура!

В этом номере вестника читатели узнают историю первой книги Тинякова — «Navis nigra» («Черный корабль»). Рассказчики: сам автор, поэты, критики, газетчики.

В.В.

Анкета для «Словаря современников»

1. **Фамилия, имя и отчество.** *Тиняков Александр Иванович.*

2. **Псевдоним.** *Наиболее известные «Одинокий» и «Герасим Чудаков».*

3. **Социальное положение и профессия**. *Литератор.*

4. **Специальность.** —

5. **Дата и место рождения**. *13-е ноября (ст. ст.) 1886, с. Богородицкое, Орловск. губ., Мценского уезда.*

6. **Сведения о родителях:**

О (имя и отчество) *Иван Максимович*

М (имя, отчество и девичья фамилия) *Мария Лукинична, урожд. Позднеева.*

7. **Сведения о предках по отцу и матери**. *Предки по отцу: государств. крестьяне Орловск. губ.; по матери — купцы г. Орла.*

8. **Семейное положение (с указанием имен родителей жены или мужа).** *Женат с 11-го окт. 1928 г. на Марии Николаевне, урожд. Левиной.*

9. **Сведения о детях: С (имена, год рождения)** —

Д (имена, год рождения) —

10. Образовательный ценз (школа, вуз, втуз и т.п.). *Орловская классическая гимназия.*

11. Партийность. *Беспартийный ныне и присно и во веки веков.*

12. Принадлежность к союзу или организации. *Член Всеросс. Союза Писателей.*

13. Служба и др. биографические данные. *Не служил и не служу. С 1926 г., в виду отсутствия литературной работы, занимаюсь нищенством.*

14. Научные труды, сочинения, композиции, сооружения, картины, роли и т.д.: *Три книги стихов (1912, 1922 и 1925 г.). Книга о Тютчеве (изд. «Парфенон», 1922 г.), «Русская литература и революция» (1923 г.) и несколько брошюр под псевдонимом «Герасим Чудаков» , изданных в Казани.*

15. Любительские занятия. *Указаны в ответе на вопрос 13-й.*

16. Место жительства. *Ленинград, улица Жуковского, д. 3, кв. 7.*

Дата *7-го ноября 1928.*

Александр Тиняков

ГПБ ф.103 № 141

На белом одутловатом лице Александра Ивановича как-то сами по себе бегали пронизительные, бесцветные глазки — бровей под ними не было. Какой-нибудь красный или оранжевый бант криво поддерживал расползающийся на его шее несвежий воротничок. В январе его можно было встретить в пиджаке, в мае он вдруг надевал шубу. Многие останавливались и глядели ему вслед, когда он грузно переваливался по Невскому, толкая прохожих, не обращая ни на что внимания, бормоча стихи или читая на ходу одну из бесчисленных книг, которыми были всегда набиты его карманы. Книги были самые разные. Гёте и Нат Пинкертон, таблица логарифмов, Кант или самоучитель игры в винт. Александр Иванович в трезвом виде был хмур, застенчив и молчалив. Но он довольно редко бывал трезв.

Александр Иванович знал множество языков (не знал ни одного — *В.В.*), изучал каббалу, пытался с помощью высшей математики измерить бесконечное пространство и писать стихи. Теперь никто не помнит ни этих стихов, ни псевдонима, которым он их подписывал, но в свое время их печатали в лучших журналах и критика лестно о них отзывалась. Кстати, московское издательство «Гриф» издало его книгу стихов одновременно с книгой другого начинающего поэта... Блока.

Георгий ИВАНОВ. *Александр Иванович.*

С. СОКОЛОВ (КРЕЧЕТОВ) — А. ТИНЯКОВУ, *7 декабря 1913*

Милый Александр Иванович!
Дела по книге таковы.
Издержки по изданию

бумага 3 стопы	— 31 р. 32 к.
типография	— 132 р. 55 к.
отправка экз. для отзыва	— 3 р.
	166 р. 87 к.
внесено автором	140 р.
уплачено мною	— 26 р. 87 к.

продано
магаз. «Образование» (скидка 40% 50 экз. с правом обмена) — 20 р. 50 к.
получ. от «Комиссионера» за 23 экз. при числе 100, данных на ком., 10 р. 35 к.
выслано 2 экз. на Кавказ 90 к.
33 р.75 к.

Итого, за покрытием уплаченных мною 26 руб. 87 коп. причитается автору 6 р. 88 коп.

ГПБ ф. 774 №39

СТИХИ ИЗ КНИГИ «NAVIS NIGRA»

ИДИЛЛИЯ

О, сколько кротости и прелести
В вечерних красках и тенях,
И в затаенном робком шелесте,
И в затуманенных очах.

Мы словно в повести Тургенева:
Стыдливо льнет плечо к плечу,
И свежей веткою сиреневой
Твое лицо я щекочу...

Июнь, 1907

АКОНИТ

Твой пышный венчик фиолетов,
Твой корень ядом напоен
И — по преданиям поэтов —
Ты пастью Цербера рожден.

Туманит запах твой лукавый,
Твоя окраска взор влечет,
Но вкус твой гибельный отравой
Язык и губы едко жет.

Ты, как любовь, в уме рождаешь
Созвездья пышных, пылких грёз,
Но после болью поражаешь
И одыблением волос!

Январь, 1910

ПЛЕВОЧЕК

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.

Пусть с печалью или гневом
Человеком был я плюнут,
Небо ясно, ветры свежи,
Ветры радость в меня вдунут.

В голубом речном просторе
С волей жажду я обняться,
А пока мне любо — быстро
По канавке грязной мчаться.

Март, 1907.

КОСТЬ

Я — обглоданная кость.
Мною брезгают собаки.

Но во мне таится злость,
Как паук во мраке.

Мне лежать здесь не всегда:
Станут возле двое драться,
Постараюсь я тогда
Под руку попасться.

Обезумеет рука,
Череп чей-то вкусно хряснет:
Пропадет моя тоска,
Злость моя погаснет.

Попаду затем я в суд
Для свидетельства о драке,
А потом меня начнут
Вновь глодать собаки.

Декабрь, 1908.

В. БРЮСОВ — А. ТИНЯКОВУ, 24 мая 1910

(...) Среди стихотворений, собранных Вами на «Черном корабле», есть несколько очень удачных. Два основных Ваши недостатка: пристрастие к хитрым рифмам и пристрастие к слишком страшным темам. От того и от другого освободиться можно. Два основных достоинства Ваших стихов: ясность, четкость образов и мелодичность стиха. Эти свои впечатления перескажу Вам подробнее при встрече.

ГПБ ф. 774 №5

В 1904 г., в альманахе «Гриф» появилось несколько довольно слабых стихотворений за подписью «Одинокий», а вскоре приехал в Москву и сам автор. Модернистские редакции и салоны стал посещать молодой человек довольно странного вида. Носил он черную люстриновую блузу, доходившую до колен и подвязанную узеньким ремешком. Черные волосы падали ему до плеч и вились крупными локонами. Очень большие черные глаза, обведенные темными кругами, смотрели тяжело. Черты бледного лица правильны, тонки, почти красивы. У дам молодой человек имел несомненный успех, которого впрочем не искал. Кто-то уже называл его «нестеровским мальчиком», кто-то «флорентийским юношей». Однако, если всмотреться попристальней,

можно было заметить, что тонкость его уже не так тонка, что лицо, пожалуй, у него грубовато, голос деревенский, а выговор семинарский, что ноги в стоптанных сапогах он ставит носками внутрь. Словом, сквозь романтическую наружность сквозило что-то плебейское. О себе он рассказывал, что зовут его Александр Иванович Тиняков, что он — сын богача-помещика, непробудного пьяницы и к тому же скряги. Он где-то учился, но недоучился, потому что отец его выгнал из дому — чуть ли не за роман с мачехой.

Он был неизменно серьезен и неизменно почтителен. Сам не шутил никогда, на чужие шутки лишь принужденно улыбался, как-то странно приподнимая верхнюю губу. Ко всем поэтам, от самых прославленных до самых ничтожных, относился с одинаковым благоговением; все, что писалось в стихах, ценил на вес золота. Чувствовалось, что собственные стихи не легко ему даются. Все, что писал он, выходило вполне посредственно. Написав стихотворение, он его переписывал в большую тетрадь, а затем по очереди читал всем, кому попало, с одинаковым вниманием выслушивая осуждения знатоков и совершенных профанов. Все суждения тут же записывал на полях — и стихи подвергались многократным переделкам, от которых становились не лучше, а порой даже хуже.

Со всем тем, за смиренною внешностью он таил самолюбие довольно воспаленное. На мой взгляд, оно-то его и погубило. С ним случилось то, что случилось с очень многими товарищами моей стихотворной юности. Он стал подготовлять первую книжку своих стихов и чем больше по виду смиренничал, тем жгуче в нем разгоралась надежда, что с выходом книги судьба его разом, по волшебству изменится: из рядовых начинающих стихотворцев попадет он в число прославленных. Подобно Брюсову (которому вообще сильно подражал), своей книге он решил дать латинское имя: «Навис нигер» и благодарил меня очень истово, когда я ему разъяснил, что следует сказать «Навис нигра». К предстоящему выходу книги — готовился он чуть ли не с постом и молитвою. Чуть ли не каждая его фраза начиналась словами: «Когда выйдет книга». Постепенно, однако же, грядущее событие в его сознании стало превращаться из личного в какое-то очень важное вообще. Казалось, новая эра должна начаться не только в жизни Александра Тинякова (на обложке решено было поставить полное имя, а не псевдоним, должно было затем, чтобы грядущая слава не ошиблась адресом). Казалось, все переменится в ходе поэзии, литературы, самой вселенной.

И книга вышла. Ее встретили так, как должны были встретить: умеренными похвалами, умеренными укорами. Но это и было самое убийственное для Тинякова. Он ждал либо славы, либо гонений, которые в те еще героические времена модернизма расценивались наравне со славой: ведь гонениями и насмешками общество встречало всех

наших учителей. Но спокойного доброжелательства, дружеских ободрений, советов работать Одинокий не вынес. В душе он ожесточился.

Еще и раньше он порой пропадал из Москвы, где-то скитался, пил. Было в нем что-то от «подпольного» человека, растравляющего себя явным унижением и затаенной гордыней. Недаром посвятил он цикл стихов памяти Федора Павловича Карамазова, и не только для эпатирования публики (хотя был расчет и на эпатирование) писал:

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться...

После «катастрофы» со сборником (хотя вся катастрофа в том-то и заключалась, что никакой катастрофы не было) — Тиняков проклял литературную Москву и перебрался в Петербург. (...)

Владислав ХОДАСЕВИЧ. *Белый коридор. Воспоминания. Нью-Йорк. 1982.*

МОЛОДОЙ ТАЛАНТ

Александр ТИНЯКОВ (Одинокий). Navis Nigra. Книга стихов. 1905-1912. К-во «Гриф», Москва, 1912 г.

Молодые люди присылают мне, время от времени, сборники своих стихов. Большею частью с авторскими надписями. В надписях — то чрезмерное вознесение меня, — «Единственному гению», «Солнцу русской поэзии», — и у меня смиренно опускаются руки, и я не знаю, что бы мне такое сделать, дабы оправдать эту степень преклонения; то они лапидарно кратки, — «Милому Бальмонту», или просто «Бальмонту», — и я не знаю, что это такое, — детский вздох с лаской проникновения, или же любезная сердцу Sans-Gene*, с которой восходящее светило обращается к нисходящему.

Я не упускаю также случая перелистать книгу молодого поэта, если встречу ее в доме того или иного моего знакомого.

И печально мне делается от книг молодых поэтов. Какие они, в большинстве случаев, неинтересные, неоригинальные, тупонадменные, словоохотливые, малоталантливые. Из поэтов, со стихами которых мне пришлось сколько-нибудь ознакомиться, выгодно выделяются Эренбург и Марина Цветаева. Они очень родственны друг другу. У обоих есть поэтическая нежность, меткость стиха, интимность

---

* бесцеремонно (*фр.*)

настроения. Но их голос малого рзмера, и, когда они, не сознавая этого, пытаются быть сильными, они почти всегда впадают в кричащую резкость. Произведения же тех новейших стихотворцев, которые, логически доводя до краткого совершенства знаменитое однострочие своего учителя (стихотворение В. Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги» — В.В.), поэтически изъясняются в одной букве, и сочиняют стихотворение из одного весьма выразительного «Ю», суть не более как умышленная изломанность людей, которые, не имея таланта, уповают на возможность достижения через простое применение метода: «Наоборот».

Книга Александра Тинякова, — или вернее, небольшая книжка, в ней всего 90 небольших страниц, — в ряду книг молодых поэтов радостно удивило меня. Это настоящий талант. Сильный стих и в то же время нежный, своеобразие настроений, уменье овладеть самой трудной темой, которой может задаться лирический поэт.

Беру наудачу несколько строф, которые я считаю безукоризненно-красивыми:

Мы словно в повести Тургенева:
Стыдливо льнет плечо к плечу,
И свежей веткою сиреневой
Твое лицо я щекочу...

(«Идиллия»)

В одном выборе таких тем, как: «Любовь-нищенка», «Ревность Лешего», «Вьюжные бабочки», «Свет целования» чувствуется изящный вкус и интимное прикосновение к поэтическим замыслам. Иногда можно оспаривать привлекательность поэтических тем. Таков весь отдел «Цветочки с пустыря». Я разумею стихи: «Плевочек», «Молитва гада», или «Кость». Их нельзя читать без отвращения — и, однако, они написаны очень хорошо.

Власть лирического поэта — власть монархическая. Ограничивать поэта в его правах выбирать ту или иную тему — так же нелепо, как посягать на живопись,изображающую грязь, лохмотья, язвы и безобразия. Все дело в том только, чтобы, задаваясь рискованной темой, внести в разработку ее всю священную полноту отношения, безусловное рукоположение художнической искренности.

Я говорил лишь о достоинствах книги. Обхожу молчанием естественный недостаток любого первого сборника стихотворений: преувеличение отдельных настроений, совершенно слабые страницы наряду с сильными, частичная подражательность.

Напишет ли Тиняков вторую книгу стихов, я не знаю, но первая его книга безусловно заинтересовывает. Чувствуется, что созерцательная душа, одаренная тонкой впечатлительностью, была захвачена

сполна различными остриями, и поэтому поэт по-своему промыслив до конца пережитые чувства, дал им верное выражение, влекущее, как голос, в котором слышится настоящая взволнованность, или уверенность человека, видевшего что-то воочию.

К. БАЛЬМОНТ

«УТРО РОССИИ», 24 августа 1913

С. СОКОЛОВ (КРЕЧЕТОВ) — А. РЕМИЗОВУ, 24 сентября 1912

Дорогой Алексей Михайлович!

Примите благосклонно сего молодого поэта. Это — Александр Иванович Тиняков (Одинокий), переправляющийся на жительство в Петербург. Знакомых у него из писателей там нет, кроме тех будущих, к коим я дам ему рекомендательные письма. Откройте ему ход в литературный мир, где его место вполне по праву. Буду очень за сие благодарен.

Ваш Сергей Кречетов

ГПБ ф.634 №203

А. РЕМИЗОВ — А. ТИНЯКОВУ, 27 сентября 1912

Многоуважаемый Александр Иванович!

На днях напишу Вам, когда увидеться нам. Сейчас не могу никак, в доме неспокойно: Серафима Павловна, жена моя, захворала.

Пишу о вас Блоку Александру Александровичу (Офицерская, 57, кв. 21), а Вы ему напишите, спросите его, чтобы назначил он Вам день и час. Блок в Академию* Вас введет и в цех поэтов**, ежели пожелаете. (...)

ГПБ ф.774 №33

---

* Академия — Общество ревнителей художественного слова, утвержденное при редакции журнала «Аполлон». Блок входил в состав этого Общества.

** «Цех поэтов» — объединение поэтов-акмеистов, существовало в 1911-1914 и 1921-1923 гг.

А. РЕМИЗОВ — А. БЛОКУ, 27 сентября 1912

Дорогой Александр Александрович!

Вам напишет, просить будет о свидании Одинокий (Александр Иванович Тиняков), примите его, назначьте ему день и час, в Академию его запишите, в цех поэтов укажите дорогу (к Городецкому).

А. Ремизов

АЛЕКСАНДР БЛОК. Новые материлы и исследования. Литературное наследство. Т. 92, кн.2. Москва, 1981.

А. ТИНЯКОВ — В. БРЮСОВУ, 28 сентября 1912

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

обращаюсь к Вам с большой просьбой по поводу моей книги («Navis Nigra») — я буду очень рад и благодарен Вам, если Вы напишите мне о впечатлении, которое эта книга произведет на Вас. Особенно мне было бы важно узнать Ваше мнение по поводу моей поэмы «Разлука». Сегодня я был у Ф.К. Сологуба. Он обратил внимание на эту поэму, прочел ее всю, сделал много метких указаний на мои промахи, но в общем остался скорее доволен этим пооизведением... Мне очень хотелось бы познакомиться с Н.С. Гумилевым, но, к сожалению, Федор Кузьмич не знает его адреса. Если бы я не боялся затруднить Вас, я очень просил бы Вас прислать мне адрес Н.С Гумилева, если Вы знаете, где он живет (...)

ГПБ ф.386 №104, ед. хр. 48

А. ТИНЯКОВ — А. БЛОКУ, 29 сентября 1912

Многоуважаемый Александр Александрович,

(...) вчера А.М. Ремизов известил меня о том, что он пишет Вам обо мне. Позвольте и лично мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Очень прошу Вас назначить день и час, в котором я мог бы посетить Вас и предложить Вашему вниманию книгу моих стихов, на днях вышедшую в свет в издании «Грифа».

С совершенным уважением к Вам

Александр Тиняков.

(***приписка рукою А. Блока***: *«прошу придти 2-го в 3 ч.»*)

ЦГАЛИ ф. 55 оп.1 № 428

А. ТИНЯКОВ — Н. ГУМИЛЕВУ, 1 октября 1912

Глубокоуважаемый Николай Степанович,

позвольте мне предложить Вашему вниманию первую книгу моих стихов и сказать несколько слов о том, с какими мыслями и чувствами я предлагаю ее Вам.

Уже давно, — познакомившись с Вашими отдельными стихотворениями в журналах, — я начал думать о Вас, дающем огромные обещания.

Теперь же, — после «Чужого Неба», — непоколебимо исповедую, — что в области поэзии Вы — самый крупный и серьезный поэт из всех Русских поэтов, рожденных в 80-х г.г., что для нашего поколения Вы — то же, что В. Брюсов для поколения предыдущего. Нечего и говорить, что, читая Ваши произведения, я могу только горячо радоваться за свое поколение, а к Вам, как к нашему «патенту на благородство», относиться с величайшим уважением и благодарностью.

Я буду очень счастлив, если Вы напишите мне что-нибудь о моей книге. Особенно ценны будут для меня Ваши указания на мои промахи. Я очень многим обязан беспощадной критике В.Я. Брюсова, а его осторожное одобрение значило для меня больше, чем шумные похвалы других.

Я очень желал бы встретиться с Вами и был бы горячо благодарен Вам, если бы Вы соблаговолили дать мне Ваши произведения с Вашим автографом.

ИРЛИ Р.1, оп.5 № 503

(...) Хорошие стихи талантливого Александра Тинякова (Одинокого), известного читателям по «Весам», «Перевалу», «Аполлону», очень проигрывают в книге. Прежде казалось, что они на периферии творчества поэта, что они только вариации каких-то других, нечитанных, полно заключающих его мечту, теперь мы видим, что этой мечты нет, и что блеск их — не алмазный блеск, а стеклянный.

Главное в них, это темы, но не те, неизбежные, которые вырастают из глубин духа, а случайные, найденные на стороне. Поэтому и сами стихотворения ощущаешь, как всегдашних детей вчерашнего дня. Александр Тиняков — ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что Брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков — один из раздавленных.

Н. ГУМИЛЕВ

«АПОЛЛОН», 1912, №10 — Цит. по книге Н. ГУМИЛЕВ. Письма о русской поэзии. Петроград. 1923.

А. БЛОК — А. ТИНЯКОВУ, 1 октября 1912

Многоуважаемый Александр Иванович.
Прошу Вас, зайдите ко мне во Вторник 2-го октября в 3 часа дня.
С совершенным уважением
Александр Блок

ГПБ ф. 774 №3

А. ТИНЯКОВ — Б. САДОВСКОМУ, 20 октября 1912

(...) Я за это время был у А.М.Ремизова и у Н.С.Гумилева в Царском Селе. Там я познакомился с супругой Гумилева — Анной Ахматовой, с Игорем Северянином и с Георгием Ивановым. Ахматова — красавица, античная гречанка. И при этом очень неглупа, хорошо воспитана и приветлива. Комнаты их дома украшены трофеями абиссинских охот Гумилева: черная пантера, леопард, павиан...

Мое стих. «Скопец» принято в журнале «Гиперборей», а на сегодняшний вечер я получил приглашение в «Цех поэтов». (...)

ЦГАЛИ ф. 464 оп.2 ед.хр. 212

Эта книга вышла с большим опозданием. Яд ее уже давно сделался безвредным, недействительным. Смаковать подполье вряд ли кому-нибудь интересно теперь, когда вся поэзия так дружно устремилась к стройности в форме и к величию в содержании. Очень неприятно читать «Цветочки с пустыря», проникнутые психологией «плевка-плевочка», плывущего в «канавке», или «обглоданной кости», которой «брезгают собаки», пáдали, или «старого сюртука». А, главное, не нужно. Ужасно дико звучит в наши дни стих:

Все к Пустырю мы близки.

Как бы ни была пустынна современность, она все-таки не пустырь с плевочком. Думается даже, что поэт напрасно потревожил «тень Ф.П. Карамазова», которому посвящен отдел «Цветочки с пустыря», потому что и карамазовщину-то, после стольких исследований, никак нельзя приравнять к простому пакостничеству.

Все эти стишки тем более огорчительны, что сочинитель их отменно талантлив в своем деле. Выученник Валерия Брюсова, он еще всецело находится во власти учителя и не выработал ни своей ритмики, ни своей эйдолологии (системы образов, присущей каждой выра-

зившейся поэтической индивидуальности). Но тем не менее, ни одно его стихотворение нельзя назвать бездарным. Не желая погружать читателя в мир, где любовь — нищенка, где герои — morituri*, мы не приводим цитат. Но ручательством за талантливость служит, между прочим, и то, что поэт дебютировал в лучших декадентских журналах, в «Весах» и «Золотом Руне». Пережитком той эпохи и является его творчество. Весь вопрос в том, найдет ли поэт в себе силы скинуть с себя дурную паутину (давно уже истлевшую), или он отравлен более, чем сам травивший его яд. Нам очень хотелось бы позвать этот талант, обладающий чертами заборного реализма, не чуждый музыки, к творчеству иному, утверждающему жизнь, а не «сукровицу».

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ
«РЕЧЬ», 5 ноября 1912

Подчиненность г. Тинякова г. Брюсову является главным недостатком всей книги. Ее безсловное достоинство — подлинный лиризм автора. Можно сочувственно или враждебно относиться к идеям г. Тинякова, но нельзя не признать, что он никогда не опускается до холодного выдумывания стихов, до писания ради писания, до стихотворного жонглерства, получившего столь широкое распространение в последние годы. Переживания г. Тинякова подлинны, — и это заставляет читателя примириться с их немного наивным демонизмом.

Стих г. Тинякова довольно жесток, отрывист, немузыкален, но в нем чувствуется серьезная работа, которая, думается, со временем даст хорошие результаты. Лучшие в книге — стихотворения: «Идиллия», «1-я песенка о Беккине», «Вьюжные бабочки». Худшее — псевдоученые примечания, которыми снабжены некоторые стихотворения. В общем же книга г. Тинякова производит довольно приятное впечатление.

Владислав ХОДАСЕВИЧ
«УТРО РОССИИ», 24 ноября 1912

В. ХОДАСЕВИЧ — Б, САДОВСКОМУ, 6 декабря 1912

Если увидите Одинокого, то скажите, что я очень благодарен за книгу и за добрую на ней надпись.Но дело еще не в этом. Я дал в «Утро России» о ней рецензию строк в 80. Из нее сделали 23 строки, зачеркнув все мои похвалы, послужной список Одинокого и заключи-

---

* идущие на смерть *(лат.)*

тельные приветствия. Зато кое-что они прибавили от себя. В результате — я объявил этим ослам, что нога моя не будет в ихней газете, но перед Одиноким мне все-таки стыдно. Скажите ему все это, и пусть он мне напишет, сообщив свой адрес. Он мне милее многих.

ПИСЬМА В.Ф.ХОДАСЕВИЧА Б.А.САДОВСКОМУ (1906, 1912-1920). Ардис. 1983. Послесловие, составление и подготовка текста И. Андреевой.

После просмотра книг, в которых бездарность соперничает с безграмотностью и плоскость с пошлостью, приятно остановиться на истинной поэзии, которой дышит сборник г. Тинякова. Стих его легок, красив, рифма почти никогда не приятнута за волосы (хотя есть исключения), и, несмотря на то, что муза поэта иногда вдруг разнуздывается, в общем она отличается большою нежностью, кристальным голосом и прекрасными формами. Я не знаю, зачем понадобилось поэту включать в свой сборник, рядом с такими превосходными стихами, как «Идиллия», как «Май», «Корни и цветы», «В вагоне», «В ночном кафе», «Под игом надежды», «Свет целования» и великолепной лирической поэмой «Разлука» (кроме последней строфы, исполненной некоторого романтически приказчичьего трагизма), стихотворения «В амбаре», «В час разлуки», «Во имя свободы вечной» (признание палача: «И когда обнимет шею ожерелье из пеньки, я вздыхаю и немею от блаженства и тоски») и в особенности ужасные «Цветочки с пустыря». Автор описывает, например, «плевок» и от имени его поет:

Любо мне плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.

Недаром поэт упоминает в одной поэме о «звезде злой извращенности». Конечно, поэт откровенен, но в книге, где столько хороших стихов, странно находить признание в любви мужчины к мужчине.

Остры, но сладки любовные муки!
Если бы вечно я мог
В час нежеланной, ненужной разлуки
Плакать у ласковых ног!

Не потому ли автор трепетной и милой поэтической поэмы «Разлука», где воспевается любовь к женщине, в конце концов, проникается отвращением к ней и так определяет это чувство:

Оно ко всем змеей шипящей
Вползает в мозг, и в грудь, и в кровь, —
И это чувство — труп смердящий,
Паук безжалостный, Любовь!

М ЧУНОСОВ (И. ЯСИНСКИЙ — *В.В.*)
«НОВОЕ СЛОВО», 1912, № 12

Стихи Одинокого (А. Тинякова) печатаются давно, но редко, и первое понятие о его личности дает эта книжка. При первом чтении автора становится жаль. Жаль, что поэт, сумевший назвать любовь — «нищенкой», сумевший подглядеть в осенней природе «пламя листьев ярко-рыжих»и подслушить, как «березы служат литургию», — что такой поэт расточает свои способности на повторения Бальмонта («... верьте, что мудрей живут поэты, отдаваясь вечной смерти за мгновенье красоты») или Брюсова («она идет, как на распятье, на пьяный крик, на грубый зов...»).

(...) И все-таки есть в сихах Тинякова подлинная боль и подлинное одиночество. Его алкоголики, проститутки, брошенные любовники все живые, и, может быть, автору удастся много рассказать о них (не впадая, однако, в ненужную грубость его кладбищенских стихов), если только сам он осудит свою первую книгу за бледность и притязательность и даст заглянуть в свое сердце ближе и проще.

В. ГИППИУС
«НОВЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ». 1912, № 12

Navis nigra — книга стихов, опоздавшая лет на десять. На то, что было бы уместно в эпоху альманахов Грифа и крайнего декадентства, совсем ненужно, смешно и неприятно теперь. Печать не то вырождения, не то какой-то отвратительной нарочитости — отличительная черта многих неприятных стихотворений этой гнетущей книги. (...) Там, где уже нужны услуги психиатра, по существу должен умолкнуть суд художественной критики. Таков весь отдел книги — «Цветочки с пустыря», посвящаемый тени Ф.П. Карамазова.

Я — гад. Я все поганю
Дыханьем уст гнилых,
И счастлив, если раню
Невинных и святых.

Стремленье к опоганиванию всего чистого, светлого и невинного — другая отличительная черта стихов г. Одинокого. Падаль, кишащая червями, плевки-плевочки, окурки, брошенные в грязную канаву, обглоданная кость, скользкая жаба на разлагающемся трупе — вот излюбленные мотивы и темы, вот круг поэтических вдохновений разбираемого стихотворца.

Но то, что было под силу гениальному Бодлеру, у г. Одинокого вышло отвратительно и глупо. Нечего, конечно, и прибавлять, что художественная трактовка всех этих тем не пошла дальше обычной плоской банальности. (...)

Николай МЕШКОВ
«ПУТЬ». 1913, №1

Г. Тиняков очень любит воспевать мировую скорбь; но последняя носит у него какой -то выцветший и бедный характер и напоминает собою ученое полеводство в горшках. Он расточает проклятия жизни и любви:

Гряди, о Смерть! Своим дыханьем
Навек Любовь обезоружь!

Он считает себя, конечно, компетентным в областях всех кладбищенских вопросов, торжественно воспевает прелести «паучков», «плевочков», «падали, забеременевшей червями», «обглоданных костей» и т.д. Короче сказать: проповедуя доблестно и смело все обратные общие места, или, как выражаются немцы, старается уверить весь мир, что он только потому не носит короны, что вообще он давно отказался от ношения головы.

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.

Но в этой книге стихов, утучненной плевками и падалью, попадаются образцы прекрасной лирической поэзии. Такова, напр., «Осенняя мелодия»:

Скользя по желтеющим вязам,
Прощается солнце с землей:
Баюкает кротким рассказом
Меня тишина голубая
И Осень поет надо мной.

Таким же светлым чувством лучезарной печали охвачены его стихотворения «Умирающее небо», «В златые саваны деревья облеклись» и другие. Но г. Тиняков не долго удерживается на этих просветленных вершинах. Тихие чары его поэзии легко улетучиваются, и под флагом последней он привозит на своем «Черном корабле» всякие точенные безделушки вроде «Влюбленного скелета», «Тукультипалешарра», «Минтлантекутли» и т.п. Это и самостоятельно, и не особенно монотонно, но как-то не имеет значения. Как те крашеные цветочки, которыми украшают куличи. (...)

Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ
«КИЕВСКАЯ МЫСЛЬ», 15 января 1913

(...) Мужчины ведь известно — народ грубый. И г. Тиняков воспевает по-просту... «Плевочек»:

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.

Тема, действительно, вполне «свежая»!... Что делать? На теперешней «бестемице» куда ни залезешь в поисках материала, пригодного для эпатирования избалованного по этой части читателя. Нет, кажется, ремесла труднее, чем ремесло «новейшего» русского поэта... Недаром г. Тиняков, среди прочих своих «сюжетиков», надумал воспеть даже... самоубийцу-висельника:

Покурю и на пол сплюну
И, — сдержав веселый крик, —
В петлю голову я всуну,
Синий высуну язык.

И коптилка жестяная
На загаженном столе
Замигает, догорая,
И останусь я во мгле.

Руки ласковые Смерти
Труп повисший охладят,
И запляшут лихо черти,
Увлекая дух мой в ад!

Ну, что ж, — туда ему и дорога! — «сплюнет на пол» иной жестокосердный читатель...

ИСКАТЕЛЬ ЖЕМЧУГА*
«НОВОЕ ВРЕМЯ», 4 февраля 1913

«ПАЛАЧ»
(из случайных встреч)

(...) На днях мне совершенно случайно попалась под руки только что выпущенная книгоиздательством «Гриф» новая книга стихов.

Взглянул на имя автора и улыбнулся:

— Александр Тиняков (Одинокий). Мой странный посетитель.

Порадовался и подумал:

— Человек нашел себя!

И, естественно, заинтересовался:

— Какие шаги сделал этот больной юноша, ушедший одиннадцать лет тому назад «по стопам Бальмонта»?.. И куда же он дошел?..

Наугад развернул книжку.

Стихотворение «Во имя свободы вечной». Начал читать. Зрачки мои расширились... Я ждал всего, чего хотите, только не этого. Черным по белому было напечатано:

Многих я душил веревкой
На рассвете, в чуткий час:
Многих я рукою ловкой
От забот житейских спас...

Много декадентских гнусностей пришлось мне прочесть за последние годы, — до воспевания сифилиса включительно, — но ничего подобного я все же не читал.

С аналогичными фактами вы встречались только у Крафт-Эбинга**.

Теперь же, как видите, этого Крафт-Эбинга перекладывают на стихи и преподносят читателю в качестве «русской поэзии».

Один присяжный поверенный, присутствовавший все время на процессе Мартьяныча, говорил мне, что убивший отца Сергей Мартьянов со стороны производил впечатление совершенно нормального человека.

---

* Псевдоним критика и публициста Петра Петровича ПЕРЦОВА (1868-1947)

** КРАФТ-ЭБИНГ, Рихард (1840-1902) — немецкий психиатр.

Александра Тинякова я не видел уже одиннадцать лет, но думаю, что и он производит точно такое же впечатление.

По душевному складу Сергей Мартьянов и Александр Тиняков — родные братья.

И это только случайность, что один в сумасшедшем доме, а другой не только на свободе, но и вращается в литературных кругах и с гордостью вещает, как, будто бы «прославляя волю Божию», многих он «душил веревкой»...

Ясно, что Мартьяновых и Тиняковых нужно лечить.

Оба они больны одной и той же болезнью: притуплением нравственных чувств.

Поэтому даже возмущаться не приходится, можно только жалеть.

Тиняков — это выходец из другого мира.

Живой мертвец.

И нет ничего удивительного, если г. Тиняков сделался «Одиноким». Действительно, кто рискнет сидеть возле него в тот, например, момент, когда в другом своем стихотворении он воспевает:

Мой горб — моя отрада,
Он мне всего милей,
И нет прекрасней смрада,
Чем смрад души моей...

А теперь, читатель, откроем скорее форточку...
Душно... Воздуху!

Эр. ПЕЧЕРСКИЙ
«РАННЕЕ УТРО», 9 февраля 1913

А.ТИНЯКОВ — Б.САДОВСКОМУ, 2 апреля 1913

(...) Мне уже 27-й год и мне пора быть мужественным и открыто признать себя бездарностью. На такие мысли навело меня, между прочим, отношение Брюсова ко мне. Игорю Северянину он пишет льстивые письма, Эльснеру дарит портреты, Крученых поит чаем, Вербицкий преподносит свои сочинения с любезнейшими надписями, Телешову читает благодарственный адрес, а ко мне относится с явным презрением. Напр., он не ответил мне на несколько писем в прошлом году; а недавно я послал ему оттиск статьи о Тютчеве и письмо, в котором напоминал, что еще в 1905 году он обещал мне дать свой портрет, — и все это осталось без ответа. А между тем я не назойлив и пишу ему раз или два в год и всегда по делу. Я думаю, что

— в конце концов — Брюсов прав и больше не буду лезть ни к нему, ни к литературе и перестану подниматься выше пивных лавок...

ЦГАЛИ ф.464 оп.2 ед.хр. 212

М. ДОЛИНОВ — Б. САДОВСКОМУ, 14 августа 1913

(...) Тиняков совсем спился, в Петербурге его обокрали, он без денег, плачет, говорит, что «погиб» и собирается ехать к отцу «кланяться и умолять». Непутевый он!

ЦГАЛИ ф.464 оп.1 ед.хр. 212

Б. САДОВСКИЙ — А.ТИНЯКОВУ, 21 сентября 1913

К 1 ч. идем в «Собаку», надеюсь Вас застать.

ГПБ ф.774 №34

М. ДОЛИНОВ — Б. САДОВСКОМУ, 10 ноября 1913

Из письма Конге Вы уже знаете, что Тиняков повздорил с Собакой (кафе «Бродячая Собака» — *В.В.*) и там не бывает. С ним опять неладно: пьет в мертвую и пишет письма завещательного характера. (...) В Собаку я решил более не ходить (...) там вечные скандалы. Третьего дня чествовали Бальмонта, к[оторый] приехал «на гастроли» к нам. Был Сологуб, Гумилев, и много прочих. К утру Бальмонт напился пьян, сел подле Ахматовой и стал с нею о чем-то говорить. В это время к нему подошел Морозов (сын Пушкинианца) и стал говорить комплименты. Бальмонт с перепою не разобрал в чем дело и заорал: Убрать эту рожу! Тогда Морозов обозлился, схватил стакан с вином и швырнул в К.Д. Этот вскочил, но был сбит с ног Морозовым. Пошла драка. Ахматова бьется в истерике. Гумилев стоит в стороне, а все прочие избивают Морозова. Драка была убийственная. Все были пьяны и били без разбору друг дружку смертным боем. Все это так ужасно и кошмарно, что я, по крайней мере, лично не пойду больше в этот (passez moi le mot...) бардак.

ЦГАЛИ ф.464 оп.1 ед.хр. 52

А. ТИНЯКОВ — Б. САДОВСКОМУ, 11 ноября 1913

В «Собаку» я не хожу и вовсе не потому, что меня оттуда выставили (в день Вашего отъезда из Питера)... Выставляли меня оттуда не раз и в прошлом сезоне, но не в этом дело. Откровенно скажу Вам, что даже мне эта «Собака» — мерзость. Это какой-то уголок ада, где гнилая и ожидовелая руссакая интеллигенция совершает службу ада сатаны. Ходить туда русскому человеку зазорно и совестно. И до шабашей я не охотник...

ЦГАЛИ ф.464 оп.1 ед.хр. 73

И. РУКАВИШНИКОВ — А. ТИНЯКОВУ, 18 ноября 1913

(...) Еврейские погромы и весь почти еврейский вопрос это тоже дело вкуса. Почему евреев бьют? Главным образом потому, что евреи ничуть не спортсмены, имеют жалкий пришибленный вид, а грубым людям таких-то и хочется поколотить. Пусть-ка попробуют наши лавочники и жандармы устроить погром сотне молодцов из Канады или Аляски. В деревнях у нас чем хилее лошадь, тем мужик нещаднее и сладострастнее ее колотит. Баб тоже толстых меньше бьют. Того же порядка явления. Казаку приятнее полоснуть курсистку. Мне же неприятно. А Вам как? Дело вкуса, милый мой.

Но вот что. Мне нравятся больше брюнетки. Но я имею право сказать это, потому что целовал и блондинок. А Ваши «правые» убеждения — это продукт чисто русский, **местный**. Поживите за границей годика два. Тогда вкусы переменятся, и поговорим. Вы скажите — я по книгам знаю. А я скажу: — нет, это не то. Вобрать надо, вдохнуть. И право стыдно в наше время жить на одном месте. У нас есть ноги и колеса. Вот курица и та более развита, чем груздь. (...)

ГПБ ф.774 № 35

(...) Среди окружавших Садовского забавной фигурой был так же «бывший москвич» поэт Тиняков-Одинокий. При Садовском он был не то в камердинерах, не то в адьютантах.

«Александр Иванович, сбегай, брат, за папиросами». — Тиняков приносит папиросы. — «Александр Иванович — пива!» — «Александр Иванович, где это Кант говорил то-то и то-то?» — Тиняков без запинки отвечал.

Это был человек страшного вида, оборванный, обросший волосами, ходивший в опорках и крайне ученый. Он изучил все, от клинопи-

си до гипнотизма. Главным коньком его был Талмуд, изученный им досконально, но толковавшийся несколько специфически. Тиняков в трезвом виде был смирен и имел вид забитый и грустный. В пьяном, а пьян он был почти всегда, — он становится предприимчивым.

«Бродячая собака». За одним столиком сидят господин и дама — случайные посетители. «Фармацевты», на жаргоне «Собаки». Заплатили по три рубля за вход и смотрят во все глаза на «богему».

Мимо них неверной походкой проходит Тиняков. Останавливается. Уставляется мутным взглядом. Садится за их стол, не спрашивая. Берет стакан дамы, наливает вина, пьет.

«Фармацевты» удивлены, но не протестуют. «Богемные нравы... Даже интересно...»

Тиняков наливает еще вина. «Стихи прочту, хотите?»

«...Богемные нравы... Поэт... Как интересно... Да, пожалуйста, прочтите, мы так рады...»

Икая, Тиняков читает:

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке проплывать,
Скользским боком прижиматься...

— Ну что, нравится? — Как же, очень! — А вы поняли? Что же вы поняли? Ну, своими словами расскажите...

Господин мнется. — Ну... эти стихи... вы говорите... что вы плевок... и...

Страшный удар кулаком по столу. Бутылка летит на пол. Дама вскакивает, перепуганная насмерть. Тиняков диким голосом кричит:

— А!.. Я плевок!!.. я плевок!.. а ты...

Георгий ИВАНОВ Петербургские зимы. М. 1989

«Наиболее приличная книжка Тинякова».

Запись неустановленного лица на книге Тинякова «Navis nigra».

Экземпляр отмечен экслибрисом «Mary Sokolowsky» (Из собрания М. Лесмана).

Михаил ЗАРАЕВ

ОБ ОДНОМ ЕВРЕЙСКОМ СТАРИКЕ

глава из книги

Для советского человека, к тому же молодого и невыездного, Варшава выглядела заграницей. Впоследствии я бывал и в Берлине, и в Нью-йорке, но даже тени того пленительного ощущения свободы, жадного впитывания чужого быта, культуры, языка и наслаждения всем этим, не испытывал.

В том наслаждении заключалось, однако, некое противоречие. Я приехал с определенной целью — собрать материал о Варшавском гетто, его восстании, мученичестве польских евреев. И делал все, что положено в подобных случаях — работал в еврейском историческом институте, встречался с уцелевшими участниками восстания.

Теплым сентябрьским днем я шел вдоль лесной опушки по дороге из белых плит, имитировавших шпалы, и попадал на поле, усеянное серыми гранитными глыбами. На каждой стояло название города. Под этими глыбами в лесной земле лежали восемьсот тысяч человек, убитых только за то, что они родились евреями. Ум не в состоянии вместить эту цифру — восемьсот тысяч человек, похороненных на нескольких гектарах земли. То была Треблинка.

Несколько дней спустя я стоял на огромном дворе, заросшем пыльной, жесткой осенней травой. Сюда, казалось, не доносились никакие звуки жизни. Только куковала кукушка, отсчитывая чьи-то годы. В дрожащую стеклянную голубизну этого дня я вышел из мрака газовой камеры. То бьл Майданек.

Но в тот же самый день, примчавшись из Люблина в Варшаву, я отправлялся в театр «Атенеум» на изысканнейшую постановку пьесы Петера Вайса о маркизе де Саде и завершал вечер в ресторанчике на берегу Вислы, где из открытого окна видны речные огни, а оркестр исходит тягучими томными ритмами.

На утро я отыскивал улицу. Во время войны она называлась аллея Шуха. Там помещалось гестапо. Я шел вдоль пытошных камер и на беленой стене одиночки читал вьцарапанное: «Никто обо мне не думает и не знает. Я так одинока, и я должна умереть без вины.»

Сердце разрывалось от ужаса и сострадания. Но нет, оно не разрывалось. Оно жило, стучало. И выйдя из подземелья, походив, покурив, посидев на скамейке парка, я снова начинал впитывать в себя все окружающее с какой-то мучительной сладострастной наблюдательностью. Вот ксендз в нейлоновой сутане — сухощав, строен, значителен. Вот пожилой господин с зонтиком подмышкой целует руку

девушке в замшевой куртке, начиная разговор, полный значительных улыбок и кокетливых недомолвок.

Как это совмещалось с только что прочитанным восклицанием, полным смертной тоски и безысходного одиночества? Жизнь шла в поразительном контрапункте: сознание, вместив глубину предсмертного страдания, одновременно жадно поглощало ликующую плоть сегодняшнего мира. Такая двойственность бытия казалась мне постыдной, кощунственной, но она была реальной. Я не мог изгнать ее из себя, из своего молодого естества. И все эти варшавские дни сентября 1967 года проходили для меня в двух измерениях — трагического прошлого и прекрасного земного настоящего.

Время от времени друзья доставали мне телефон еще одного обитателя гетто, участника восстания. Как правило, мы встречались в уличном кафе где-нибудь в центре города, и я записывал все, что мне рассказывали, отодвинув чашку недопитого кофе, среди сигаретного дыма и щебетанья юных польских панн.

Одного из моих конфидентов звали Бернард Борг. К моменту нашей встречи он был пенсионером. Скромный пожилой еврей. Отставной кооператор. Сражался в группе Герша Кавэ, одной из четырех боевых групп, сформированных коммунистами 10 мая 1943 г.

Они решили выходить на арийскую сторону через подземный ход. Вышли во двор жилого дома, где их и схватили. В Треблинке он попал в партию наиболее крепких мужчин. Им сказали: «Вы не пойдете на мармелад» — эта людоедская шуточка означала, что их используют для работы. Отправили сначала в Майданек. Потом в Освенцим. Из Освенцима он накануне освобождения лагеря бежал.

И вот этот неприметный человек, в биографии которого были все самые страшные лагеря уничтожения Второй мировой войны, сидел передо мной в кафе «Виклина» на Маршалковской, осторожно попивая кофе, среди стен, стилизовано оплетенных прутьями («Виклина» по-польски — *корзина*), среди обитых красной кожей маленьких табуретов и болтовни варшавской молодежи 60-х годов.

Я спросил, как проходила в группе Герша Кавэ ночь перед восстанием. Он сказал, что у них, кроме командира, была еще девушка-комиссар — Ружка Розенфельд; она подходила к каждому бойцу, спрашивая, все ли он взял с собой, не забыл ли продукты, бинты, электричесий фонарик. А перед рассветом сказала такую речь: «Помните, что вы продолжаете лучшие традиции освободительной борьбы польского пролетариата, что вы партизаны».

Ну, что же я мог еще ожидать? Борг был старый член партии, партийный пенсионер и беседовал он с журналистом из Москвы. Он говорил все как надо. Наверное, так и было. Почему бы комиссару Ружке Розенфельд не произнести речь, напоминающую выступления комиссаров в советских пьесах?

Больше всего мне хотелось встретиться с Марком Эдельманом. Борг был рядовым бойцом восстания, а Эдельман — заместителем командира боевой организации. Но как-то так получалось, что в рассказах об уцелевших повстанцах он оставался в тени. Да и в варшавских редакциях о нем говорили с многозначительной улыбкой: «Конечно, герой. Заместитель Анилевича. Но с ним нелегко. Вряд ли вам удастся его разговорить. Если он вообще захочет встретиться.»

Его героическая биография имела теневые стороны с точки зрения официальной идеологии: был бундовцем, лидером бундовской молодежи в гетто, а после выхода по каналам на арийскую сторону и фантастического спасения участвовал в восстании варшавских поляков, поднятом Армией Крайовой. Сейчас Эдельман работал кардиологом в одной из лодзинских клиник — эдакий скромный, стоящий вне политики врач.

Встретиться с ним и в самом деле оказалось нелегко. Общие знакомые не находились. Но, наконец, в телефонной трубке раздалось очаровательно куртуазное, с польским распевом: «Проше бардзо».

На следующий день в вечерних дождливых сумерках, на грязноватой окраине Лодзи отыскваю улицу Зильверовича. Никто такую не знает. Оказывается, недавно переименована. Была Мостова. Улица прямая, пустая, булыжная, совсем загородная. Небольшие виллы, сады. В самом конце — дом 34. Калитка. Мокрый от дождя автомобиль. В спичечном огне у звонка — «Доктор Марк Эдельман».

В передней — пятидесятилетний, среднего роста, худой, изящный человек с резкими чертами умного семитского лица. Одет с элегантной мешковатостью — серый пуловер, белая рубашка без галстука.

В большой комнате — старые кожаные кресла, массивный письменный стол, тахта под пестрым пушистым покрьвалом.

— Вы хотите знать правду? Нас насчитывалось двести — двести двадцать. Пятьсот? Ерунда. Двести. Было 19 апреля, 20-е, 21-е. Потом спад, перестрелки. Потом 1, 2, 3 мая. И агония. Не надо преувеличивать военное значение восстания. Главное, что оно было.

Анилевич?.. Из бедной семьи. Знаете, что такое беднота, польское еврейство? Очень способный. Принадлежал к левым поалейсионистам. У них имелся киббуц под Бенджиным. Анилевич оказался там во время большой депортации. Он не знал, что такое депортация. Он был моложе всех нас. Романтичен. Да, конечно, интеллигентен, как и все мы — интеллигентные мальчики. Он был всегда беден и честолюбив. Когда мы обедали, он сидел, охватив тарелку руками. Вот так... Мы спрашивали: «Мордка, почему ты так ешь?» — «Так привык. Чтобы братья не отняли.»

Почему он стал командиром? Мы решили: пусть будет он, чтобы не было раскола. Он вел дневник, и Антек как-то пришел ко мне и сказал: «Он записал: если я не буду командиром, пусть ничего не бу-

дет». Он очень ценил свою должность. Однажды он сделал что-то не так и мы с Антеком сказали ему: «Смотри, Мордка, ты не будешь командиром.» Он испугался. Но он был плохим командиром. Ему лишь бы 19 апреля, а там уж все. Помните его письмо Цукерману: «Сбылась главная мечта моей жизни...» В этом он весь. И этот его приказ о самоубийстве. Можно было найти выход, и те, кто не выполнили приказ, спаслись. Мы с Цивьей пришли спустя два часа после этого коллективного самоубийства и помогали живым уйти. Выбрались через люк на Простой 10 мая. Нас было сорок и до этого спаслись еще тридцать. Мы сели в автомашину. Это устроил Антек Цукерман. Одни ушли в лес. А мы с Антеком скрывались у поляков, сначала на одной квартире, потом на другой. Потом Варшавское восстание.

Как живет Цукерман? О, хорошо. Пьет водку, пишет книги. У него, знаете, русский характер. Цивья работает в управлении киббуцами — политическая деятельность — Нью-йорк, Париж. Но болеет. Я был у них. Они у меня.

Эти детали — миска, закрываемая руками, цифры — «Нас насчитывалось двести — двести двадцать» — я прочитал годы спустя в книжке Анны Краль «Опередить господа бога», это диалог автора с Эдельманом.

С Анной Краль мы познакомились в середине шестидесятых в Москве. В России шла очередная экономическая реформа, которую впоследствии назвали косыгинской. То был первый после войны, очень робкий шаг от жесткого, ничем не ограниченного экономического тоталитаризма к рыночным отношениям, за которым, как мы надеялись, могут последовать и другие — сначала экономические, а потом и политические шаги. Эти надежды оказались похороненными в августе 1968 года вторжением в Чехословакию. Но тогда они теплились, грели душу не только московской либеральной интеллигенции. На заводах, в совхозах иногда предпринимались самодеятельные прорывы к рынку.

На одном московском предприятии один цех решил обособиться от завода. Ему рассчитали внутренние цены, установили нормативы и пустили в свободное плавание. В первый же месяц этот островок рынка в море централизованного планирования захлестнули волны неудач: намеченную прибыль цех не получил, заработки упали. Директор, с доброжелательной снисходительностью наблюдавший за экспериментом, предложил денежную добавку из общзаводских фондов. Цех отказался.

Через несколько дней после публикации моей статьи об этой истории в редакцию пришла маленькая женщина с выразительным еврейским лицом — московский корреспондент варшавского еженедельника «Политика» Анна Краль.

Она пришла посоветоваться, как ей попасть на завод. Что я мог сказать? Начальник цеха — энергичный еврей по фамилии Зеличенко

— и со мной-то разговаривал с опаской. А я ведь был свой — советский, московский. Над нами обоими стояла идеологическая пирамида — райком, горком, ЦК — где при слове «рынок» многим хотелось «схватиться за пистолет». Реформа еще шла, но могильщики ее стояли с лопатами наготове. Как же ему, Зеличенко, принимать иностранную журналистку, хотя бы и польскую? Польша считалась не только самым веселым, но и самым вольным, самым опасным бараком социалистического лагеря. «Хуже» ее была разве что Югославия . Я дал телефоны, адрес. Думаю, однако, что на завод ее не пустили.

Лет десять спустя она опубликовала свои диалоги с Эдельманом. Здесь она была своя, принадлежа к тому же слою польско-еврейской интеллигенции, что и Эдельман. Но еще до этого она рассказала в своей «Политике», как ее, еврейскую девочку, пять лет передавали из рук в руки, пряча по подвалам и чуланам. Она подсчитала: 45 польских женщин и мужчин рисковали жизнью ради ее спасения и назвала их имена.

Книга об Эдельмане написана с литературной изощренностью, с подчеркнутым антиэстетизмом, который по закону обратной связи превращается в эстетику гибели, разложения физического и нравственного. Анна Краль описывает смерть красивой светловолосой женщины, послужившей моделью для памятника варшавской Сирены, стоящего над Вислой: «Какая прекрасная жизнь и прекрасная смерть... Но так живут и умирают красивые и светлые люди. Черные и некрасивые люди живут и умирают неэффектно: в страхе и темноте... Черные и некрасивые лежат, ослабев от голода в сырых постелях, и ждут покуда кто-нибудь принесет им овсянку на воде или чего-нибудь с помойки. Все серое — волосы, лица, постель.»

А я вспоминал книгу самого Эдельмана «Гетто борется», изданную в Лодзи в 45-м — документ, отчет, написанный молодежным, партийным деятелем, рассказ о героизме товарищей, о гибели гетто. С Анной Краль беседовал другой человек. Жесткий, едкий, преисполненный скептицизма, раздражения по отношению к каждому преувеличению, романтическому всхлипу. Таким я его видел уже в 67-м. Беседа Эдельмана с Краль пронизана пафосом демифологизации. Цукерман утверждает, что повстанцев было 500-600, а он — 200-220. «Это не имеет значения», — цедит он сквозь зубы. Все ничто в сравнении с безмерностью происшедшего.

Они идут с Анной на Умшлагплац. Он был посыльным в больнице, его работа заключалась в том, чтобы стоять у ворот Умшлагплаца и выводить больных. Немцы разрешали делать это, создавая иллюзию отправки на работу. Он показал Анне бетонный столбик, у которого стоял все дни депортации. Он проводил на смерть 350 тысяч людей.

И снова временной сдвиг. Апрель 1993-го. На сцене московского Дома ученых за небольшим столиком рядком — шесть пожилых людей. Генерал. Актер. Парламентарий. Историк. Пенсионерка. Врач.

Генерал — массивный, медлительный, в поношенном мундире с завесой орденов. Комдив времен Второй мировой. Из сталинских генералов-победителей.

Актер — с внешностью доброго ребе, с умными глазами из-под нависших бровей, хромой со времен войны, всех знавший, со всеми на ты, всех переживший,

Параментарий. Жещина-литератор, жизнь прожившая в московских интеллигентских тусовках. «Я шла в Госдуму, как представитель еврейского национального меньшинства».

Пенсионерка. Смиреннейшее существо. Расстреляннная в октябре 41-то, она выбралась из-под трупов братской могилы и потом прожила длинную-длинную жизнь.

Историк. Гонимый в советские времена, он воспитал целую школу публицистов постсоветской поры, возглавил научно-просветительский центр «Холокост», много и жадно писал, печатался, словно наверстывая долгие годы непризнанности.

Наконец, врач. Я не видел его четверть века с того самого визита в Лодзь. Тогда ему было под пятьдесят, сейчас лет семьдесят пять. Лицо оплыло, потеряло жесткость очертаний. Но внутренняя сила, похоже, осталась — во взгляде, движениях, манере держаться.

Он пристально смотрит в зал, где собрался московский бомонд — министры, писатели, ученые, актеры. Бывший главный партийный идеолог, ставший одним из лидеров и творцов перестройки. Литературный критик, превратившийся в министра культуры. Экономист, зачитывающий послание президента России. Знаменитый генерал, чье имя носила линия укреплений, построенная вдоль Суэцкого канала, а ныне посол Израиля. Поэт, чьи песни тридцать лет поет Россия.

Все это простирается под взглядом Марка Эдельмана, под прищуренным от света юпитеров взглядом слегка припухших от старческих недомоганий, чуть выпуклых глаз. Эдельман смотрит в зал, излучающий свечение политических игр и противостояний, имперского прошлого и нынешнего демократичсского хаоса.. А зал смотрит на Эдельмана — старого еврея, который полвека назад вместе с сотней таких же, как он, пылких мальчиков, вышел из подземелий гетто, чтобы достойно умереть с оружием в руках. И не умер, а сидит здесь, как икона, как символ еврейского сопротивления и мученичества.

Эдельман это прошлое, полувековой давности прошлое, в память которого они собрались здесь, именем которого клянутся. Но на самом деле их занимает настоящее, полное боли, надежд, страхов, и настоящее пульсирует в каждом речении, произносимом с трибуны этого респектабельного зала.

На следующий день я вижу Эдельмана в зале гостиницы, где проходит уже научная конференция, посвященная Холокосту. Здесь ристалище философствующих интеллектуалов и стало быть иная, более изощренная терминология.

Эдельмана также просят выступить, и он пытается встроиться в эту политизированную дискуссию с ее научной отстраненностью от живого национального страдания, представителем которого его здесь воспринимают. «Нет разницы между евреем, погибшим от руки фашиста и украинцем, который погиб потому, что не хотел идти в колхоз... В Камбодже во имя абстрактной идеи убили миллионы.»

Впрочем, им неважно, что он говорит — важен он сам. Ему становится скучно среди этих философствований, умствований. Он выходит в холл, курит сигарету за сигаретой. Пользуясь редкой минутой, когда он один, подхожу, напоминаю о давней встрече. Нет, не помнит, столько журналистов! Спрашиваю о его отношениях с Израилем. «Израиль не приемлет меня. Другой язык. Другие проблемы. Другие евреи. Не те, которые погибли в катастрофе. Цукерману говорили, что мы плохо сопротивлялись. Воюет же Израиль с арабами. Ицхак не обрел себя в политической реальности Израиля. Он был из другого мира. Весь в польской культуре. Читал на память Словацкого.»

В эти же самые дни газета «Маарив» напишет про Эдельмана: «Человек грустный, молчаливый , немного нервный в своих реакциях, резкий в формулировках, непрерывно курящий... В Израиле многие годы заботились о том, чтобы скрыть роль в восстании тех, кто не входил в молодежные сионистские движения. Десятилетиями подчеркивалась роль Хашомер Хацаир и левых движений и преуменьшалась — Бетара. Бунд вычеркнули вообще. Эдельману приклеили ярлык: «Ненавидящий Израиль...» Эдельман отказывается видеть в восстании мистическое событие израильско-сионистского героизма. Урок, который он видит в Катастрофе вообще и в восстании в частности — универсальный, гуманистический. Это событие, в котором не дали выбора другой форме смерти».

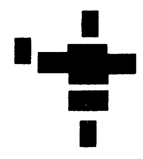
Он не обрел себя в коммунистической Польше 60-х, не находит себя в Израиле 90-х. Впрочем, кажется, он ощущает себя на месте в современной Польше. Выступая в польском культурном центре в Москве и отвечая на вопрос о французских обвинениях поляков в антисемитизме, он скажет: «Пусть французы занимаются своей историей. Петэн вывозил еврейских детей в немецкие концлагеря. Варшава прятала 12 тысяч евреев при населении 700 тысяч; в спасении одного еврея участвовало пять человек, это значит: каждый десятый — одиннадцатый варшавянин был причастен к спасению. Но зло одного звучит громче добра многих.»

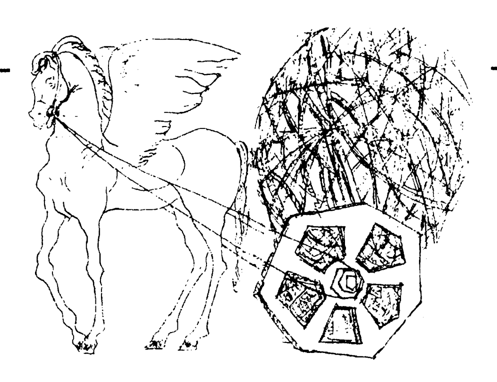
Его спросили о причинах отъезда остатков польского еврейства в конце 60-х. «Шла борьба за власть, а в такой борьбе всегда нужен

враг. Без врага не мобилизуешь общество. Из остававшихся 18 тысяч евреев уехали 13 тысяч. Они чувствовали себя оскорбленными, их считали людьми второго сорта. Сколько их сейчас? Думаю, 4-5 тысяч. В Лодзи есть благотворительная еврейская кухня. Раньше приходили 300-400 человек. Сейчас 30-40. Одни старики...»

И сам он уже старик. Умный, жесткий еврейский старик. Один из тех, кто с гасит свет последним по старому московскому анекдоту времен массового выезда евреев: «Не забудь погасить свет в Шереметьево».

То, что не успел Гитлер, довершила послевоенная польская история: Польша стала ***judenrein***. Не знаю, надо ли переводить это слово.

Франсуа ВИЙОН (1431 — после 1463)

ВОРОВСКИЕ БАЛЛАДЫ

...а у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным певцом.

А.С. ПУШКИН

Среди русских переводчиков баллад Вийона — Николай Гумилев, Илья Эренбург, Владимир Жаботинский, Феликс Мендельсон, Юрий Кожевников, Алексей Парин — список можно продолжать до конца страницы. Некоторые из переводчиков перевели целиком «Большое завещание», иные — десяток баллад, кое-кто — одну-две, но никто и никогда, насколько мне известно, не покушался на самую загадочную часть наследия гениального бандита — на одиннадцать баллад, написанных на «жаргоне кокийяров», проще говоря — на тайном воровском языке XV века. В значительной мере потому, что в точности этих баллад не понимает ни один специалист в мире, да и современникам поэта было бы разобраться в них непросто. Не для того воры-кокийяры сочиняли свой собственный язык, чтобы всякие придворные сволочи его понимали. Язык забылся. Но остались одиннадцать баллад Вийона на этом языке.

«Мисóвской курéхой стремыжный бендюхъ прохандырыли трущи: лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряеть и въ устре-

*ку кундяковъ и ягренятъ; аламонныя карюки курещали курески, ласые мещата грошались.»**

Желающих понять приведенную фразу отсылаю к первому тому словаря В.И. Даля, где в предисловии на стр. LXXVII имеется ее перевод на простой русский язык. А сама фраза — на **офенском** языке, тайном языке разносчиков-офеней, мелких торговцев середины прошлого века. Вот примерно на таком языке и писал Вийон, одна беда — в балладах понять можно лишь общий смысл, а переводить нужно на русский. Хотя все-таки не на офенский, — грамматика простая, да слова подставные. Поэтому,дорогой читатель, не пытайся разобрать в этих балладах каждое слово — попытайся получить удовольствие от поэзии как таковой. И помни, что в публикуемом ниже переводе Елены Кассировой баллады стали намного понятней, чем в оригинале. Много ли сюжетов у вора? Виселица, палач, застенок, кабак, бардак — вот почти и все. И еще помни, что одно дело подражать Вийону, совсем другое — его лирическому герою. Второе уголовно наказуемо, а первое... Для первого надо быть гением. Вийон рождается раз в тысячу лет. Да и то не в каждую.

Евгений Витковский.

БАЛЛАДА 1

На Париженции до черта ябед!
Они на братцев положили глаз!
В два счета веселуху испохабят
И наведут архангелов на вас.
А эти вас, братки, прищучат враз.
В холодной раскурочат до кишок,
Под перекладиной запустят в пляс,
Нашмякают из жуликов колбас,
Зафиздипупят в каменной мешок.
Атас, ребята, слышите? Атас!

И мудрено ль? Вскочил — и был таков.
Из логова на все четыре — шасть!
Подале от судейских мастаков!
Недолго ведь на свадебку попасть:

* Понимая, что не у всех наших читателей есть «Толковый словарь» В. Даля, публикуем перевод этой фразы с русского на русский:

«В нашей деревне третьяго дня проходили солдаты: мужики угощали их брагой и вином, бабы подавали есть, а в дорогу надавали пирогов, яиц и блинов; красныя девки пели песни, малые ж ребята смеялись».

С орясиной венчаться — эка сласть!
А то найдется и куруху, чать,
Заложит в одночасье вашу рать.
Вы с ним не очень-то, без выкрутас.
Не стоит рядом с этаким и срать.
Атас, ребята, слышите? Атас!

Не сладко кувыркаться на бревне:
Сдается мне, супружница жестка.
Не знаю, как хотите, а по мне
Зависнуть на кувыркале — тоска.
Бегите-ка до тихого леска!
А ежели вас судит сам Паша,
Немилосердно приговор пиша,
Ни уговоры, братцы, ни подмаз
От петли не избавят ни шиша!
Атас, ребята, слышите? Атас!

Принц-бестия, костарь и пустопляс,
И вы, жулье, делишек и проказ,
Ей-ей, не выставляйте напоказ:
Подарочек вам ябеда припас.
Атас, ребята, слышите? Атас!

БАЛЛАДА II

Бросай кровянку, шатуны!
До беса ябед и сутяг.
Иль батоги вам не страшны?
Вон на суде Колен Толстяк
Раскалывался так и сяк,
Со страху инда и набздел,
А толку-то? И он иссяк
Под мастером жоплечных дел.

Смените-ка скорей наряд
И схоронитесь там и сям.
Срамно тикать? Но, говорят,
На жерди виска — большой срам.
Вон Монтиньишка понял сам
И от стыда, бедняга, вздел
Пустые бельма к небесам
Над мастером жоплечных дел.

Опять отпетые бок о бок
Засели в кости трюкачи.
Ходи, ребята, без подскребок
И, отвернувшись от свечи,
С добавочками не ловчи.
Любой из вас, братва, дебел,
И поцелуи горячи
У мастера жоплечных дел.

Принц, батоги ли не страшны?
Угомонись, покуда цел.
Уж лучше без тугой мошны,
Чем с мастером жоплечных дел.

БАЛЛАДА III

Звонари
До зари
По вертепам дерганут
Бражку-слякоть
Помуслякать,
Покуропчить там и тут
По карманам у зануд,
Пощипать добра червона!
Эка вона! —
Сесть без звона,
Вас обставить, сморкачей,
Эти суки всех ловчей.

Вдруг, как крали,
Суки стали
Строить глазки, щекоча
Сморкача.
А для ча?
Чтобы дрогнула рука
У тебя, у дурака.
Мол, костяшкой щелкану
На кону.
На-ка, ну!
Не должник фискал ничей.
Эта сука всех ловчей.

Кокийяр,
Как ни яр,
А поди фискалу вмажь-ка!
Сам ты, пташка,
Охнешь тяжко!
Неспроста тебя фискал
Из виду не упускал.
И не набежит слеза
На глаза
У туза.
Поостынь да размягчей.
Эта сука всех ловчей.

Судьям попадешься сдуру —
Спустят шкуру.
Лучше уж сиди под мухой,
Карты плюхай
И ходи под ловкачей,
Хоть и, суки, всех ловчей.

БАЛЛАДА IV.

Картишки посолив, поперчив,
Чтоб выколачивать деньгу,
Не будь, как фофаны, доверчив,
Не переперчивай рагу!
Куруха заплетет мозгу!
Развесят уши караси.
И я скажу — и не солгу:
От кичи ноги уноси.

Связали, парень, — развяжись.
Дай деру от ищеек, сук.
В коловорот не лезь ни в жись.
Куда ни сунься, звон и стук.
Иль на ухо куруха туг?
С ним гужеваться — нет, мерси.
Не хочется тебе на сук —
От суки ноги уноси.

С концами, ежели возьмут.
Ждут не дождутся нашей швали
Четыре палки и хомут.

Чем не жена? Не видел али
На распроклятом карнавале,
Как с виселицы к небеси
Мошенники балду вздевали?
А видел — ноги уноси.

Принц-удалец, почто доверчив?
С мечом картежник, хрен-еси!
Вонми совету: переперчив
Картишки, ноги уноси!

БАЛЛАДА V

Звезди, звездюк, когда звездится,
Но не тащи в звездец звездеж,
Не то рогожа и водица —
Вот все, к чему, звездя, придешь.
Тикай, коль бегать невтерпеж.
Обычай в каталажке груб,
Когда тебя, а не тетеш
Обхаживает душелюб.

Ау, приятельские лица!
На воле-то кабак хорош.
А висельник веселиться
В компании судейских рож.
Ври знай, авось поможет ложь.
Беда — когда своих голуб
В казенном доме, хошь не хошь,
Обхаживает душелюб.

Послушай, парень, очевидца
И фараона облапошь.
Не то прохожий удивится,
Как на веревке без одеж
Ты на говядину похож!
Наплачешься в мешке: хлюп-хлюп.
А занеможится — ну-к что ж.
Тебе поможет душелюб.

Принц, ты ж мужик, а не девица.
Умолкни, ежели не глуп,
Чтоб от любви не удавиться,
Когда обнимает душелюб!

БАЛЛАДА VI

Доброхоту верьте, детки!
Будьте, братцы, начеку.
Вы по фене ботать метки,
Но бахвалов распеку.
Не трепитесь с кондачку.
Да под носом у ярыг!
А иначе на суку
Быстро свесите язык.

Помолчите, дурни эдки,
Вашу дурью жаль башку.
Угодите на котлетки.
Дрянь — деньга, я вам реку.
Приохотьтесь к медяку.
Или в петельке дрыг-дрыг
Дрыганётесь и ку-ку,
Синий вылезет язык.

Тут как тут отцы-наседки.
Не спускают простаку.
Судьи жалостные редки.
за вину каку-таку
попадают под доску?
За фуфло, ребята, sic!
За свое кукареку
Тихо свесите язык.

Принц, твои словечки едки.
Но без слов и без музык,
За фальшивые монетки
Молча свесится язык!

БАЛЛАДА VII

— Хорош, ребята, город Парижуха,
Но в петле кочевряжиться на кой?
— Зато приятна песенка для слуха,
Как висельник венчается с доской,
И прут жених с невестой на покой!
— И дрыгается в воздухе браток
С ноздрями рваными да без порток,

С орясиной обрачившийся спьяну?
Ярыга к нашей братии жесток!
— Шалишь! Жениться на бревне не стану!

— Тогда смывайтесь. Дело с вами глухо:
На воле оглоеды и разбой,
А в каталажке обух и гнилуха
Припасены для шайки воровской.
А двери из мешка поди, раскрой!
Послушайтесь, ребята, этих строк.
— Чегой-то ты к червонным больно строг?
И все поешь про свадьбу эту срану!
Мне подавай кабак, а не острог.
А на бревне жениться я не стану!

— Но вас пасут наушник и куруха!
— А мы наладим флейту и гобой,
Пока ярыги слушают вполуха,
И спляшем я да ты, да мы с тобой,
С любой марухой шелопут любой.
— Гони-ка лучше ряженых сорок.
Час не ровен, архангел недалек.
Закройся в домовине спозарану.
Не то повиснешь — женки поперек.
А я жениться на бревне не стану.

Принц кокийяров, слушай, костарек,
Последнее словечко, как осанну,
Совсем уж под завязку приберег:
Ей-ей, жениться на бревне не стану!

БАЛЛАДА VIII

Домушники, мазурики в чести!
Любители ломилом потрясти!
Ручонки, пацанва, укороти
И посиди тихонько взаперти!
Обабиться, как Толстый, — не ахти!
А коль буяна за мокруху хвать,
В казенном доме брачная кровать:
По рылу плюха и под зад солома.
И будете в холодной целовать
Наседку, фараона, костолома.

И ты, пахан, фальшивые культи!
Оглобли от греха повороти!
Не то завоешь: «Мать тара-тати»,
Когда палач, погладив по плоти,
Всего тебя разымет на ломти.
Чуток пощиплешь фраера — и глядь,
Ужо заголосишь на дыбе: «Блядь!»
Нет, лучше побалдеть, ребята, дома,
Чем хоботами злоупотреблять
Наседки, фараоны, костолома.

И ты, красавчик, — Господи прости, —
Готовый своего же провести!
На стреме посчитай до десяти,
У ябеды покуле не в сети,
А посчитал — в кусточки припусти.
В кусточках, парень, тишь и благодать,
А в кабаках чума... Ан нет, видать,
Не больно-то голубчику знакомо,
Как в киче и на дыбе утруждать
Наседку, фараона, костолома.

Принц, ювелир-стекольщик, плут и тать,
С ремеслинничками тебе под стать!
Ты, спору нет, орел, а не кулема.
Но на веревке и орлу дристать
В наседку, фараона, костолома.

БАЛЛАДА IX

Намедни, братцы, я с наваром шел.
Гляжу — Сигошин дом. Во, грю, усладца!
Кирнуть с цыганом и кадрить фефел!
Пойдет потеха — со смеху уссаться!
И прямиком к нему в кабак чешу.
А он там корчит из себя пашу
С молокососами в углу хибары
И вымогает барыши-хабары.
И ботает по фене. Глянь-ка вона!
Чай, думает, помогут тары-бары
Дерябнуть на халяву выпивона.

Ну, значится, и карточки на стол.
Гляжу — один успел-таки набраться.
А цыганва перемигнулась, мол,
Сча обработаем в картишки братца.
И завели промеж собой шу-шу.
И, слышу, баит кореш корешу:
«Во, две монеты поимел с понтяры».
Э, думаю себе, цыганы яры!
А тот грит: «Проворонила ворона.
Бежим, пока под мухой кокийяры,
Дерябнем на халяву выпивона.»

Сидим. Вдруг зенки хмырь один завел.
Вопит: «Ой, наколола стерва цаца!
Ой, ейный стырил денежки кобел!
Весь дом я просадил им до матраца!
Сижу тут, чарочки им подношу!
Ей и ее поганцу кудряшу!
За картами не чую близкой кары!
А, видно, ейные уловки стары!
Вишь, утекла и не дала, гулена!
И сперла гунку у меня и шкары,
Дерябнув на халяву выпивона!»

Принц, коли девка расточает чары,
Глянь, нет ли ухажеры у девчары.
А коли есть — любиться с ней говенно!
Вмиг обосрут тебя, как янычары,
Дерябнув на халяву выпивона!

БАЛЛАДА X

Бегите, цуцики, прибавьте прыти!
Воспомните о висельном уделе.
Вишь, по вертепам-кабакам дурите,
Доколе вас на жердочку не вздели.
Зато блажен, в веселии, в беде ли,
Когда, убравшись из вертепа в скит,
Уже не с чаровницами в борделе —
С зеленой травкой горемыка спит.

Вон кокийяр повешенный, глядите!
От страха ротозеи онемели:

Ни нюхалки, ни платья на бандите.
И то сказать: вы сами, пустомели,
От петли отбрехались еле-еле.
Закрой хлебальницу и ты, пиит!
Ведь не на дыбе — на цветах, на хмеле
С зеленой травкой горемыка спит.

Грядите с миром. А с ворами нити,
Покуле сами в лычке не замшели,
Как перед Богом грю вам, оборвите.
От батогов укроешься ужели?
Вот нонече и мне-то ох тяжеле!
И этот вон до полусмерти бит.
И слава Богу, ежели при теле
С зеленой травкой горемыка спит.

Вздохнув о дрыне, крестнике артели,
И о мазурике, моем доселе
Любимчике, о Жане и Ноэле,
ловчилах-парях, кои без обид
На Париженции бока наели, —
С зеленой травкой горемыка спит.

БАЛЛАДА XI

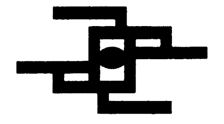
На днях, незадолго до Рождества,
К Сигошке-медвежатнику в кабак,
Гляжу, уфиздипупила братва.
Народу — как невешаных собак!
А уж сама орава какова!
Марухи, фифы-рюши-кружева,
Шакалы, шкоды, щипачи-роднули,
Барыги и отребье-цыганва
Питушницу вдругорядь жаханули!

Ну, клюкнули, как водится, сперва.
И зажевали корочкой за так.
Одна уговорилась ендова.
Пошел тут разговорец меж ватаг,
Мол, неча жилиться. Коль дешева
Жратва у нас, так это не жратва.
И скидывались поровну, покуле
Не набралось. Се, клюкнув однова,

Питушницу вдругорядь жаханули.

Теперича монет едва-едва.
Ну тут мы надоумили парняг
И дернули втихую по дрова.
Короче, дело выдалось верняк.
Кой-чо кой-где почистили, да как!
Ух и была работка здорова!
Товарец рассовали в рукава,
Покуда кнокарь дрых на карауле.
Жиду навар загнали и эхва!
Питушницу вдругорядь жаханули...

Перевод Елены КАССИРОВОЙ

Всякая Всячина

Это новая рубрика, где мы будем публиковать объявления, предложения, справки и т.д. и т.п., действительно «всякую всячину» с армяно-еврейским уклоном.

— Редакция

РЕДАКЦИЯ ИЩЕТ ПАРТНЕРОВ (ОРГАНИЗАЦИИ И ЧАСТНЫХ ГРАЖДАН), СПОСОБНЫХ ОРГАНИЗОВАТЬ ПРОДАЖУ И ПОДПИСКУ ВЕСТНИКА «НОЙ» В ЕРЕВАНЕ.

Куплю тт. I, II, IX, XV «Еврейской Энциклопедии» — издательства **Брокгауз-Ефрон**, Спб. 1908-1913, или репринтное издание (Издательский центр «ТЕРРА». Москва. 1991).

Нужны т.6 (Иерусалим, 1992) и т.7 (Иерусалим, 1994) «Краткой еврейской энциклопедии» на русском языке.

Редакция купит (недорого) Армянскую Энциклопедию в 13 тт. Ереван, 1974 - 1986 гг.

Господин редактор,

с большим удовольствием прочитал в № 11 роман Освальда Леветта «PAPILIO MARIPOSA». В послесловии переводчика сказано, что единственное свидетельство о существовании таинственного автора это «Год гильотины» — совместная с Лео Перуцем обработка романа Виктора Гюго «Девяносто третий год».

Позволю себе предположить, что соавторство в данном случае всего лишь уловка, и под псевдонимом «Освальд Леветт» таится именно Лео Перуц (1884 - 1957). А убедил меня в этом роман Л.Перуца «Прыжок в неизвестное» (Издательство *«А.Ф.Маркс.* Ленинград. 1924) в великолепном переводе Исая Мандельштама (кстати, ваша редакция сделала бы доброе дело, рассказав об этом замечательном человеке, которому многим обязан русский читатель). Конечно, это просто догадка, не более.

Авет Рахмиелян
Лондон

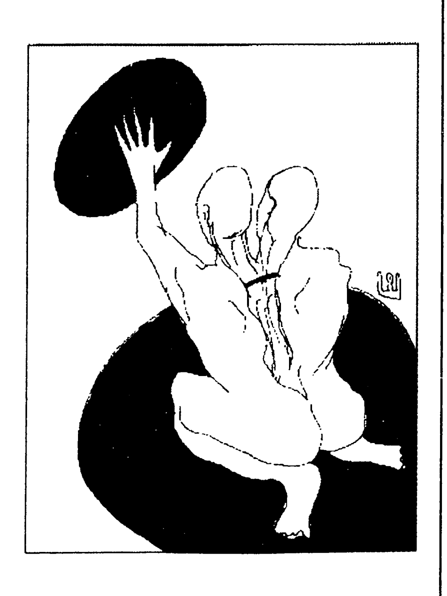
НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОЙ»

Арифметика жизни Бориса ШАПИРО проста и трагична: тридцать один год прожит в России, двадцать в Германии. Трагичен и счет его поэзии: на родине не напечатано ни строчки, а на чужбине - три книги. «ДВЕ ЛУНЫ» - четвертая книга поэта, и первая - в Москве, в России.

«Поэмы Бориса Шапиро, как русские, так и немецкие - это внутренний разговор, дающий начало обновлению и перерождению. Их темы - эмиграция, смерть, любовь, искусство, религия, история и судьба человека и человечества в целом. Стихи Шапиро - это эмигранты, которые возвращаются на родину в книге «Две луны». Они свидетели другой жизни, носители высокой этической и религиозной напряженности. Я желаю им успеха в поиске старых друзей и новых читателей».
(Хелла ШАПИРО, д-р философии, Тюбинген)

БОРИС
ШАПИРО

ДВЕ ЛУНЫ

Борис ШАПИРО. ДВЕ ЛУНЫ. Стихотворения и поэмы. Художник Уся ШАПИРО. Послесловие Хеллы ШАПИРО. Москва. «НОЙ». 1995. 184 стр. Тираж 999 экз.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОЙ»

Проза Ильи Воронова - это картина цельного, совершенно особенного мировосприятия. Мировосприятия, которое находится в постоянном движении, старается прорваться к пониманию «вечных» проблем человеческого существования. Нам только кажется, что на все вопросы ответы даны когда-то давно. На самом деле сформированы лишь стереотипы, удобные шаблоны, которые позволяют не задумываться над определенными проблемами по-настоящему. Илья Воронов в своем творчестве отказывается от привычных схем, заново, глубоко и серьезно подходит к этим вопросам. Его герои пытаются найти свои собственные, подчас необычные, странные пути, увидеть смысл жизни там, где никому не приходит в голову его искать... хотя и гибнут чаще всего под тяжестью мира обыденных истин, жестокого ко всему чужеродному. Постоянное болезненное исследование автором своего (и нашего) внутреннего мира не всегда вызывает положительные эмоции у читателя. Но, основная цель писателя - пробуждение духа и мысли. В какой степени она достигнута - решать каждому из нас. По крайней мере теперь у нас есть еще одна такая возможность.
(Алексей ЕРЕМИН, психолог)

Илья ВОРОНОВ. ЛЮДВИГ КЕРПЕН КАК КОЛЛЕКЦИОНЕР КРАСНЫХ ОТТЕНКОВ. *Рассказы*. Художники Е.ЭЙДЕЛЬШТЕЙН, FÖXISCHE KÜNST. Москва. «НОЙ». 1996. 184 стр. Тираж 999 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка художника
Марка Ибшмана

Главный художник
Владимир Петров

Набор, верстка, оформление выполнены
Екатериной Эйдельштейн

ЕЭ

в издательстве «НОЙ»

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г.

Подписано в печать

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Заказ *100*

Цена свободная
Тираж 999 экз.

113534 Москва, а/я 11
Телефон: (095)386-25-63

НОЙ

נח

טו

